ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 50 ДЕКАБРЬ 1975

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев выступает с речью на VII съезде Польской объединенной рабочей партии.

ВЕРНОСТЬ Л

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (2527)

13 ДЕКАБРЯ 1975

8 декабря в Варшаве в атмосфере большого творческого подъема начал работу VII съезд Польской объединенной рабочей партии — боевого авангарда трудового народа страны. В зале конгрессов Дворца культуры и науки собрались 1811 делегатов, представляющих свыше двух миллионов трехсот тысяч польских коммунистов. Делегаты и гости съезда тепло приветствовали Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека, члена Политбюро ЦК ПОРП, Председателя Государственного Совета ПНР Г. Яблоньского, члена Политбюро ЦК ПОРП, Председателя Совета Министров ПНР П. Ярошевича и других руководящих деятелей ПОРП.

Накануне состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Гереком, прошедшая в обстановке сердечности и полного единства взглядов.

Съезд открыл приветственной речью товарищ Э. Герек.

В президиуме съезда — делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, главы делегаций других коммунистических и рабочих партий.

Единогласно утверждается повестка дня: отчет Центрального Комитета ПОРП, а также задачи партии по дальнейшему динамичному развитию социалистического строительства в Польской Народной Республике; отчет Центральной ревизионной комиссии; директивы по социально-экономическому развитию страны на период 1976—1980 годы; выборы Центрального Комитета и Центральной ревизионной комиссии.

С программным докладом Политбюро ЦК ПОРП «За дальнейшее динамичное развитие социалистического строительства — за более высокое качество труда, за улучшение жизни народа» выступил Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Э. Герек.

9 декабря съезд продолжил свою работу.

В зале вспыхнули бурные овации, когда слово было предоставлено главе делегации КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу. Его речь была выслушана с большим вниманием, неоднократно прерывалась аплодисментами.

Глава делегации КПСС передал товарищу Э. Гереку приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. В нем говорится: «Нас искренне радует, что из года в год крепнет братская дружба между нашими партиями и народами, постоянно углубляется и дает ощутимые результаты во всех сферах политической, хозяйственной и культурной жизни советско-польское сотрудничество».

Телефото С. Смирнова.

ЕНИНИЗМУ

6 декабря из Москвы в Варшаву, на VII съезд ПОРП, отбыла делегация КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. На снимке: проводы на Белорусском вокзале. Фото А. Гостева.

Встреча в Варшаве. Телефото С. Смирнова.

ДОВЕРИЕ

Накануне открытия VII съезда Польской объединенной рабочей партии корреспондент «Комсомольской правды» в Варшаве В. Ганюшкин по просьбе «Огонька» встретился с делегатом съезда, членом ЦК ПОРП Вацлавом Станишевским, токарем-шлифовщиком завода легковых автомобилей. Рабочий-ветеран, награжденный высшей наградой страны — орденом «Строитель народной Польши», рассказывает:

Пожалуй, начну с того, что меня и еще двух автозаводцев избрали делегатами съезда. У нас на заводе 3700 коммунистов. Между съездами в партию вступило более тысячи человек.

Партия пользуется доверием рабочего класса. Программа социально-экономического развития страны, выдвинутая на VI съезде ПОРП, отвечает главным интересам трудящихся, всего народа. И это укрепление единства, сплочение всего общества вокруг партии, упрочение ее связи с рабочим классом, со всеми трудящимися — главный фактор наших достижений.

Вся моя жизнь связана с заводом. Тут трудятся моя жена и трое сыновей. Здесь я двадцать лет назад вступил в партию, а трудовая моя биография началась задолго до первого польского автомобиля. Рабочим стал еще в 1933 году. И на себе испытал все «прелести» тогдашнего строя. Войну пережил и фашистский плен. Две недели после побега добирался до Варшавы... Так что мне есть с чем сравнивать. И разве тридцать лет без войны — это не великое дело коммунистов наших стран, результат политики наших партий! Ведь это формирует доверие масс к партии, к социализму, к идеям Ленина, питает их творческий оптимизм.

И доверие это не на словах. Вот наш автозавод в честь партийного съезда на четыре месяца раньше срока завершил пятилетку, выпустил сверх годового задания на 7 миллиардов злотых продукции. На днях торжественно передали службе здоровья 20 машин «Скорой помощи», изготовленных на общественных началах. А ведь так работали в предсъездовские дни не только мы, а сотни трудовых коллективов по всей Польше. Это и есть реальная поддержка политики нашей рабочей партии.

Задолго до дня открытия съезда были опубликованы Тезисы ЦК ПОРП к VII съезду. Обсуждение их стало поистине всенародным. И коммунисты и беспартийные рассматривают наши успехи как качественно новую базу для строительства развитого социалистического общества. Партия определила и главное направление для достижения этой цели — повышение качества труда и условий жизни народа. Это по-прежнему ведущая идея всех наших планов.

Во время съезда, кроме пленарных заседаний, делегаты будут работать в семнадцати проблемных комиссиях. В одной из них — по проблемам развития производства — предстоит участвовать и мне.

У нас над проходной висит транспарант: «Завод построен на основе дружбы, сотрудничества и примера Советского Союза». Это еще со времен «Варшавы» — «Победы».

С автомобилем марки «Варшава» у каждого поляка связаны особые воспоминания. Она родилась на основе вашей «Победы». Я сам начинал работу на токарном станке с «Красного пролетария». Многие мои товарищи проходили стажировку в Горьком. Теперь «Варшава» — это уже история. Мы делаем современные машины, которые завоевали признание и на мировом рынке. Крепнет день ото дня сотрудничество с советскими автомобилестроителями. Мы кооперируемся с Волжским автозаводом в Тольятти, обмениваемся делегациями, специалистами, высоко ценим помощь советских друзей и сотрудничество с ними.

В год 30-летия ПНР мне довелось побывать в первый раз в Советском Союзе.

Много было неожиданного. Но еще чаще я отмечал про себя: «И у нас так», «мы тоже так думаем». В этом совпадении, в единстве — залог всех наших свершений.

Варшава, по телефону.

Во время заседания Президиума Верховного Совета СССР. Фото А. Гостева

НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ

«...Всемерное укрепление единства и дружбы между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой отвечает коренным интересам народов обеих стран и всего содружества социалистических государств, служит делу дальнейшего сближения социалистических наций...» Это строки из Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР, подписанного в Москве во время недавнего визита в нашу страну партийно-государственной делегации ГДР. Договор скреплен подписями Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Первого секретаря ЦК СЕПГ Э. Хонеккера.

4 декабря Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой.

— Договор,— сказал в своем выступлении Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный,— открывает новый этап в сотрудничестве между СССР и ГДР, характерными чертами которого будут дальнейшее сближение обеих стран во всех областях, широкое объединение их усилий в целях решения задач социалистического и коммунистического строительства, еще более тесное взаимодействие при проведении согласованного внешнеполитического курса.

6 декабря договор единогласно утвердила Народная палата ГДР.

С ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ В АФГАНИСТАН

8 декабря Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный отбыл с официальным дружественным визитом из Москвы в Афганистан по приглашению главы государства и премьер-министра Республики Афганистан Мухаммеда Дауда.

На аэродроме Н. В. Подгорного провожали товарищи Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, М. С. Соломенцев, другие официальные лица.

Проводы на Внуковском аэродроме.
Фото А. Гостева

ПОЛЕЗНЫЙ ОБМЕН МНЕНИЯМИ

Со 2 по 4 декабря 1975 года в Советском Союзе с официальным визитом в качестве гостя Советского правительства находился министр иностранных дел государства Кувейт шейх Сабах аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах.

Министр иностранных дел Кувейта был принят членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. Состоялся полезный обмен мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и министром иностранных дел Кувейта Сабахом аль-Ахмедом аль-Джабером ас-Сабахом состоялись переговоры, в ходе которых были обсуждены вопросы советско-кувейтских отношений, а также некоторые международные проблемы.

Во время встреч и переговоров обе стороны выразили удовлетворение развитием отношений дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Кувейтом и рассмотрели меры по укреплению и развитию этих отношений в различных областях.

Министр иностранных дел СССР и министр иностранных дел Кувейта подписали «Программу культурного и научного обмена между Союзом Советских Социалистических Республик и государством Кувейт на 1976—1977 гг.».

Перед беседой.
Фото А. Гостева.

Знатный хлопкороб Ахмед Валиев.

на финише пятилетки

УЗБЕКИСТАН — 5 000 000 ТОНН ХЛОПКА!

РУКИ ЗОЛО

В. КОСТЫРЯ

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО

На Востоке говорят: «Лепестки шутки распускаются на камне миновавшей опасности». Сегодня хорошее настроение у хлопкоробов — вот они, обещанные миллионы тонн «белого золота». Вопреки всем козням природы есть пять миллионов тонн!

Первым «камнем опасности» оказалась для семян хлопчатника весенняя почва. Маловодье грозило катастрофическим неурожаем. Прошла неделя после посевной, а всходов нет как нет...

— Недоступной красавицей представлялась нам осень,— смеется теперь бригадир Фарманкул Рахманкулов из совхоза имени XXIII партсъезда, что в Голодной степи.— Обихаживали поля, как могли. Земля молодая, второй год на ней работаем, план урожайности соответственно небольшой, но и до него дотянуться, казалось, невозможно. Сев закончили позже всех в Акалтынском рай-

ТЫЕ

оне. Семена закладывали глубоко, добираясь до почвенной влаги. И когда появились всходы, поняли, что оплатит осень труды наши сторицей. Так и вышло: по сорок пять центнеров собрали!

— Две посевные кампании провели,— сообщил первый секретарь Акалтынского райкома партии Шамсутдин Джунусович Тетуев.— После горячих споров решились на аварийный пересев: полили все закаменевшие массивы, пустили бороны... На более благополучных полях по совету директора экспериментального совхоза «Малик», кандидата сельскохозяйственных наук Михаила Ефимовича Красильникова применили углубленный подсев. Знали, что обрекли себя на сжатые сроки уборки. Поэтому летом каждый уборочный агрегат готовили с особой тщательностью. У нас их целая эскадра — почти семьсот «голубых кораблей»... Когда началось раскрытие хлопковых коробочек, сна лишились: главное — уловить момент начала сбора. Поторопишься — потеряешь центнеры «белого золота», опоздаешь — все труды прахом. Надежда на людей за штурвалами, на их сноровку. И механизаторы не подвели. За пятнадцать дней район выполнил план — около пятидесяти тысяч тонн. На финише дали дополнительно еще тридцать тысяч! Это наш подарок XXV съезду КПСС.

Высокий класс работы в труд-

Белая страда.

нейших условиях показали андижанцы, ташкентцы, хлопкоробы Каракалпакии, сырдарьинцы, мастера других областей республики.

...Рано утром по асфальтовой магистрали мчался мотоциклист. Это спешила на полевой стан Манзура Кадырова. Здесь ее, бригадира, секретаря парторганизации отделения совхоза «Фергана» Акалтынского района, встретили семеро ребят, членов бригады.

Бригада целинников вырастила вместо плановых семнадцати центнеров по сорок пять.

— Акалтынский район значит «Бело-золотой»,—поясняет Манзура.— На каждого члена бригады приходится более десяти гектаров, без машин трудно было бы. Поэтому каждый из нас только что самолетом не управляет. Да и землю знаем не хуже агронома. Ребята учатся в техникумах, институтах, я мечтаю закончить Ташкентский сельскохозяйственный...

Директор совхоза «Фергана» Сабирджан Сидыков приехал на целину из Андижана. Он сказал:

— Сейчас молодые люди отлично руководят не только бригадами, но и большими хозяйствами. Например, директор совхоза имени XXIII партсъезда Якубджан Рахманкулов или директор совхоза «Андижан» Амангельды Айдаров... Соревнуемся! И, надо сказать, с переменным успехом. Секретарь райкома комсомола Мухитдин Нарзакулов — дипломированный инженер, энтузиаст массового обучения молодежи механизаторским профессиям. А молодежь — три четверти населения нашего района. Тридцать три национальности — интернационал! Первый секретарь райкома Ш. Д. Тетуев — балкарец, председатель райисполкома Н. Ф. Фазылов — узбек, директор совхоза имени XXIII партсъезда Я. Р. Рахманкулов — киргиз...

Мы побывали в совхозе имени Кичанова, Джизакской области, в бригаде Героя Социалистического Труда Ахмеда Валиева — в самой глубинке Голодной степи. Вместо бригадного стана-времянки мы увидели настоящий сад! У въезда в окружении фруктовых деревьев играл струями фонтан. За ним широкая крытая веранда. На веранде шкаф с книгами, пианино, бильярд, даже аквариум с золотыми рыбками! Неподалеку огород — помидоры, огурцы, лук... По соседству с хлопковым полем розарий, четыре тысячи кустов роз. Вот тебе и пустыня!

— Съезд партии встретим достойно,— рассказывает Ахмедака. — Вдвое расширили поле. Звание Героя Социалистического Труда надо оправдывать из года в год. Думаем взять бригадой еще двести гектаров. Что это даст? Во-первых, там, где урожайность сегодня невысока, доведем ее до нашей. Во-вторых, сократится управленческий аппарат, значит, и себестоимость хлопка снизится. В народе издавна говорят: «Труда бояться — счастья не видать».

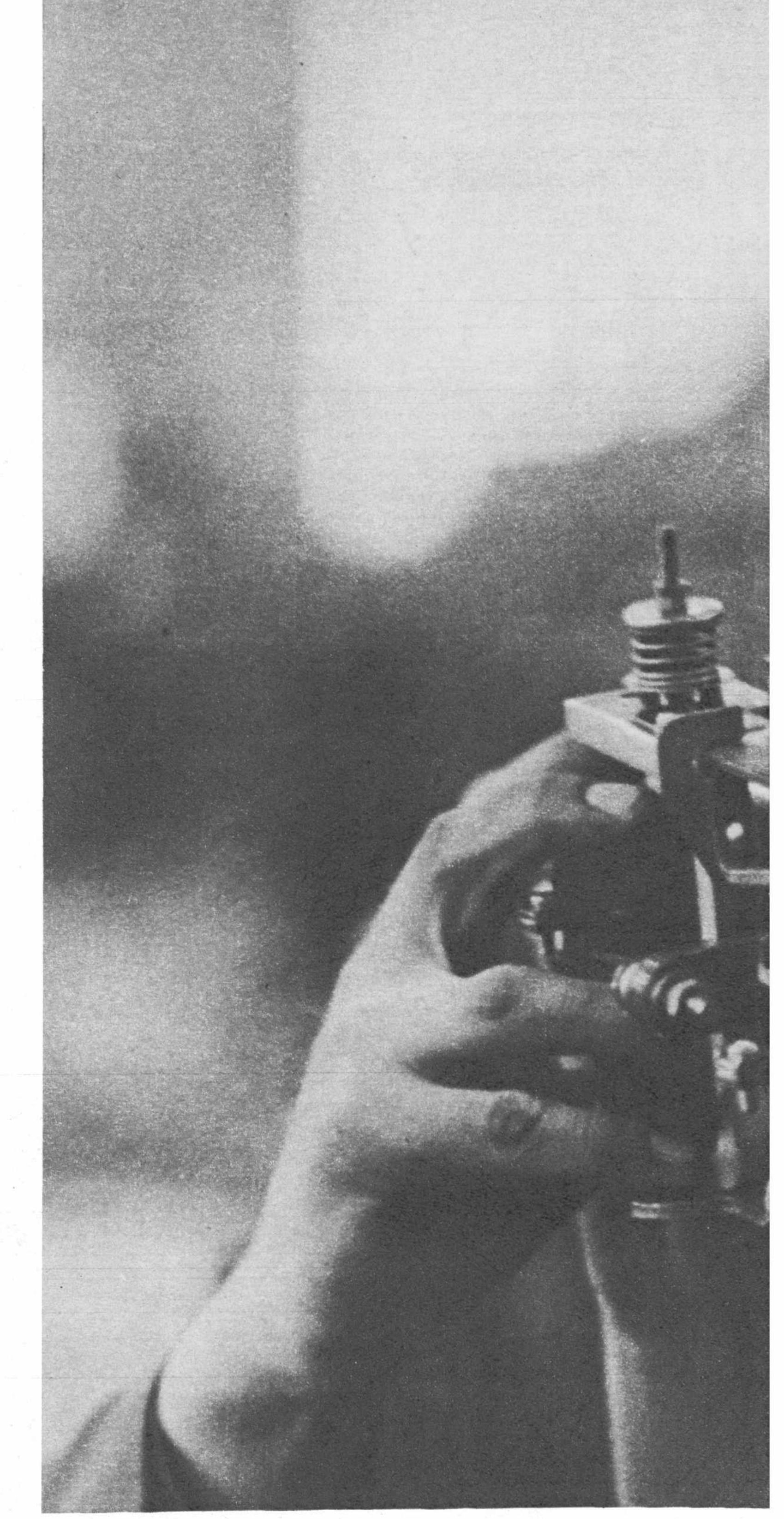
Труд и призвание — могучая сила против капризов природы.

...Бурые полосы убранных хлопковых полей. Между ними зеленеет люцерна. За горизонт уходит чисто убранный массив, ни единой бело-золотой дольки.

Золотыми руками мастеров, таких, как Валиев, и сотворена в нынешнем году победа — 5 миллионов тонн узбекистанского хлопка!

К 70-ЛЕТИЮ ДЕКАБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ РАБОЧИХ В МОСКВЕ.

Олег ШМЕЛЕВ
Фото
Льва ШЕРСТЕННИКОВА



КРАСНЫЕ З

Много народной крови пролилось в 1905 году на земле России, прежде чем настал декабрь, который был, по выражению Владимира Ильича Ленина, «естественным и неизбежным завершением *массовых* столкновений и битв, нараставших во всех концах страны...».

В Москве события развивались стремительно и трагически. После всеобщей октябрьской политической стачки перепуганное самодержавие обещало в манифесте предоставить гражданам право на неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов, а на следующий день после выпуска манифеста в Москве был убит один из руководителей московских большевиков — Николай Эрнестович Бауман. Это вызвало гнев рабочих. Баумана хоронили неисчислимые тысячи людей, а когда они возвращались вечером с Ваганьковского кладбища, полиция и войска открыли огонь по толпе. Около пятидесяти человек было убито и ранено.

5(18) декабря 1905 года в Москве, на Чистых прудах, в училище Фидлера, собралась конференция московских большевиков, которая постановила объявить с 12 часов 7 декабря всеобщую стачку и перевести ее в вооруженное восстание. Московский Совет рабочих депутатов на своем четвертом заседании единогласно принял такое же решение. Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии обратился к рабочим с призывом: «Вставайте, товарищи! Бросайте работы, вооружайтесь, кто чем может! Бейте подлецов, которые вас бьют и ваших братьев, стреляйте в тех, кто в вас стреляет, истребляйте их всех беспощадно, без жалости и сострадания... До-

Завод «Памяти революции 1905 года». Слесари-сборщики Наталья Кезикова и Виктор Мокряков.

НАМЕНА ПРЕСНИ ▶

лой самодержавие! Да здравствует стачка! Да здравствует вооруженное восстание измученного народа!»

10 декабря Пресня, Миусы, Сокольники, Бутырки, Лефортово, Замоскворечье, Симоновка покрылись баррикадами. Главная крепость и центр восставших — Пресня. Верные правительству войска сосредоточены в манеже и на Театральной площади (ныне площадь Свердлова), откуда ведут атаки в радиальных направлениях.

Борьба была неравной, тем более что действия рабочих дружин носили разрозненный характер, так как руководящий центр восстания — Московский комитет большевиков — в результате предательства оказался арестованным.

На помощь войскам московского гарнизона правительство сочло необходимым послать воинские части из Петербурга и Западного края.

Войска действовали жестоко. Вот строки из сводки департамента полиции за 8—15 декабря: «Баррикады обстреливались артиллерийским и ружейным огнем, а также дома, которыми пользовались революционеры для стрельбы по войскам из окон. Здания, где происходили сборища мятежников, оцеплялись войсками и... тоже подвергались действию артиллерии... 11 декабря в типографии Сытина собралось для совещания около 70 революционных деятелей... Была подвезена артиллерия, и по дому сделано несколько выстрелов картечью. В доме произошел пожар... Войска уничтожили доступ воды в горевшую типографию, и дом обрушился, задавив всех находившихся в нем людей... 13 декабря при помощи артиллерии были разрушены 4 дома на Кудринской-Садовой улице... 14 декабря войска атаковали дом на Миусской площади, где засела боевая дружина революционеров... Разрушили и сожгли дом артиллерийским огнем, так что никто из находившихся там революционеров не спасся... Тяжелоранеными переполнены все больницы, но число жертв точному учету не поддается, так как своих убитых и раненых революционеры убирают при помощи особых санитарных отрядов... Но масса в революционном ослеплении продолжает свою разрушительную работу, и потому рассчитывать скоро на полное успокоение трудно».

Составитель этого полицейского документа оказался прав: успокоения царскому режиму уже не было, хотя очаги восстания — все, кроме Пресни,— к 15 декабря уже оказались подавленными. Остатки дружин пробираются на Пресню. Пресня еще дерется, но уже ясно, что долго ей тоже не продержаться.

В Москву прибыл лейб-гвардии Семеновский полк. Теперь каратели всеми наличными силами яростно обрушились на последнюю цитадель восставших. Чтобы избежать напрасных жертв, революционный комитет Пресни принял решение прекратить борьбу и составил воззвание к рабочим. Вчитайтесь в эти полные горечи, но гордые слова, и вы вдохнете воздух тех далеких героических дней:

«Товарищи дружинники!

...Пресня окопалась. Ей одной выпало на долю еще стоять лицом к врагу. Вся она покрыта вами баррикадами и минирована фугасами.

Это единственный уголок на всем земном шаре, где царствует рабочий класс, где свободно и звонко рождаются под красными знаменами песни труда и свободы. Пресня — крепость.

Но удержим ли мы ее до тех пор, чтобы вновь восстал рабочий Москвы?..

Мы были слабы расшевелить многомиллионное крестьянство. Московский гарнизон остался только нейтральным и сидит в казармах под замком. Мы одни на весь мир. Весь мир смотрит на нас. Одни — с проклятьем, другие — с глубоким сочувствием. Одиночки текут к нам на помощь. Дружинник — стало великим словом, и всюду, где будет революция, там будет и оно, это слово,— плюс Пресня, которая есть нам великий памятник. Враг боится Пресни. Но он нас ненавидит, окружает, поджигает и хочет раздавить. Он готовит насилие женам и сестрам рабочих. Дети рабочих будут под копытами лошадей и под сапогами пьяных царских солдат. Мы начали. Мы кончаем.

В субботу, ночью разобрать баррикады и всем разойтись далеко. Враг нам не простит его позора. Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это — ничего. Будущее — за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству.

Я отдал приказ в воскресенье развести пары, и все фабрики заработают, а начальники дружин укажут, где прятать оружие. Но пока вы — солдаты революции, и нас окружают, приказываю стоять на своих постах.

Нам смерть не страшна, и если враг помешает нашему плану, нашей воле, то дорого обойдется ему наше отступление. Мы — непобедимы!

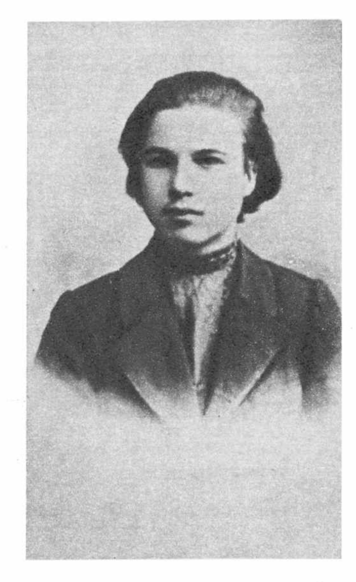
Да здравствует борьба и победа рабочих!

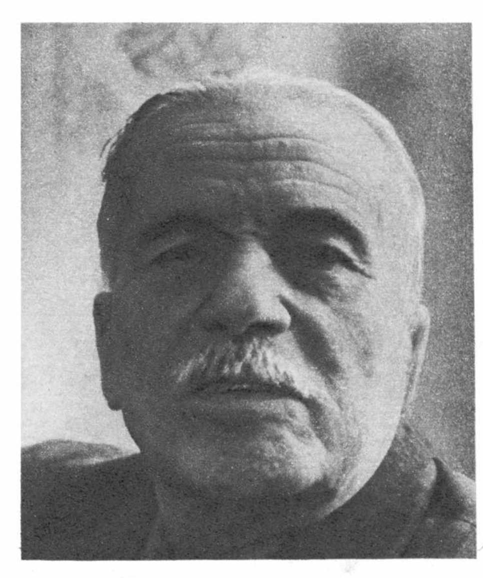
Командир пресненских боевых дружин».

Этим командиром был З. Литвин-Седой, член МК РСДРП...

Командир семеновцев полковник Мин приказал: «Арестованных не иметь». Начались обыски, облавы, расстрелы. Пресня была залита кровью рабочих...

Мы встретились с одним из участников декабрьских событий в Москве — Андреем Григорьевичем Носковым. Он вступил в партию в 1913 году. В 1912—1913 годах был секретарем московского профсоюза булочников, не раз его арестовывали, а в четырнадцатом выслали из Москвы. Он участвовал в гражданской войне, был председателем ЦК профсоюза пищевиков, избирался генеральным секретарем Международного революционного комитета пищевиков, членом ВЦИК и ЦИК СССР, был делегатом XI и XVI съездов партии, XVI Всесоюзной партконференции, много лет отдал партийной работе. А путь его в революцию начинался так...





Андрей Григорьевич Носков. Год 1907-й и 1975-й.

РАССКАЗЫВАЕТ АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ НОСКОВ

— В девятьсот пятом мне было двенадцать лет, и работал я в одной из булочных Филиппова, у Яузских ворот, а главное его предприятие было на Тверской, теперешней улице Горького. Двадцать четвертого сентября все рабочие московских булочных по призыву МК большевиков объявили забастовку... Это не шутка — оставить город без хлеба. Московский градоначальник барон Медем забеспокоился, собрал хозяев булочных, уговорил их прибавить рабочим зарплату. Но это не помогло, как не помогло и то, что в булочную на Тверской, которая славилась революционными настроениями, ввели наряд полицейских, которым надлежало охранять желающих продолжать работу. Но штрейкбрехеров здесь не нашлось...

На следующий день утром во дворе булочной было собрание, на которое пришли рабочие из других булочных и пекарен, а после собрания филипповцы отправились в соседние пекарни — снимать штрейкбрехеров с работы. А потом присоединились к демонстрации, на которую вскоре напали войска. Дело в конце концов дошло до того, что булочная на Тверской превратилась в крепость, которую войска и полиция вынуждены были брать штурмом...

Когда уже началось восстание, 8 декабря, наш главный забастовщик Проша послал меня и еще одного парнишку, Гришу Романушкина, с Яузских ворот в другую филипповскую булочную, в район Марьиной рощи. Он дал письмо и сказал, чтобы не попадались на глаза полиции. Мы отнесли письмо. Это было мое первое революционное поручение.

На обратном пути нам встретился Степан Малютин, который раньше работал в нашей пекарне и был уволен за то, что большевик. Он предложил пойти с ним в Инженерное училище, он состоял там в студенческой боевой дружине. Гриша не захотел, а я согласился...

Ночью дружинники разоружали городовых, чтобы добыть оружие. К одной из пятерок, командиром которой был булочник Федя-каланча, подключили и меня. Боевой единицей я, конечно, быть не мог — маловат еще, в мою задачу входило посматривать по сторонам во время операций и предупредить старших в случае чего-либо непредвиденного. К первому городовому Федя тихо подобрался со спины, стукнул легонько по голове рукояткой револьвера и, облапив, чтобы не упал, сказал хриплым басом: «Тихо, не рыпайся. Жизнь одна — царь тебе вторую не даст». Один из дружинников в этот момент уже отстегивал у городового с левого бока «селедку», то есть шашку в ножнах, другой снимал кобуру с револьвером. Часа за полтора таким вот манером разоружили пятерых городовых, принесли в училище пять револьверов, пять шашек, три винтовки.

9 декабря Степан Малютин, к которому я окончательно прибился, вместе с десятью другими булочниками отправился в центральную боевую дружину пекарей, в ее штаб на Патриарших прудах. Там мы ночевали, а утром дружина, которую возглавляли большевик Кондратий Мотылев и его помощник, тоже большевик, Семен Магаев, разбилась на несколько отрядов и начала сражение. Мы с Малютиным попали на Большую Бронную, строили баррикаду у Страстной площади — снимали и тащили ворота, валили телеграфные столбы, откуда-то привезли ломовые полки, сани, мы, огольцы, таскали поленья с дровяного склада, столы, стулья, катили водовозные бочки. В основании баррикады лежал огромный прилавок-буфет... Вскоре Бронная была перегорожена, остался лишь узкий проход с правой стороны. Его можно было завалить очень быстро, материал для этого припасли.

Кроме меня, в боевую дружину были зачислены еще три огольца — Федька-ежик и Вася Харитонов, булочники, и портной Проша. Вечером две пары дружинников пошли на разведку. Я попал в пару с Василием Сошниковым, нам поручили проверить Тверскую в сторону дома генерал-губернатора. Мы ничего тревожного не обнаружили и скоро вернулись.

Потом ходили со старым дружинником-рабочим Панфиловым во второй Арбатский полицейский участок, который был брошен хозяевами, и там благодаря хитроумно организованной засаде, следившей за дворником, мы нашли тайник, в котором оказалось двенадцать новеньких, жирно смазанных винтовок, четыре револьвера и ящик патронов. Трудно описать, как радовались наши, особенно начальник дружины Сусанин: оружие и патроны — это было дороже всего на свете.

На баррикадах шли бои. Через три или четыре дня после начала сражения Мотылев отправил меня и Федьку-ежика на Арбат — узнать, как там дела у наших дружинников, не нужна ли помощь. Дворами и переулками, потом через Молчановку и Собачью площадку пробрались на Арбат у Конюшенного переулка. Здесь шла сильная перестрелка. Поговорив с дружинниками, мы хотели пробраться к баррикаде у Плотникова переулка, но оттуда прибежал связной — передал просьбу помочь людьми. Однако и на баррикаде у Конюшенного тоже людей не хватало.

Начальник дружины на Арбате Алексей Мололов велел нам возвращаться на Бронную. «Передайте Мотылеву, срочно нужна помощь». Но, вглядевшись в наши лица, сказал: «Сначала сбегайте в булочную Виноградова, там вас накормят. Только быстро». Булочная эта была рядом, на другой стороне Арбата, просить нас дважды не приходилось. Там нам с Федей дали полную куличную форму пшенной каши, мы ее «убрали» в один момент и побежали

на Бронную. Когда пересекали Арбат, вспыхнула ожесточенная стрельба, на баррикаде кто-то закричал. Оказалось, был смертельно ранен начальник отряда боевой дружины с Пресни, с мебельной фабрики Шмита — Карасев. Едва мы свернули в Николо-Песковский переулок — снова крики на баррикаде. Ранило в плечо Алексея Мололова. Мы вернулись и уже вместе с ним, помогая в меру сил, отправились на Бронную. Мололова сразу поместили в аптеку Рубановского, где был наш санитарный пункт. Много позже я узнал, что его ранило вторично при артобстреле дома, в котором находилась аптека, он скончался в больнице через несколько дней.

Доложили мы с Ежиком Мотылеву о положении на Арбате, он послал туда помощь, а потом подозвал меня и говорит: «Давай на Пресню, разыщи Седого или его заместителя Николаева, расскажи все, что рассказал мне». Дорогу я знал, штаб пресненских боевых дружин разыскал быстро, принял меня Седой. Похвалил и велел никуда с Пресни не уходить, потому что в центре и в других местах дела плохи, царские войска берут верх. Так я стал связным при штабе на Пресне.

На следующий день Николаев дал поручение нам, четырем огольцам: дежурить на Москве-реке, встретить волоколамских крестьян с обозом — они должны были привезти восставшим продукты. Нам дали самодельные коньки — деревянные чурочки с врезанной вдоль железной полосой. Мы их привязали и начали кататься по льду, каждый на своем участке. Коньки и катание — это для маскировки.

Был сильный мороз. Я уж думал, совсем закоченею, когда из-за поворота появились подводы, они двигались прямо на мой пост. Я кинулся навстречу, кричу, машу рукой — показываю, как ближе проехать к Прохоровской мануфактуре, но тут с передней телеги спрыгнул мужик. «Беги,— кричит,— скажи Седому: беда! Вон казаки!» Я побежал через реку, выбрался на берег, где меня уже ждали мои дружки. Они видели, как казаки напали на обоз, и рассказали мне про это, пока в штаб добирались.

Скоро все кончилось. Был дан приказ прятать оружие и уходить из Москвы подальше.

Нас, связных, приютили семьи пресненских рабочих. Меня взял к себе дядя Вася с красильной фабрики, у которого было своих пятеро детей. Сам он скрылся, и свиделись мы с ним уже в 1910 году на массовке в Лосиноостровске...

Я по своей малости не считался, конечно, в пятом году настоящим бойцом, но должен сказать, что в боевых дружинах было очень много молодежи, рабочих парней по восемнадцать — двадцать лет, а сестрами милосердия были девчата. Революция верила в молодость, и молодость сражалась бесстрашно. И в семнадцатом году, в Октябре, и в гражданскую войну юноши и девушки беззаветно служили революции. Если партия и комсомол призывали их к борьбе, для них не было преград.

Я гляжу на нынешнюю молодежь, радуюсь тому, как она пытлива и образованна, и хочется сказать: молодые люди, ваша жизнь прекрасна, но никогда не забывайте, что все окружающее ныне вас явилось не само собой, всегда помните о тех, кто пролил свою кровь за свободу и счастье нашей Родины.

* * *

«Подвиг пресненских рабочих не пропал даром. Их жертвы были не напрасны... До вооруженного восстания в декабре 1905 года народ в России оказывался неспособным на массовую вооруженную борьбу с эксплуататорами. После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году...» — так писал Ленин.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Однажды Леонид Леонидович Райков, персональный пенсионер, развернув дома газету «Вечерняя Москва», обратил внимание на фотоснимок, изображавший старейшего участника декабрьского вооруженного восстания 1905 года Ивана Мартыновича Касаткина и красногвардейца Василия Николаевича Любимова, сражавшегося на Пресне в октябре 1917 года. Фамилия Любимова, имя-отчество показались ему знакомыми, и не просто знакомыми, а связанными с чем-то издавна хранящимся в памяти и даже близким. Сразу вспомнить не удалось, но чуть позже, перебирая семейные фотографии, он прочел на одной из них: «На добрую память сестрице Марии Филипповне от раненого К. Г. Василия Николаевича Любимова. 9 декабря 1917 г. Москва. Госпиталь № 10...» Память не обманула — все оказалось верно. Но, может быть, это совсем другой Любимов?

Леонид Леонидович позвонил в музей истории комсомола и молодежи Красной Пресни. Директором музея на общественных началах работает Александр Николаевич Грамп, сам комсомолец с восемнадцатого года, член партии с двадцатого,— он многих ветеранов знает...

Александр Николаевич тут же предложил Леониду Леонидовичу познакомить его с Любимовым. Райков захватил фотокарточку и отправился в музей, на Большую Грузинскую.

Они говорили как старые соратники, по-свойски, на «ты».

— Слушай, Василий Николаевич, ты в семнадцатом ранен был?

Любимов показал рукой на правое свое бедро.

— С тех пор хромаю.

— В госпитале номер тысяча семьдесят пять лежал?

— Точно. Он на Кудринской улице был.

Леонид Леонидович протянул ему карточку.

Любимов глядел на нее долго и долго молчал. Наконец спросил тихо:

— Откуда ж она у тебя?

— Мария Филипповна — моя мать.

— Неужели жива?

— Нет.

Любимов перевернул карточку. Все верно. Только от номера госпиталя остались две первые цифры, а две последние, на обрезе, стерлись. Буквы К. Г. означают красногвардеец. Писал Любимов не своей рукой — попросил соседа. Подарил он карточку операционной сестре Марии Филипповне в благодарность за то, что она выхаживала раненых, и его в том числе. Начальство и большинство врачей бежало, и все легло на плечи нескольких человек из среднего медперсонала.

Как попал семнадцатилетний красногвардеец в госпиталь № 1075?

В 1915 году пресненский паренек Вася Любимов поступил работать на завод братьев Тильмансов, эвакуированный по случаю войны из Ковно в Москву (теперь это завод «Пролетарский труд»). На заводе сложилась крепкая большевистская организация, меньшевики и эсеры сюда и соваться не смели. Молодежь тоже была настроена революционно.

Как-то Вася Любимов в компании друзей попал на молодежный вечер, который происходил в помещении Пресненского районного комитета РСДРП(б), и с тех пор зачастил сюда.

В один из майских дней собралось особенно много народу, и товарищи из райкома — М. Дугачев и А. Попов (сын писателя Серафимовича) — предложили объединить союзы фабрик и заводов и создать районный союз рабочей молодежи.

В июле, после расстрела в Петрограде мирной рабоче-солдатской демонстрации, всколыхнулась Москва. В те дни Василий Любимов стал коммунистом.

Большевики создавали на предприятиях отряды Красной гвардии, Василий записался одним из первых.

На следующий день после вооруженного восстания в Петрограде, 26 октября, на Пресне был образован военно-революционный комитет. Вечером того же дня Любимов, получив новую винтовку, нес караул у Моссовета... 27 октября командующий Московским военным округом полковник Рябцев объявил город на военном положении, потребовал распустить ВРК. Начались боевые действия.

Дальше слово самому Василию Николаевичу:

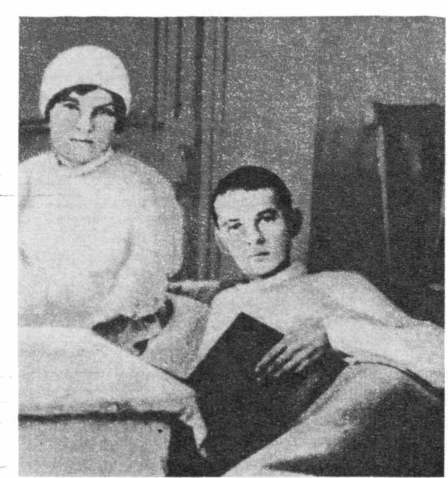
— Первого ноября утром к нам подошли подкрепления — солдаты и моряки. Отряды Красной гвардии наступали теперь на центр города широким фронтом, занимали подступы к Кремлю и Александровскому юнкерскому училищу. Это был последний опорный пункт московских белогвардейцев. Юнкера огрызались, иногда переходили в контратаки. Один их отряд под прикрытием броневика со стороны Смоленской площади и Арбата прорвался к Кудринской площади. Броневик подбили из орудия, он повернул и скрылся, юнкера отступили. Мы их преследовали, захватили Трубниковский переулок, Большую Молчановку.

Наша десятка остановилась на Новинском бульваре против Кречетниковского переулка — теперь это проспект Калинина. Начали стрелять по дому, где засели юнкера, потом был дан сигнал наступать. Я поднялся, побежал, но тут сильно обожгло правое бедро, я упал, опять вгорячах поднялся и опять упал. Товарищи мои уже ушли вперед, а кругом пули свистят. Ко мне подбежала наша медсестра Вера Фокина, подняла и отнесла в парадное дома номер одиннадцать по Новинскому бульвару. Потом ушла, но быстро вернулась, а с нею еще несколько медсестер. У них были носилки. Меня уложили и доставили в военный госпиталь на Кудринской...

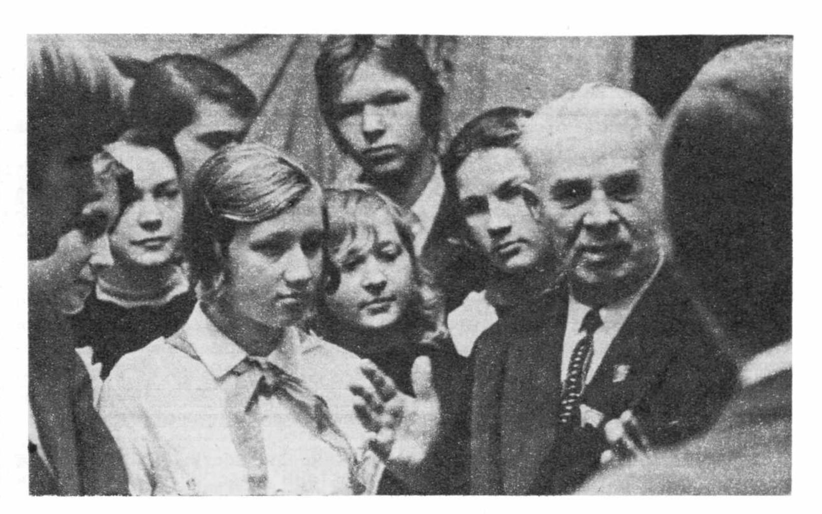
* * *

В Краснопресненском райкоме комсомола существует традиция: билеты девушкам и юношам вручают старые комсомольцы, ветераны революции. Мы сфотографировали одного из них, Василия Николаевича Любимова, после вручения.

Нуждается ли этот фотоснимок в сопроводительных объяснениях? Нет, он говорит лучше любых слов. Он полон символики.



Мария Филипповна и Василий Любимов. 1917 год.



Василий Николаевич Любимов с молодыми комсомольцами.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

ДЕКАБРИСТЫ И ИХ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАХОДКИ

Художник должен быть и историк, и поэт, и философ, и наблюдатель.
Николай Бестужев.

I

Исполняется сто пятьдесят лет со дня восстания декабристов. В памяти народной никогда не изгладится революционный подвиг тех, кто в начале прошлого века самоотверженно выступил против деспотического режима монархии.

В. И. Ленин многократно подчеркивал, что это восстание имело огромное значение в развитии отечественного освободительного движения. Характеризуя эпоху от декабристов до Герцена, В. И. Ленин говорил: «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ».

Еще задолго до восстания Никита Муравьев в своей записке «Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина» решительно выступил против его тезиса: «История народа принадлежит царю» (этими словами Карамзин заканчивал свое посвящение Александру I, предпосланное первому тому «Истории»). Критический разбор Никиты Муравьева начинался так: «История принадлежит народам». Народы должны находить в ней «верное изображение своих добродетелей и пороков, начала могущества, причины благоденствия или бедствий». А в своем проекте конституции Никита Муравьев предлагал отменить крепостное право.

В делах созданной после восстания «Следственной комиссии, касающейся государственных преступников» сохранились свидетельства декабристов, что одной из причин организации тайных обществ и восстания было бесправное положение широких народных масс.

В показаниях В. К. Кюхельбекера, лицейского друга А. С. Пушкина, проникновенными словами выражено отношение к тем простым людям, которые неустанным трудом и ратной доблестью способствовали могуществу Родины. На вопрос, что побудило его вступить в тайное общество, В. К. Кюхельбекер ответил:

«Злоупотребления, которые (по моему мнению) господствовали в большей части отраслей государственного управления, особенно же в тяжебном судопроизводстве, где лихоимство и подкупы производились без всякого стыда и страха». Далее Кюхельбекер писал: «Угнетение истинно ужасное (говорю не по слухам, а как очевидец, ибо живал в деревне не мимоездом), в котором находится большая часть помещичьих крестьян...» Наконец, сказав об «угнетении и всегдашней неуверенности, в коей раб (крепостной) находится насчет права пользоваться своим приобретаемым имуществом», Кюхельбекер заявил: эта «побудительная причина была для меня из самых главных: ибо, взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку — и это для писателя не последнее — коему в Европе нет подобного, наконец по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему пред всеми свойственному, я душою скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, быть может, опадет, не принесши никакого плода в нравственном мире!».

В числе наиболее передовых по своим политическим взглядам декабристов, кто с полным пониманием относился к самым злободневным вопросам тогдашней российской действительности, был Николай Александрович Бестужев. В своих показаниях Бестужев с предельной ясностью объяснил, почему он принял предложение К. Ф. Рылеева вступить в Северное общество: «Причины, побудившие меня ко вступлению в общество, были те, что соболезнуя сердцем о неустройствах и злоупотреблениях в моем отечестве, и всегда желая видеть средства к исправлению беспорядков, вкрадывавшихся беспрестанно в управление оного». И далее: «Надежда на успех основана была на всеобщем неудовольствии против существующего управления и всеобщем желании какой-либо утешительной перемены к облегчению тягости всех сословий».

В одну из своих записных книжек Николай Бестужев внес такие строки: «Надлежит стараться о благоденствии масс и не жертвовать оным для набогащения нескольких индивидуев». Подкрепив эту мысль примером, Николай Бестужев лаконично констатировал: «Итак, массы народа терпят от того, что набогащаются немногие».

Высказывал он и такое суждение: «До сих пор история писала только о царях и героях; (...) о народе и его нуждах, о его щастии или бедствиях мы ничего не ведали, и потому наружных блеск дворов мы принимали за истинное щастие государств, обширность торговли, богатство купечества и банков за благосостояние целого народа; но ныне требуют иных сведений: нынешний только век понял, что сила государств составляется из народа, что его благосостояние есть богатство государственное и что без его благоденствия богатство и пышность других сословий есть только язва, влекущая за собою общественное расстройство».

Николай Бестужев писал: чтобы «испровергнуть династию (...), отдать под суд министров», необходимо «зделать народную революцию».

II

После восстания 14 декабря 1825 года на каторгу было сослано около ста человек. Почти все они по своим воззрениям и высокой культуре были передовыми людьми тогдашней России. Среди них был и Николай Александрович Бестужев, которого А. И. Герцен назвал одним «из лучших, из самых энергичных действующих лиц великого заговора».

В своих мемуарах декабристы единодушно отмечали блестящие, многообразные дарования Николая Бестужева, с восхищением писали о его «золотых руках». Но поистине необычным делом было исполнение Бестужевым портретной галереи участников декабрьского восстания, которую он задумал в тюрьме. Он решил сохранить для следующих поколений — «для истории» — облик первых русских революционеров, твердо веря, что настанет время, когда люди будут вспоминать имена героев 14 декабря с глубочайшей признательностью.

При всех очевидных трудностях Бестужев все же осуществил свой замысел. За двенадцать лет пребывания на каторге ему удалось выполнить акварельные портреты не только всех товарищей по заключению, но и жен их, добровольно отправившихся в Сибирь, чтобы разделить участь мужей. Правда, некоторые из этих портретов Бестужеву пришлось еще тогда, в годы ссылки, подарить самим изображенным, не успев сделать для себя повторений. Но большинство работ осталось у художника. К тому же Николай Бестужев сумел сохранить эти портреты на каторге, на поселении и не расставался с ними до конца жизни.

Вот что пишет по этому поводу Михаил Бестужев, который был осужден вместе с братом: «У нас с ним было намерение составить по возможности полные биографии всех наших товарищей, и брат имел намерение приложить их к коллекции портретов, нарисованных им акварелью с изумительным сходством.

...Эта коллекция увезена сестрой Еленой Александровной, а предполагаемые биографии унесены братом в гроб». В 1858 году Е. А. Бестужева привезла портреты декабристов в Москву, а спустя два-три года продала их Козьме Терентьевичу Солдатенкову (1818—1901).

Почему же Е. А. Бестужева, так много сделавшая для выпуска в свет литературных произведений своих братьев Александра и Николая, решила уступить именно Солдатенкову портретную галерею декабристов, созданную Николаем Бестужевым в тюремных казематах Сибири и столь высоко им ценимую?

К. Т. Солдатенков был личностью во многих отношениях замечательной. Сын богатого купца, но выросший в «очень грубой и невежественной среде Рогожской окраины Москвы», Солдатенков «еле обучен был русской грамоте». Другой мемуарист свидетельствует, что этот «человек, не получивший образования даже на медные гроши (он ведь до старости писал плохо и ни на каком языке, кроме русского, не говорил), был так развит, относился с истинным, неподдельным интересом ко всем явлениям культуры и общественности».

В конце сороковых годов он сблизился с кругом лиц, игравших видную роль в интеллектуальной жизни Москвы. О том, насколько велико было их влияние на Солдатенкова, свидетельствует готовность, с какой он неизменно приходил на помощь людям искусства, литературы, науки. Так, например, уже став собирателем картин, Солдатенков познакомился в 1852 году в Италии с Александром Ивановым и тогда же убедился, в какой нужде живут там русские художники. И вот, вернувшись в Москву, он подтверждает в письме к Александру Иванову свою просьбу, высказанную еще в Риме: «...покорнейше прошу вас покупать для меня, что вы заметите хорошего русских художников. Как мы с вами лично об этом говорили, мое желание собрать галерею только рус-

ских художников». А когда вскоре Иванов посоветовал ему приобрести картину одного молодого живописца, Солдатенков откликнулся на это с такой готовностью, что уже в ответном письме Александр Андреевич выражает ему свою глубокую признательность: «примите мою благодарность за великодушный ваш поступок — наградить художника за труд, сверх условленной платы. Это тем более для меня трогательно, что вы, не видя еще самой вещи вашими глазами, основывались на одном только моем слове».

В начале 1855 года Александр Иванов, оставшись без средств к существованию, обратился к Солдатенкову с письмом, в котором были такие строки: «...хлеб требуется с каждым днем, то вследствие этого у меня является впереди крайняя нужда в материальных способах, почему я теперь предлагаю вам вопрос: в состоянии ли вы мне дать в заем денег, и как велика может быть та сумма, ибо, кроме меня, и брат мой доживает до того же положения?». Из следующего письма Александра Иванова — от мая 1855 года — явствует, что Солдатенков незамедлительно прислал ему деньги.

А по прошествии нескольких недель Солдатенков снова оказал материальную помощь, на этот раз Н. А. Некрасову, когда руководимый им журнал «Современник» оказался на грани катастрофы. «Добрый Тимофей Николаевич,— писал поэт Т. Н. Грановскому 9 сентября 1855 года из Петербурга в Москву,— скажу вам, что, кроме болезни, нынешний годик достался мне очень солон по причине боязни за судьбу «Современника». Каков бы ни был этот журнал, я затеял это дело, я посвятил ему несколько лет кровного труда и паче страха смерти мне была горька мысль, что дело это может провалиться. Из этого положения вывел нас ваш благородный друг Козьма Терентьич; ваше прекрасное мнение об этом человеке, которое высказали вы мне нынче весной и на основании которого я решился прибегнуть к нему, вполне справедливо, и да пошлет ему судьба всевозможные блага! Скажите ему, как увидите, мое глубокое спасибо и прибавьте к этому, что деньги его никак не пропадут — ручаюсь в этом головой, если только буду жив эти два года. Теперь принимаю меры решительные, чтоб впредь не доводить журнал до трагического положения, и надеюсь, что эти меры будут удачны».

В пору, когда Т. Н. Грановский получил это письмо, К. Т. Солдатенков вместе с общественным деятелем и редактором литературных альманахов Н. М. Щепкиным (сын знаменитого актера) приступил к издательской деятельности. В числе книг, выпущенных ими в 1856 году, были «Стихотворения Н. Некрасова» — первое собрание произведений поэта. Появление этой книги стало крупным событием в литературно-общественной жизни того времени. И. С. Тургенев, находившийся в Париже, писал о ней А. И. Герцену: «Из России я имею известие о громадном и неслыханном успехе «Стихотворений» Некрасова». Однако в официальных кругах к книге отнеслись не только резко отрицательно, но было запрещено появление в печати статей о ней и «в особенности выписок из оной». Одновременно был наложен запрет на переиздание книги. Так начались нелады Солдатенкова с официальными лицами, заправлявшими политической и культурной жизнью России.

С того же 1856 года Солдатенков стал выпускать произведения А. И. Полежаева, Н. П. Огарева, А. В. Кольцова, Ф. М. Решетникова, Марко Вовчок,— некоторые из этих книг переиздавались трижды. И вскоре Солдатенков приобрел славу прогрессивного издателя.

Большие неприятности принесла ему появившаяся в 1859 году книга «Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым». Разошлась она в три недели. Но после доклада шефа жандармов В. А. Долгорукова царь 23 декабря 1859 года приказал отстранить от должности цензора Д. Наумова, разрешившего выпустить эту книгу. Она была запрещена к переизданию. В составленном в том же году и подписанном московским генерал-губернатором графом А. А. Закревским «Списке подозрительных лиц в Москве» о Солдатенкове было сказано: «Раскольник, западник(...), желающий беспорядков и возмущений».

Солдатенков не мог не чувствовать резко отрицательного отношения к нему властей, но, несмотря на это, не прекратил деятельности издателя-просветителя и в том же 1859 году предпринял выпуск первого собрания сочинений В. Г. Белинского — в двенадцати томах и огромным для того времени двенадцатитысячным тиражом. За три года это издание было завершено. Ни один из тогдашних издателей не пошел бы на такой риск, но Солдатенкова боязнь убытков не остановила. Лучшие публицисты и критики, в их числе Н. А. Добролюбов, встретили издание восторженно,— оно сыграло огромную роль в распространении идей великого революционного демократа. В дальнейшем Солдатенков этот двенадцатитомник дважды переиздавал.

Тогда же, в последние недели 1859 года, Е. А. Бестужева завершала подготовку книги литературных произведений своего старшего брата. В следующем году книга вышла под названием «Рассказы и повести старого моряка Н. Бестужева», причем делалась она в той же московской типографии В. Е. Грачева и компании, где печатал свои издания и Солдатенков. Сохранилось письмо Е. А. Бестужевой от 27 сентября 1860 года к историку М. И. Семевскому (в дальнейшем — основателю и редактору журнала «Русская старина»), в котором она сообщала по поводу книги брата: «Я попробовала письмом просить известного своею честностью и бескорыстием г-на Солдатенкова принять это все издание под свое великодушие и хранение...».

Козьма Терентьевич, несомненно, исполнил эту просьбу. По всем данным, вскоре после этого он приобрел у Елены Александровны акварельные портреты декабристов и их жен, доставшиеся ей после смерти брата, уплатив за них весьма значительную по тем временам сумму. Со стороны Солдатенкова это был акт благородной поддержки трех незамужних и материально неустроенных сестер Николая Бестужева, каждой из которых было тогда от шестидесяти пяти до семидесяти лет.

Некоторую роль в этом приобретении сыграло и то, что в начале 1860-х годов Солдатенков был уже одним из самых известных московских коллекционеров. К тому времени, а также в первые годы следующего десятилетия, в его собрании уже находились пять работ Александра Иванова, приобретенных у самого художника,— первоначальный эскиз картины «Явление Христа народу» и четыре этюда к ней; Карл Брюллов уступил Солдатенкову свою картину «Вирсавия», а также несколько акварелей (всего в этой коллекции было семнадцать акварелей, сепий и рисунков Брюллова); собиратель приобрел у П. А. Федотова картину «Завтрак» и один из вариантов картины «Вдовушка»; у Федора Васильева — два пейзажа, у И. Н. Крамского — картину «Пасечник»; от В. А. Тропинина поступил автопортрет; В. Г. Перов передавал в коллекцию Солдатенкова свои лучшие работы. Можно представить себе, как рад был ее владелец приобщить к ней такое уникальное собрание, как портретная галерея декабристов и их жен, созданная одним из самых выдающихся участников восстания 1825 года, узников Читинского и Петровского острогов. Что же касается Е. А. Бестужевой, то она, вероятно, надеялась, что со временем, если ослабеет гнет цензуры, Солдатенков сможет эти акварели опубликовать.

В 1867 году К. Т. Солдатенков был избран почетным вольным общником Академии художеств, а в 1895 году — ее действительным членом.

Чтобы завершить наше краткое сообщение о Солдатенкове, которого современники называли «друг просвещения», напомним, что он предпринял выпуск в переводе на русский язык грандиозной пятнадцатитомной «Всеобщей истории» Георга Вебера только для того, чтобы возвратившийся из ссылки Н. Г. Чернышевский имел систематический литературный заработок. Николай Гаврилович успел перевести одиннадцать томов и часть двенадцатого, кроме того, он написал вступление к первому тому, а также предпослал дальнейшим переведенным им томам статьи, в которых приводил дополнительные сведения о соответствующей исторической эпохе. У Н. Г. Чернышевского были все основания писать о Солдатенкове: «Он действительно человек великодушный».

О том, как щедро Солдатенков оплачивал труд Чернышевского, свидетельствует дошедшая до наших дней их переписка, а также многочисленные упоминания по этому поводу в письмах Николая Гавриловича к разным лицам. Вот, например, что писал он 26 сентября 1889 года сыну: «...по правде сказать, Солдатенкову решительно все равно, должен я ему или нет, и если должен, то сколько; он и начинал дело со мной, вперед махнув рукой на свои счеты со мною; они имеют в его мнении характер фиктивный; сколько пропадет его денег за мной, столько и пропадет без всякого ропота с его стороны на меня». И разве не характеризует этого издателя с самой лучшей стороны тот факт, что еще до того, как намечалось завершение перевода «Всемирной истории», Солдатенков через типографа Грачева, поехавшего в Астрахань, обратился к Чернышевскому с таким предложением, о котором в те времена передовой литератор и общественный деятель мог только мечтать. Вот что Николай Гаврилович написал жене 17 июня 1888 года после встречи с Грачевым: «Кроме любезностей от Солдатенкова, он передал мне, что Козьма Терентьевич просит меня, когда кончу перевод Вебера, выбирать работы для издательства ему, какие мне самому вздумается: он будет издавать все, что найду полезным».

В историю родной культуры К. Т. Солдатенков вошел, по определению К. С. Станиславского, как издатель «тех книг, которые не могли рассчитывать на большой тираж, но были необходимы для науки, или вообще для культурных и образовательных целей». Станиславский причислял Солдатенкова к числу «строителей русской культурной жизни».

III

Первые сведения о портретной галерее декабристов, исполненной Николаем Бестужевым, стали проникать в печать начиная с 1860 года. Сведения эти исходили от историка М. И. Семевского, получившего их, в свою очередь, от Е. А. Бестужевой, с которой он познакомился в Петербурге в начале 1860 года. Тогда же Семевский увидел у нее эти портреты. Поэтому в рецензии на вышедшую тогда же книгу «Рассказы и повести старого моряка Н. Бестужева» он написал: «Бестужев был довольно искусным портретистом; между прочим, он нарисовал 70 портретов своих товарищей».

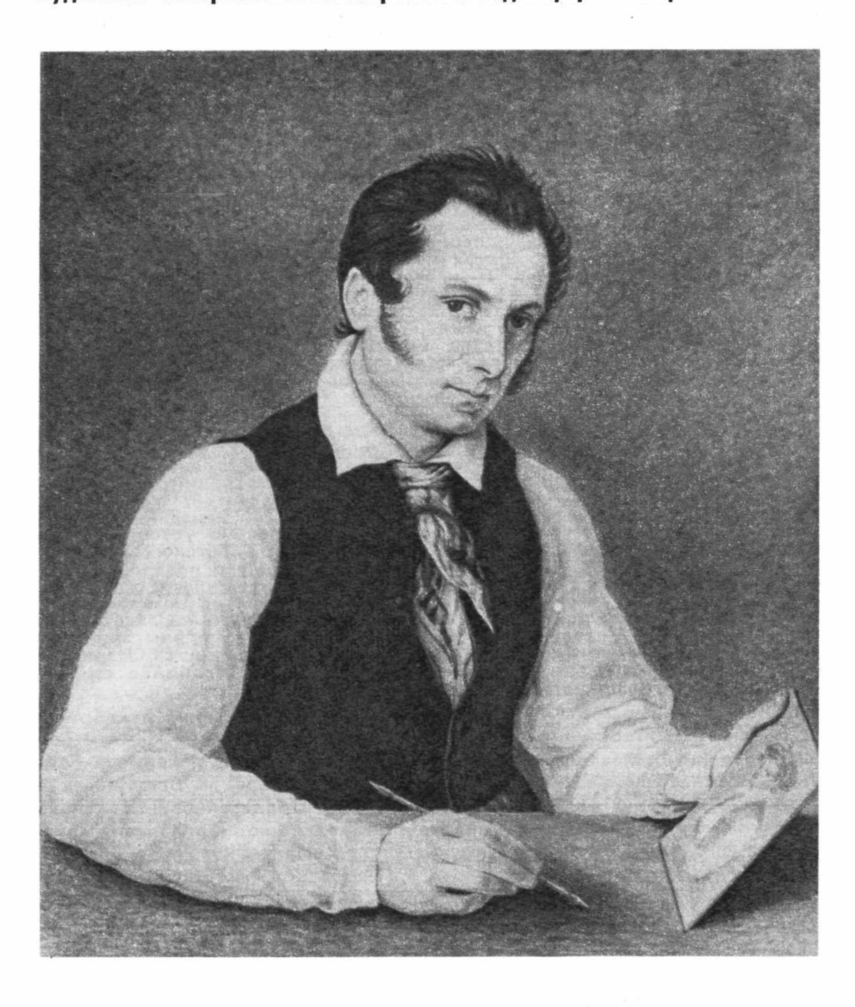
В том же году Семевский подготовил биографический очерк о Николае Бестужеве (очерк был запрещен цензурой и в печати не появился); там говорилось, что в Читинском остроге декабрист «поставил свой художнический пульпитр и стал рисовать: предметом его деятельности был ряд акварельных портретов (до 80 экз.) всех образованнейших жителей Читы». О занятиях Николая Бестужева живописью Семевский упомянул в одной из своих статей об Александре Бестужеве-Марлинском, напечатанной в 1860 году в «Отечественных записках». Приведя здесь письмо Николая Александровича к Н. В. Савицкому из Селенгинска, исследователь, сообщив в примечании, что декабрист там и умер, далее писал: «Память о нем до сих пор сохраняется местными жителями, среди которых он приобрел необыкновенную любовь и уважение. Портре-

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕСТУЖЕВ.

Автопортрет.

Акварель. Петровский завод, 1837—1839 гг.

Художник изобразил себя за работой над портретом брата Михаила.



ты как его, так и Михаила Александровича прекрасно сделаны были самим Николаем Александровичем. Это был человек гениальный».

В 1870 году М. И. Семевский, публикуя письма Александра Бестужева-Марлинского, к одному из этих писем, где говорилось: «Ты, любезный Николай, как я слышал, порою рисуешь»,— дал такое пояснение: «Николай Бестужев, между прочими дарованиями, обладал талантом живописца, по преимуществу портретного. Кисти его, между прочим, принадлежит очень большая коллекция портретов его товарищей по несчастию. Коллекция эта несколько лет тому назад приобретена одним из московских любителей разных замечательных вещей». Тот же Семевский напечатал в 1881 году в «Русской старине» несколько отрывков из воспоминаний Михаила Бестужева, в одном из них вкратце сообщалось о портретной галерее декабристов. К этому отрывку Семевский сделал такое примечание: «В 1860-х годах Е. А. Бестужева продала эту коллекцию в Москве известному ревнителю просвещения и издателю множества прекрасных книг — Козьме Солдатенкову».

Эти первые и к тому же весьма краткие сообщения о портретной галерее декабристов, принадлежавшей Солдатенкову, оказались и последними: при его жизни о ней ничего больше в печати не было сказано. Между тем во многих воспоминаниях декабристов, появлявшихся в печати начиная с семидесятых годов, шла речь об этих портретах. «Николай Бестужев (...) был наш портретист и нарисовал наших дам и почти всех своих товарищей»,— сообщал И. Д. Якушкин. «Н. А. Бестужев акварелью со всех нас снял портреты»,— утверждал А. Е. Розен. «Н. Бестужев собрал галерею портретов своих товарищей»,— писала М. Н. Волконская. «В свободное время он снял все наши портреты»,— свидетельствовал Н. И. Лорер. «Н. А. Бестужев снял почти со всех акварельные портреты»,— вспоминал А. Ф. Фролов. О Бестужеве, «снимавшем со всех нас портреты», писал и А. П. Беляев.

Подобные указания привлекали в те годы внимание историков и писателей. В частности, они заинтересовали Л. Н. Толстого. «О рисованьи спросить»,— пометил он для памяти в записной книжке 1878 года, посвященной материалам для романа «Декабристы». Когда Л. Н. Толстой познакомился с участниками восстания П. Н. Свистуновым, А. П. Беляевым, С. Г. Волконским и Д. И. Завалишиным, отбывавшими вместе с Бестужевым наказание в Читинском и Петровском острогах, он расспросил их о «рисованьи» Бестужева, а кто-то из них показал ему исполненные Бестужевым портреты. Мог Лев Николаевич видеть их и у С. Н. Бибиковой, дочери Никиты Муравьева, которую тогда же — в конце семидесятых годов — навещал в Москве.

Однако Толстой вряд ли знал, что основное собрание портретов декабристов уже давно находится в Москве; не знали об этом и те участники восстания, с которыми он был знаком,— ведь до 1881 года имя Солдатенкова как владельца бестужевского собрания в печати не называлось, да и сам Солдатенков никаких сведений о находившихся у него портретах декабристов и позже — в восьмидесятых и девяностых годах — не публиковал. Факт этот может показаться удивительным. Ведь Солдатенков, конечно, в полной мере представлял себе, как велико значение бестужевского собрания для русской культуры, для истории родной страны. Но в те десятилетия не могло быть и речи об издании исполненной Бестужевым на каторге портретной галереи «государственных преступников». Вот почему, владея ею сорок лет, Солдатенков не только не воспроизвел портретов в печати, но не обнародовал даже краткого их описания. Более того, после смерти К. Т. Солдатенкова следы этой «акварельной повести» затерялись. В своем завещании, составленном за три месяца до смерти, он приказал: «...книги и картины в Кунцевском моем доме и библиотека, статуи, бюсты и картинная галерея в московском моем доме, которые в полном их составе, по имеющимся описаниям, жертвую Московскому публичному и Румянцовскому музеям». Но бестужевское собрание портретов декабристов здесь не упоминалось и в Румянцевский музей не поступило.

Поиски портретной галереи декабристов, созданной Николаем Бестужевым, начались еще в 1905 году, когда в той же Москве готовилось к печати М. М. Зензиновым первое издание портретов участников восстания 1825 года. В этих поисках, кроме Зензинова, приняли участие автор пояснительных биографических текстов в этом издании приват-доцент П. И. Головачев и автор вступительной статьи В. А. Мякотин. Предпринятые ими поиски никаких результатов не дали.

Не удавалось выяснить местонахождение бестужевских акварелей и в позднейшие годы. Так, готовя в 1915—1916 годах первое отдельное издание воспоминаний Бестужевых, до того публиковавшихся лишь в разрозненном виде и в отрывках в различных журналах и газетах, известный пушкинист и историк русского революционного движения П. Е. Щеголев предпринял розыски декабристских портретов и даже ездил с этой целью в Москву, но безрезультатно: вышедшая в 1917 году под его редакцией книга «Воспоминания братьев Бестужевых» не содержит никаких данных о судьбе портретов декабристов, принадлежавших Солдатенкову.

Этот вопрос оставался невыясненным и в послереволюционные годы. Не имели успеха розыски, организованные в 1925 году, когда широко отмечалось столетие со дня восстания. Некоторые исследователи декабристского движения приходили даже к весьма огорчительному выводу: если за столько десятилетий, прошедших со дня смерти Солдатенкова, основное собрание находившихся у него декабристских портретов остается необнаруженным, значит, оно целиком утрачено.

IV

Будучи студентом Ленинградского университета и занимаясь историко-литературными, а также историко-художественными разысканиями, я с 1924 года стал бывать в доме П. Е. Щеголева. Вскоре Павел Елисеевич предложил мне помогать ему в литературной работе, что явилось для начинающего литературоведа и искусствоведа превосходной школой. У Щеголевых встречались интереснейшие люди той поры, и в их числе А. Н. Толстой, О. Д. Форш, А. А. Ахматова, М. М. Зощенко, В. Я. Шишков, К. А. Федин, С. П. Яремич... Один вечер в этом замечательном доме я запомнил на всю жизнь: в гостях у Щеголева была Лариса Михайловна Рейснер, превосходная писательница, человек пленительного ума, бесконечного обаяния и многогранной культуры.

Это было во второй половине 1925 года, за пять месяцев до столетия со дня восстания декабристов. Лариса Рейснер решила откликнуться на эту знаменательную дату несколькими статьями. В Ленинград она приехала для того, чтобы получить от П. Е. Щеголева ответы на некоторые вопросы, возникшие у нее во время работы.

Вопросы, которые Л. М. Рейснер задавала Павлу Елисеевичу, свидетельствовали о том, как глубоко она разбиралась в воззрениях и планах восставших, в биографии многих из них. Ей были даже известны следственные дела декабристов, тогда еще не опубликованные. Когда беседа, длившаяся несколько часов, подходила к концу, П. Е. Щеголев сказал ей: «Советую вам заняться в Москве поисками акварельных изображений декабристов,— эти работы Николая Бестужева были у Солдатенкова. Куда они могли запропаститься? Ведь там могут находиться портреты тех, о ком вы сейчас пишете!»

Слова П. Е. Щеголева о пропавшей акварельной галерее портретов декабристов запали мне в душу. А из подготовленной им книги «Воспоминания братьев Бестужевых», которую он подарил мне, я впервые узнал подробности работы Николая Бестужева над созданием этой галереи. Прочитал также все, что было напечатано о К. Т. Солдатенкове, о его коллекционерской деятельности. Начал спрашивать видных ленинградских знатоков декабристского движения и лучших архивистов, не известно ли им что-либо об основном бестужевском собрании портретов декабристов. Даже Б. Л. Модзалевский, один из наиболее опытных тогдашних специалистов по разысканию реликвий русской культуры, напечатавший ряд ценных разысканий и публикаций по декабристам, ничего не мог сказать о судьбе бестужевской галереи. Также не знал о ней и И. А. Бычков, заведующий рукописным отделом Государственной публичной библиотеки, чудесный человек, с беспредельным радушием относившийся к начинающим исследователям.

Все чаще и чаще я стал вспоминать об этих декабристских портретах, когда в 1931 году приступил к своему, длящемуся уже сорок четыре года труду по созданию томов задуманного мною, ныне широко известного издания «Литературное наследство», целиком посвященного публикации и исследовательской разработке неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли.

Эта работа и помогла мне обнаружить основное собрание акварельных портретов декабристов, исполненное Николаем Бестужевым в годы пребывания на каторге. Находку эту я и поныне числю в ряду своих самых счастливых. Душевно она ближе мне многих других, хотя и среди них бывали столь же неожиданные, да и не менее ценные: некоторым из них посвящены мои исследовательские работы, эти находки фигурируют во многих томах «Литературного наследства».

С самого начала существования этого издания пришлось, естественно, вести поиски творческих, эпистолярных, документальных, мемуарных, иконографических и изобразительных материалов в рукописных отделах наших библиотек, гуманитарных институтов и музеев, в советских и зарубежных архивохранилищах. Руководители этих учреждений шли навстречу запросам нового издания, а выход первых книг «Литературного наследства» приветствовали. И лишь Григорий Петрович Георгиевский, заведующий Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, человек пожилой, с очень сложным характером, отнесся к нашему изданию более чем прохладно. Причина этого стала ясна позднее.

К тому времени Г. П. Георгиевский был известен как превосходный археограф, профессор книговедения, первоклассный знаток древней русской литературы; его перу принадлежало свыше 120 печатных трудов, значительная часть которых была посвящена этой эпохе. Но прославил он себя на посту хранителя Отдела рукописей Ленинской библиотеки. Г. П. Георгиевский сыграл огромную роль в жизни этого замечательного хранилища. Достаточно сказать, что его стараниями туда поступил от внука А. С. Пушкина дневник великого поэта; у потомков московских друзей Н. В. Гоголя удалось разыскать множество его творческих рукописей и писем; сын А. И. Герцена передал переписку отца; благодаря настойчивости Григория Петровича отдел получил от С. А. Толстой громадное количество бумаг великого писателя, а от родственников А. Н. Островского — автографы различных редакций его пьес. Хлопоты Георгиевского привели к тому, что М. П. Чехова решила отдать в Отдел рукописей огромный архив Антона Павловича. Это всего лишь немногие факты, рисующие самоотверженную деятельность Григория Петровича по собиранию рукописных ценностей русского народа,— всех его достижений на этом поприще не перечесть!

Чем же все-таки можно объяснить, что к молодым литературоведам, искусствоведам и историкам Г. П. Георгиевский относился в основном нетерпимо, называя их за глаза щелкоперами? Ему, видимо, казалось, что люди следующих поколений, которые были лет на сорок моложе, чем он, не проявляют должной любви к отечественной культуре, особенно к дореволюционной, и что не их призвание работа над первоисточниками. К тому же в Отделе рукописей накопились уникальнейшие реликвии. Так, например, сын А. С. Пушкина сдал туда в 1880 году основной фонд творческих бумаг отца — четырнадцать переплетенных тетрадей и двадцать шесть непереплетенных, в которых находилось свыше тысячи листов, испещренных с двух сторон рукою Пушкина. Причем на некоторых листах имелись записи, сделанные карандашом, которые от времени и частого обращения к ним стерлись. В 1920—1930-х годах еще не существовало микрофильмирования рукописей, и в случае надобности читателям выдавались их оригиналы. Чувствовалось, что каждый раз, когда Григорию Петровичу приходилось выдавать в читальный зал Отдела рукописей наиболее драгоценные автографы, он переживал это как личное горе, тем более, если с такой просьбой к нему обращались дотошные молодые «щелкоперы».

Отношение Г. П. Георгиевского к «Литературному наследству» резко изменилось к лучшему только тогда, когда в 1934 году был выпущен подготовленный мною и И. В. Сергиевским пушкинский том. Это была десятая (№ 16—18 по общей нумерации) книга нашего издания из числа вышедших в свет за три с половиной года его существования. В пушкинском томе было около 1200 страниц и 340 иллюстраций (в их числе цветные и фототипные вкладки), а число авторов статей, публикаций, разысканий и сообщений, сделанных в основном на неизданных материалах, превышало пятьдесят. К тому же этот весьма увесистый том был превосходно отпечатан в лучшей типографии Советского Союза — в Гознаке. Я принес Г. П. Георгиевскому нашу книгу в подарок, и она словно растопила его душу, его ледяное к нам отношение. С той поры мы стали дружны. Григорий Петрович все охотнее стал помогать нам советами при подготовке новых томов «Литературного наследства». А ведь именно он и только он являлся, естественно, лучшим знатоком фондов Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, а также неисчерпаемым источником сведений о старых москвичах и их коллекциях.

В предвоенные годы у нас зародился замысел создания декабристских томов «Литературного наследства». И тогда в моей памяти все чаще и чаще стал всплывать разговор П. Е. Щеголева с Ларисой Рейснер. Все настойчивее возникал вопрос: не уцелели ли бестужевские портреты декабристов, находившиеся у К. Т. Солдатенкова? Но, лишь приступив к первоначальной работе по выявлению неизданных материалов для декабристских томов, я занялся выяснением судьбы портретной галереи узников Читинского и Петровского острогов. И, конечно, прежде всего хотелось расспросить об этом Г. П. Георгиевского.

Окончание следует.

Исполняется 60 лет лауреату Ленинской премии, композитору Георгию Васильевичу Свиридову. О его творчестве рассказывает народный артист РСФСР, главный дирижер Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения В. И. Федосеев.

СВИРИДОВ

«Огонек». Владимир Иванович, нам хотелось бы с вашей помощью поведать читателям о том, что такое музыка Свиридова в современном искусстве, в сегодняшней жизни. Почему его творчество привлекает к себе на протяжении долгих лет такое живое внимание музыкантов и слушателей. Начать хотелось бы с момента сугубо личного: с первого вашего ощущения при встрече с музыкой Свиридова.

В. И. ФЕДОСЕЕВ. Первой была его «Весенняя кантата» — на слова Н. А. Некрасова, даже не запомню точно, когда это случилось. Осталось только совершенно ошеломляющее впечатление, которое она на меня произвела. Это было мое — близкое, родное, до спазм в горле родное... В музыке такая эмоциональность, что она потрясает даже искушенного слушателя.

Я, конечно, тут же ринулся смотреть партитуру. А там, в нотописи, предельная простота! Можно было только диву даваться: как же это композитор сумел так разбередить душу?!.

«Огонек». Ну, а потом, когда вы работали с оркестром над «Весенней кантатой», разобрались в этом «диве»?

В. И. ФЕДОСЕЕВ. Не мне судить об этом. Но причина, помоему, в глубочайшей одухотворенности музыки Свиридова. И в ее простоте. Это то, что делает музыку близкой любому человеку, приходит к нему через его индивидуальные ощущения... Я хочу подчеркнуть, что простота музыки Свиридова ни в коем случае не есть упрощенность. Любое сочинение, будь то оратория или романс,— сгусток мысли, идеи, чувств автора. Ничего лишнего, никакого многословия. Язык Свиридова в нашей музыке сегодня, пожалуй, самый лаконичный. На трех нотах он может выразить то, что подчас в целом клавире не отыщешь! В этом и современность Свиридова и его традиционность. О том и другом я говорю, разумеется, в самом широком и хорошем смысле.

«Огонек». Собственно, такое сочетание характерно для всех больших художников. Но что конкретно вкладываете вы в эти понятия, когда говорите о творчестве Свиридова?

В. И. ФЕДОСЕЕВ. Традиция в его музыке живет прежде всего в чисто русской мелодии. Весь образный строй его произведений держится на глубокой национальной основе. На русской песенности. Недаром большая часть сочинений Свиридова связана со словом поэтическим. Пушкин, Некрасов, Блок, Есенин, Маяковский... Заметьте еще и то, что он обращается всегда к гениальной поэзии. Ведь русская музыка идет обязательно от слова, от песни.

Вообще эпиграфом ко всему творчеству Свиридова я бы выбрал строки, которые сам композитор предпослал своей вокально-симфонической поэме «Памяти Сергея Есенина». Это строки: «Но более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла»... К какой бы теме, к какому бы времени ни обращался композитор, главное, что стремится он выразить в своей музыке,— духовная жизнь Родины. И в воплощении этой огромной задачи, в истинно философской наполненности музыки раскрывается современность, гражданственность художественной позиции Свиридова.

Музыка к трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» и сюита «Время, вперед!»... Тут разные темы, разное время, абсолютно разные изобразительные средства. Но общее — насыщенность музыки мыслью, активное взаимодействие образов музыкальных и поэтических — в утверждении идеи борьбы за добро. В этом — современность. И, конечно, в самом музыкальном языке. По зарубежным гастролям знаю: исполнение любой, даже небольшой пьесы Свиридова вызывает вопрос: «Что это за современный композитор!.. Кто он?..» При том, что он сумел пройти мимо очень модного и распространенного теперь увлечения технологическими новшествами в нашем деле.

«Огонек». Какой след, по-вашему, оставили в творчестве Свиридова его учителя в Ленинградской консерватории — Дм. Дм. Шостакович, И. И. Соллертинский?..

В. И. ФЕДОСЕЕВ. Я думаю, след очень большой в смысле общей профессиональной культуры. Но мне кажется, что, как композитор, Свиридов стоит вне всяких школ: у него особое место в общем ряду.

«Огонек». Владимир Иванович, вы упомянули музыку Свиридова к трагедии «Царь Федор Иоаннович». О ней говорят и по сей день как об одном из самых ярких событий в музыкальной жизни страны. Согласитесь, что с музыкой для театра это случается не часто. В чем причина такого успеха?

В. И. ФЕДОСЕЕВ. Да просто в таланте композитора! Хотя для Свиридова этот момент вообще очень характерен: он любит писать, отталкиваясь от большой литературной идеи. Вспомните музыку к фильму «Метель» по Пушкину. Его, помоему, привлекает возможность пережить в музыке прочитанное, и он сочиняет совершенно самостоятельное произведение, где дух, стиль литературного первоисточника раскрываются в музыкальном образе...

К «Царю Федору» Свиридов должен был прийти по самой сути своего таланта. И должен был написать вот такую музыку, которая несет идею не только этого спектакля, а самого понятия добра, человечности. Кстати, уже есть пластинка, где записаны хоры из спектакля в исполнении Государственной русской хоровой капеллы.

«Огонек». Этот коллектив, кажется, один из самых любимых у Свиридова?

В. И. ФЕДОСЕЕВ. Да. И основатель хора, покойный А. Юрлов, и нынешний его руководитель Ю. Ухов — не просто исполнители свиридовской музыки: они единомышленники. Это, конечно, большое счастье для композитора — найти таких прекрасных интерпретаторов своих произведений, услышать то, что мечтал услышать.

«Огонек». Хоровые произведения в творчестве Свиридова занимают одно из главных мест. Недаром «Патетическая оратория» была удостоена Ленинской премии; недаром так часто звучит она в концертах, в эфире. А ведь это жанр сложный и для композитора и для слушателя?

В. И. ФЕДОСЕЕВ. Нет! У Свиридова нет «сложной» музыки как таковой. За музыкой, да, стоит сложность жизни. Музыка «Патетической оратории» на слова Маяковского создает лирический — при всей внешней публицистичности — образ революции и предстает ясной, точной, понятной.

«Огонек». Свиридов сравнительно немного пишет для симфонического оркестра. За этим есть какая-то причина?

В. И. ФЕДОСЕЕВ. Сам Георгий Васильевич объясняет это тем, что не может найти тему для симфонической музыки. И потом, как это для всех нас, музыкантов, ни парадоксально, он не считает себя симфонистом. Вот здесь с ним не согласится ни один дирижер! Потому что, когда исполняешь его кантаты, оратории и подходишь к кускам чисто оркестровой музыки — наслаждаешься их красотой и симфоничностью. Каждый раз жалеешь только, что мало такой музыки.

Я часто думаю: что это будет за опера, симфония, если композитор наконец найдет для себя тему, которая потребует большой, развернутой формы!

«Огонек». Но ведь и малые формы — романсы, песни — требуют своей немалой доли таланта.

В. И. ФЕДОСЕЕВ. И особой доли.

У Свиридова море романсов и песен. И будь то слова Бернса или Есенина, Пастернака или Блока, музыка выражает даже не слово поэта, а сам аромат, вкус его поэзии. Я думаю, что каждый певец должен воспитывать себя и слушателя на вокальной литературе Свиридова. Она может раскрыть любого певца.

Я знаю совершенно конкретных музыкантов, творческий облик которых и в гражданском, патриотическом, и в творческом отношениях сформировался под непосредственным влиянием равно и музыки Свиридова и его человеческой личности. Знаю даже, что отними сейчас у них особое, «свиридовское» мироощущение, и они тут же обесценятся как художники!

«Огонек». Значит, не менее важно, и кто стоит за музыкой?

В. И. ФЕДОСЕЕВ. Безусловно! Свиридов-человек, мастер — явление не менее редкое и яркое, чем Свиридов-композитор.

Он обладает необычайно обостренным чувством прекрасного. В отношении ко всему: к природе, к дому, к человеку. Это у него и в музыке. Воспроизведение красоты жизни, ощущаемой очень лично, по-свиридовски.

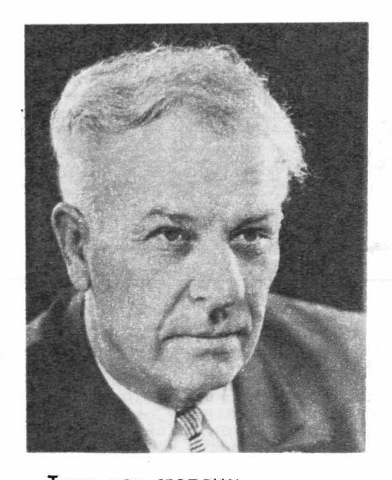
И что в нем совершенно уникально — это беспощадность к себе. Он десятилетиями работает над произведением. Возвращается к уже полностью, кажется, законченным вещам, вплоть до того, что многое меняет в изданной музыке.

Работать с ним, несомненно, трудно: его требовательность обрушивается на певцов, дирижера, музыкантов... Он «заводится» от малейшей погрешности: кричит, нервничает. А иногда приходит на репетицию, переписав то, что вчера отстаивал в жестоком споре с исполнителем. Потому что в первую очередь беспощаден к себе.

Но Свиридову все это должно прощать. Его шедевры начинаются именно с его требовательности.

«Огонек». Что вы пожелаете через наш журнал юбиляру, Владимир Иванович?

В. И. ФЕДОСЕЕВ. Давать нам возможность больше играть и больше слышать его музыку.



ИДУ СТЕПЯМИ ЗАПОРОЖЬЯ...

Микола НАГНИБЕДА

Тишь над степями.
В степях тюльпаны.
Они — как память,
Они — как раны.
Туман низинный
Ползет-кочует:
Знать, на озимых
Вновь заночует.
А утром звонкий
Прозреет воздух —
И жаворонки
Погасят звезды...

Пока что вечер.
Тропа знакома,
И луч на плечи
Лег невесомо.
Вот так, бывало,
Мальчонкой с нивы
Иду усталый,
Иду счастливый.
Отец мой — сзади.
— Соснуть, брат, впору:
Вдвоем-то за день
Свернули гору!
— Вдвоем?
Спасибо
За щедрость, тату!..
А солнца глыба —
Все вниз, к закату.
Спасибо детству,
Степному краю —
Родному месту,
Где вновь шагаю,
И хлебу-соли,
И пашне тоже...

О, сколько в поле
Таких дорожек!
Клин над яругой...
Бороздка-тропка...
Впервой за плугом
Ступал там робко.
Тот след запахан —
Лишь запах слышен:
У нас в сердцах он,
Пока мы дышим.
И дух пшеницы
И шелест нивы
Нам будут сниться,
Пока мы живы.
Тем песням ранним
Мы вечно вторим —
То с ликованьем,
То с болью, с горем...

Тропа — как память.
А вечер поздний
По-над степями
На редкость звездный...
Со мной вы, тато,
Мы снова — двое!

...Через Карпаты
Вы шли из боя.
Шли еле-еле,
Свинца досталось:
Бинты на теле,
В глазах усталость.
И вот вы с нами,
С семьей своею.
Позвали сами —
Впервые сею!
В войне — как в мире:
Ведь мне лишь восемь...
А ну, пошире
Зерно разбросим!

Я плыл крылато
В простор весенний...
Не помню, тато,
Дня вдохновенней!

К нему сквозь годы
Тянусь всегда я.
Смотрел на всходы,
Ждал урожая:
Мой труд, еще бы!
Я верил в чудо...
— Да, хлеборобу
Без веры худо.
Нет птиц без крыльев! —
Так в день горячий
Вы говорили,
Гомер мой зрячий.

Жарыни летней
Не сдался колос...
А осень светлый
Несла нам голос:
— Упали троны,
В былое канув!
Есть вождь народный —
Ильич, Ульянов.
И всех рабочих,
Весь люд наш бедный
Поднять он хочет
На бой последний!

Поныне вижу
Тех лет зарницы:
Они все ближе —
И степь клубится,
И алы травы,
Роса багрова...
— Отец, куда вы?
— На битву снова.
Прут лиходеи
К полям, брат, к нашим...
Расти скорее.
Вернусь — попашем!
И на плечо мне —
Большую руку:
Мол, жди да помни,
Терпи разлуку.

Так и ушли вы...
Мы долго ждали:
Два раза сливы
Поотцветали.
Копал я грядки,
Все думал: где вы?..
А враг в той схватке
Губил посевы,
Взвивалось пламя
Над бедной хатой,
Кружил степями
Махно проклятый,
Хватало в своре
Зеленых, белых...
А ма́ме — горе:
Она скорбела,
Она к иконам
Взывала страстно,
Моля с поклоном
О войске красном.

А я молитве
Уже не верил:
По грому битвы
Надежду мерил.
Видал однажды,
Как в тучах дыма
К нам танки вражьи
Ползли от Крыма.

На все готовый,
Враг вешал, грабил,
Но веры новой
В нас не ослабил!

Я вспоминаю
Рассвет прохладный...
У Атманая —
Гул канонадный.
Под те раскаты,
Под дождь осенний,
Как праздник, тато,
Вошли вы в сени.
Припал я с криком
К шинели серой...
«Подрос, гляди-ка!
А как, брат, с верой?»

Толпились люди перед хатой,
И шел горячий разговор...
А я с буденовкой крылатой
Не расставался до тех пор,
Пока к майдану трубачи
Вас не покликали в ночи...
Ах, как хотелось мне, мальчишке,
В отряд красноармейский ваш!
Вдали не гасли боя вспышки.
Ваш путь лежал
Через Сиваш...
И был тот бой последним боем,
И дождалась-таки родня:
Вернулись вы,
Ведя с собою
Артиллерийского коня.
Он был в рубцах, он был изранен —
Тавро поставила война.
Но добрые односельчане
«Орлом» назвали гривуна.
Собрав зерно чуть не по грамму,
Объединили вы крестьян —
И вот уж поле комнезаму [1]
Гривастый пашет ветеран.
При нем и вы,
В работе первый.
А дни все круче, голодней...
«Не потеряйте, хлопцы, веры,
Теперь вся сила наша в ней!»

Пришел обоз к нам, помню, с Дона:
«Сгружайте, други! Где амбар?..»
Пришли потом и два «фордзона» —
Рабочих петроградских дар...
А вот в лугу сверкают косы.
И тут вы первый, на виду...
А вот взялись мы
Абрикосы
Сажать в общественном саду...
Поняв, что это все навечно,
Вам люди кланялись в свой срок
За первый перезвон кузнечный,
За первый школьный наш звонок...
Но кулачье
Еще немало
Творило бед в степном краю:
Подпаливало, отравляло
Надежду — вашу и мою.
И был тот выстрел...
Мстили, звери!
И голос ваш,
Как сквозь туман:
«Сынок, будь верен нашей вере,
Она сильней смертельных ран!..»

[1] Комнезамы (комитеты незаможных селян) — организации сельской бедноты на Украине в 1920—1933 годах.

Живет то слово —
И, став святыней,
Меня, седого,
Жжет и поныне.
Оно со мною
В пути-дороге —
Во вьюге, в зное,
В любой тревоге...
Чернели в шквале
И дни и ночи,
Из веры встали
Боец и зодчий,
Все Днепрострои,
И все Магнитки,
И те герои,
Что знамениты,
И подвиг ратный
Живых и мертвых —
Вовек те даты
Не будут стерты!
Огонь их славы
Оберегая,
Текут Моравы,
Текут Дунаи...

Да, вера зрела
И под грозою.
Мы чтим Гастелло...
Мы помним Зою...
Он лучезарен,
Свет веры этой,
Его Гагарин
Нес над планетой.
...Отец! Вас кличут
Ночные трубы!
Их отзвук нынче —
И в песнях Кубы,
И в мирном, гордом
Вьетнамском флаге,
И в слове твердом
Моей присяги.

Живет в нас вера.
Мы коммунисты.
И пионеров
Зовут горнисты,
Как звал вас к бою
Трубач той ночи,
И вы — со мною
В мой день рабочий...
Через утраты,
Через потери,
Спасибо, тато,
За то, что верю!
Спасибо детству,
Степному краю —
Родному месту,
Где вновь шагаю.

Туман низинный
Ползет-кочует:
Знать, на озимых
Он заночует.
А утром звонкий
Прозреет воздух —
И жаворонки
Погасят звезды...
Пока что вечер.
Тропа знакома,
Закат на плечи
Лег невесомо.
От фар искрится
Все придорожье —
Поля пшеницы,
Степь Запорожья.

Перевел с украинского Валентин КОРЧАГИН.

90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
УЗЕИРА ГАДЖИБЕКОВА

ЩЕДРОЕ НАСЛЕДИЕ

Слава хорошего ковра — в тысячах узлов, связанных проворными пальцами, в яркости и свежести красок, в гармонии цветистого узора. Тогда он подобен саду...

Шушу, маленький город в Нагорном Карабахе, прославили ковры и сады. Но еще больше — песни скитальцев-ашугов. Об их искусстве слагали легенды, благоговейно передавали их друг другу. Когда ашуг Садыхджан брал в руки тар, соловьи слетали ему на плечи, чтобы звонкими трелями вторить песне.

Много поэтов и музыкантов взрастил щедрый край. Одно из самых славных имен в этом созвездии талантов — Узеир Абдул Гусейн оглы Гаджибеков, основоположник азербайджанской музыкальной культуры, выдающийся композитор и просветитель, писатель и ученый.

Река на своем долгом пути вбирает влагу ручьев и родников, дождя и тающего снега; Узеир Гаджибеков сумел слить воедино все многообразие музыкального мелоса своей родины. Истоки его творчества многоструйны: героический эпос о Кёр-оглы, бессмертные творения Низами Гянджеви и Физули, мугамы—сольные вокальные импровизации, наследие величайших композиторов Европы и России.

Гаджибеков был страстным поборником приобщения народа к революционным и духовным завоеваниям русской культуры. Он впервые перевел на азербайджанский язык «Шинель» Гоголя, составил азербайджанско-русский и русско-азербайджанский словари, объяснил значение таких понятий, как «революция» и «социализм»; он мечтал о том времени, когда эти слова станут явью.

В 1910 году композитор писал, что, «пока садовником нашего сада является данное общество с его общественными порядками, цветам не цвести в нашем саду». Эти слова услышали многие. Имя композитора пользовалось огромным уважением.

Январским днем 1908 года состоялась премьера первой оперы Гаджибекова «Лейли и Меджнун». Она стала и первой национальной оперой в истории культуры народов Востока. Написав либретто по мотивам поэмы Физули, Гаджибеков избрал для музыкального воплощения классические образцы народного творчества — мугамы. Вскоре после премьеры запел арии из оперы весь Баку, а знаменитый хор «Шэбу Хиджран» стал любимой народной мелодией.

Композитор положил начало азербайджанскому музыкальному театру, достигшему в годы Советской власти замечательного расцвета. С первых же дней жизни республики Гаджибеков принял самое активное участие в строительстве новой, социалистической культуры. Он руководит отделами искусств при Наркомпросе и в Политуправлении Красной Армии; по заданию правительства организует первую музыкальную школу в Азербайджане; является одним из основателей государственной консерватории, ныне носящей его имя, создает первый нотный оркестр национальных инструментов и первый государственный азербайджанский хор; издает первый сборник народных песен, составленный вместе с М. Магомаевым; наконец, пишет классический труд «Основы азербайджанской народной музыки».

В этот плодотворнейший период своей жизни выдающийся композитор создает свое лучшее произведение — героическую оперу «Кёр-оглы». Она стала венцом его творений, по праву заняв место в сокровищнице советской многонациональной культуры. Но предметом особой заботы и глубочайшей личной заинтересованности Гаджибеков считал воспитание нового поколения азербайджанских композиторов. Он спешил передать свой громадный опыт и высочайшую культуру талантливым музыкантам. Их имена известны — К. Караев, С. Гаджибеков, Ф. Амиров, Дж. Гаджиев, А. Меликов, Дж. Джангаров... Они и сегодня хранят и приумножают наследие учителя.

А. СТЕПАНЕНКО

БАЛЛАДА О ГЕРОИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ

Проза Чингиза Айтматова возвышенна. Читаешь «Материнское поле», «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход» да и все другое, написанное им, вслушиваешься в мелодию его речи, и возникает невольное ощущение, что перед тобой страница за страницей разворачивается своеобразное поэтическое полотно. Поэтому мне и хочется назвать новую повесть Чингиза Айтматова «Ранние журавли» балладой.

Завязь этой повести мы обнаруживаем во взволнованном очерке Чингиза Айтматова «Снега Манас-Ата», опубликованном в «Огоньке» № 19 за этот год. «Ранние журавли» рассказывают о трудном военном времени, когда надо было добывать хлеб, а рабочих рук не хватало — взрослые уехали на войну, оставались в аиле, небольшом степном селении, старики и старухи, женщины и дети. И надо было всех накормить и послать хлеб фронту. И надо было мальчишкам срочно, не считаясь с годами, становиться мужчинами, браться за такую работу, на которую могло и не хватить их силенок.

Тыналиев — председатель колхоза, ветеран, инвалид, собрал мальчиков, выделил для них пять четверок — двадцать кляч извозных, приказал откормить их, как только возможно, и потом отправить всю команду в Аксайское урочище на пахоту. Напутствуя эту мальчишескую команду, он, бывший десантник, сказал:

«Война идет, и придется нам жить по-военному. Учтите, я отвечаю за вас головой. У двоих отцы погибли, у троих отцы на фронте. Я отвечаю за вас перед живыми и мертвыми. Но я беру на себя эту ответственность потому, что верю вам. Вам же предстоит отправиться с плугами на далекий Аксай. Много дней и ночей будете одни в степи, как десант парашютистов с особым заданием».

Старшим назначил председатель сына Бекбая, фронтовика, Султанмурата — пятнадцатилетнего парнишку. И началась работа.

А в небе, бездонно-синем небе Киргизии, появилась журавлиная стая, ранние журавли — хорошая примета: урожай будет!

«А журавли плыли, купаясь в голубизне неба, плыли не спеша, кружась на плавнопокачивающихся крыльях, перекликаясь то сдержанно, то многоголосо, все разом, и снова в их рядах наступало спокойствие».

С ребячьим острым любопытством смотрели юные плугари на небо, любуясь птицами, и сами чувствовали себя ранними журавлями, поднявшимися ввысь.

Люди, встретившие тяжкую военную годину подростками, поймут их чувства. Ведь многие из тогдашних ребят вынуждены были, наскоро распростившись с детством, встать за станки, заменив отцов и старших братьев, идти в подпольщики, помогать партизанам. Мальчики из далекого киргизского аила состоят в кровном родстве и с юными героями тыла и с такими борцами за Родину, как Кошевой и его товарищи из Краснодона. Одни и те же чувства кипели в их сердцах, одна и та же кровь билась в жилах — не все еще понимая и сознавая, они жили чувствами своего народа, и в этом заключался источник их сил.

Нелегко было — ох, нелегко! — этим ребятам из «аксайского десанта». И не только потому, что работа была трудна физически,— приходили в аил «похоронки» с фронта, извещавшие о гибели отцов на войне, и плач раздавался во всех дворах, горькая нужда вламывалась в ворота домов, приходилось матерям скорбно делить тощую лепешку хлеба и миску каши на все детские рты — аксайские десантники не могли этого не видеть, и не чувствовать, и не болеть душой. Но молодость брала свое, и они, уже считаясь взрослыми, продолжали еще жить в оставленном ими детском мире — радовались солнцу и влажному весеннему ветру, задорно спорили и даже по-ребячьи дрались, и, после работы валясь с ног от усталости, видели розовые детские сны.

Но однажды явь открылась им нежданно драматически. Степные двуногие хищники, торгаши и спекулянты, ночью, перевязав мальчишек, сторожившие лошадей, увели в темную степь четырех лучших коней «десанта». Султанмурат, освободившись от веревок, бросился за ворами в погоню, но не догнал.

«Он слышал, как постепенно удалялся, угасал топот угона. Все слабей и глуше вздрагивала земля, поглощая далекий бег копыт, и вскоре все стихло вокруг, замерло...

И тогда он встал, побрел назад, рыдая громко и горько. Никак и ничем не мог он утешить себя, и некому было утешить его в безлюдном ночном Аксае».

В жестоком столкновении со злом окреп дух Султанмурата. Он не предотвратил зла, не покарал его, но не пал перед ним расслабленно и жалко. Мужчиной стал в эту ночь Султанмурат! И встретив к концу ночи голодного степного волка, он не испугался, а, взяв в руки уздечку с тяжелыми железными удилами, изготовился встретить его и вступить в бой.

«Волк подошел еще ближе, прижался к земле, вздыбив загривок, и замер перед прыжком, как сжатая пружина.

Султанмурат первый раз в жизни отчетливо услышал свое сердце — оно обозначилось в груди напряженно сжимающимся комом...

Султанмурат стоял наготове, пригнувшись, с уздечкой наотмашь...»

Этой фразой и кончаются «Ранние журавли».

Можно предположить, что найдутся критики, которые упрекнут автора в дидактичности, в нарочитой поучительности повести. В ответ на это следует заметить, что хорошая дидактичность — вовсе не повод для упрека. И взрослые читатели и подростки с живым, неослабевающим интересом прочтут новую повесть Айтматова, и она своим поэтическим строем, чистотой тех мыслей и раздумий, какие заключены в ней, озарит их души светом сильного и мужественного таланта автора.

Ник. КРУЖКОВ

Чингиз Айтматов. Ранние журавли. «Новый мир» № 9, 1975.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

МИКЕЛАНДЖЕЛО

«Кто не верит в гений, кто не понимает, что такое гений, поверит и поймет, вдумавшись в судьбу Микеланджело».

Ромен Роллан

«Я уже не ощущаю вкуса к природе, так как я не могу на нее смотреть такими большими глазами, как Микеланджело».

Гёте

Нет, никогда не забыть тот светлый майский полдень, когда я переступил порог Сикстинской капеллы, влекомый толпою людей... Людей незнакомых, разноплеменных, взволнованных, о чем-то шепчущихся. Каждый посетивший Ватикан был готов увидеть чудо, ведь всю свою жизнь любой из нас мечтал побывать в Риме, увидеть росписи Сикстинской капеллы, столь знакомые с детства по десяткам, сотням репродукций... И вот вдруг открылось, как ничтожны, как далеки эти копии от грандиозного, невероятного по мощи воздействия оригинала — фресок Микеланджело Буонарроти!

В какой-то миг мне показалось, что сама жизнь моя словно разделилась на две части — на первую, бесконечно долгую, полную впечатлений и ощущений любви к прекрасному, к искусству, и на вторую — с тех пор, как я впервые увидел воочию Сикстинскую капеллу. Микеланджело буквально потряс меня и перевернул во мне все представления о возможностях Человека, человеческого гения!

Я написал эти слова, и вдруг мне почудилось, что я увидел мудрую улыбку Джоконды. Пристальный, почти тяжелый взгляд ее чуть прищуренных глаз словно говорил мне: «Пройдет немного времени, и, может быть, ты снова вспомнишь Леонардо, его глубину и величие...» Мона Лиза немного грустно улыбнулась и вздохнула... Видение исчезло. Но я потерял покой. Нет, я ни на минуту не забывал моих любимых мастеров. Никогда, ни на мгновение я не расставался ни с Леонардо, ни с Гойей, ни с Суриковым... Но Микеланджело! Ведь вся практика нашей школы, почти все книги, которые мне довелось читать, восславляли прежде всего Буонарроти-скульптора и с большим уважением говорили о Микеланджело-живописце. Сикстинская капелла, фрески плафона и «Страшного суда» раскрыли мне величайшего живописца всех времен и народов. Без всяких оговорок и скидок, ибо не только форма, не только силуэт, рисунок, пластика потрясают в этих росписях, но и колорит, и прежде всего удивительный микеланджеловский валер — тончайшее чувство светотени и тона. Прошло полгода, но как вчера я вижу перед собою драгоценный слиток живописи Сикстинской капеллы, мерцающей в озарении пламенеющего римского полдня. Не могу расстаться с испугавшей меня чернотой и застылостью написанных рядом с Микеланджело фресок Боттичелли, Перуджино, Гирландайо. Этот контраст запал мне в сердце и окончательно убедил в высочайшем проникновении творца плафона Сикстины в самую сокровенную душу живописи — в валер, который дается только немногим художникам-станковистам на метровых холстах, а передо мною было почти полукилометровое пространство.

Я даю себе отчет, какие кощунственные строки я написал для всех тех ревнителей «монументальной» живописи, которые видят монументальность сегодня в нарочитом огрублении формы и сведении пластики к неким схемам, когда порою трудно отличить дом от человека, а человека от полена. Но Микеланджело в Сикстине дал единственный ответ на вопрос, какой должна быть монументальная живопись: она должна быть полновесной реалистической живописью со всеми ее атрибутами — колоритом, рисунком и... валером! Да, валером!.. Но, впрочем, отвлечемся от злободневных тем и вернемся в Италию.

Рим. Полдень. В серебряном мареве плывет купол Святого Петра. Город затянут сизой мглой. Солнце, майское солнце слепит глаза. Серо-голубые тени легли на брусчатку. Жара. Мимо нас плавно проезжает черная лакированная машина. В глубине, в отблесках стекла — фигура в белоснежной сутане. Ватикан... Мраморные ступени. Прохлада. Тихий, неясный говор. Перед нами словно расступается бесконечная вереница залов. Фрески, скульптуры, бесценные богатства. В мраморной прохладе десятки древних мудрецов, героев, императоров. Они взирают на тысячи, тысячи людей, идущих мимо и словно затерянных в этой бездне искусства, подавленных этим изобилием творений, созданных руками их же предков. Бредет, мельтешится пестрый суетный мир двадцатого века, что-то лепеча, щелкая блицами, а рядом вечность глядит на них пустыми глазами забытых богов.

«Станцы» Рафаэля. С покоряющей легкостью и какой-то почти наивной верой в возможность изображения любых чудес, с невероятным артистизмом написаны эти фрески. Какой великолепной убежденностью в свою непогрешимость надо было обладать, какое умение и виртуозность надо было иметь, чтобы рукою почти волшебника создать эти великолепные, огромные композиции... Это, по существу, гениальный спектакль, где все персонажи расставлены в хорошо отрепетированных мизансценах. Мастерство режиссера-Рафаэля неподражаемо, все отлично скомпоновано, прекрасно освещено. Жесты благородны. Взоры глубокомысленны. Складки одежд величественны. Премьера этого спектакля состоялась почти пять столетий тому назад и с тех пор являет миру образец высочайшего искусства живописи... Художник чарует своим рисунком, непревзойденной пластичностью.

«Афинская школа» — шедевр «театра» Рафаэля. Эта фреска — совершенство композиции и режиссуры, в ней свободно расположились десятки фигур. Палитра мастера поражает нас своей свежестью, краски Рафаэля серебристы, почти прозрачны... Я вдруг увидел нашего Брюллова, копирующего «Афинскую школу», и рядом с ним мудрого Стендаля со спутниками, наблюдающими за его работой... Удивительна сама атмосфера Ватикана, возбуждающая поток воспоминаний. Но вернемся к Рафаэлю. Его кисть, казалось, не знала преград. Живописцу был доступен любой ракурс, любой поворот человеческой фигуры. Но это великолепное мастерство не ставило задачу показать мир человеческих страстей. В изумительных фресках вы будете напрасно искать раскрытие драмы рода человеческого. Творения Рафаэля почти безоблачны, их словно не касались бури и трагедии его времени. Художник, подобно богам Олимпа, бесстрастно взирал вокруг и писал. Огонь его пламени не испепелял души зрителя, его фрески поражали взгляд, но не потрясали сердца. Это сделал Микеланджело.

Маленькая дверь. Надпись: «Сикстинская капелла». Поворот. Сноп солнечного света внезапно упал на каменные плиты перехода. Глухо звучат шаги. В уши нежданно врывается шум города. Из пролетов арок доносятся шуршание машин, вой сирен, цоканье копыт. Горячий ветер-сирокко, прилетевший с далеких просторов Африки, ударяет в лицо. Весна, римская весна, благоухающая бензином, пылью, цветами, вмиг окутывает тебя... Ступени ведут нас вниз. Узкий коридор. Блестящие, до сверкания натертые миллионами рук бронзовые поручни. Еще поворот — и... шесть ступеней ведут в капеллу Сикстину.

Музыка, неведомо откуда плывущая. Гул, подобный гулу огромной морской раковины. Шорох шагов. Вздохи тысяч людей наполняют грандиозное пространство капеллы. Но главное не звуки... Лица людей. Потерянные, ошеломленные этим космосом, этой бездной духовного мира Буонарроти. Невозможно, немыслимо себе представить, как один человек, всего лишь человек, и именно о д и н, мог сдвинуть, поднять и вознести живопись на никогда до него не изведанную вершину, сверкающую высоту. Как могло это свершиться? В этом зале убеждаешься в титаническом запасе духовных сил Человека. Я вижу, ощущаю ярость, негодование, гнев, ужас, радость и ликование Микеланджело, пишуще-

Микеланджело Буонарроти. 1475—1564. РАСПЯТИЕ ПЕТРА. Фрагмент фрески в капелле Паолина. 1542—1550. Рим. Ватикан.

Микеланджело Буонарроти. ПЬЕТА. 1498—1501.

Рим. Собор св. Петра.

ПИЕТА. Фрагмент.

ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ.

ФЛОРЕНЦИЯ.

ДАВИД.

ПАВЕЛ. Фрагмент фрески «Обращение Павла» в капелле Паолина. Рим. Ватикан.

Микеланджело Буонарроти. СКОРЧИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК. Около 1524.

Ленинград. Государственный Эрмитаж.

Микеланджело Буонарроти. 1475—1564. БРУТ. 1539.

Флоренция. Национальный музей.

го фрески Сикстины. Все оковы власти, вся мерзость интриг, весь гнет ласк папского двора окружали творца. Но Буонарроти, невзирая на невыносимую тяжесть «доверия» его святейшества, все же сотворил это нерукотворное чудо.

Льются звуки музыки, струится свет весенних лучей через узорные решетки окон, бродят прозрачные тени по мраморной мозаике пола. Сквозь гул сотен бьющихся людских сердец доносится звонкая россыпь курантов. Время и Человек... Давным-давно Микеланджело Буонарроти, флорентиец, свершил, сотворил этот подвиг. Скоро пять веков, как человечество, не отрывая глаз, дивится на этот ад и рай, созданный человеком. Не богом, не святым, не античным героем, не блистательным цезарем. Нет. Низкорослым, некрасивым, мятущимся и бесконечно одиноким, глубоко несчастным, порою не понятым своими современниками — простым смертным. Мы не раз читали о подвигах Геркулеса, Антея или Ахилла. Но ведь в основе их великих побед все-таки лежит миф. Миф! А тут перед нами вечно живой, невымышленный подвиг, равный античным мифам... На миг представьте себе хрупкие леса, вознесенные к самому потолку. Запертые двери Сикстинской капеллы. Тишину. Одиночество. И там, на лесах, на верхушке, у самого плафона, лежащего на спине, изнемогающего от головной боли, усталости, заросшего щетиной, забывшего про мирный сон и отдых, не снимавшего по неделям сапоги, истерзанного вечными претензиями папского двора, подгоняемого требовательной опекой самого папы римского, всего лишь из плоти и кости людской — Микеланджело, свершающего пядь за пядью этот подвиг нечеловеческий. День за днем, месяц за месяцем, час за часом, год за годом!

Фреска... Она не позволяла ни на минуту бросить, забыть, оставить эту работу. Нельзя было отдохнуть, расслабиться ни на секунду. Надо, надо, надо было спешить. Пока штукатурка сырая, перенести рисунок и написать деталь. Решить дневную задачу. Иначе гибель. Смерть фрески. Надо тогда сбивать слой штукатурки... и начинать снова. И Микеланджело, сжав зубы, изнемогая от непосильной для человека задачи, пишет, пишет, пишет этот плафон, равного которому нет, не было и не будет во веки веков.

Первозданны, неповторимы, невиданны образы, вызванные кистью Микеланджело. Разве что один Данте создал нечто равное по мощи и объемности охвата человеческой трагедии. Напряжены, полны раздумий могучие пророки, сивиллы. Глубокие думы о судьбах людей, тревога отражены в величественных фигурах росписи, охватывающей судьбу рода человеческого, отраженного в библейских легендах. Но никто до Буонарроти не смог вложить такое ощущение жизненности, пластической убедительности в великолепную гамму самых различных характеров, движений человеческой души. Мир символов становится бытием. Мы видим на фресках, как одно прикосновение божественной десницы заставляет ожить Адама, мы верим в сотворение Евы, мы, наконец, зрим самого бога, творящего и карающего. Саваоф Микеланджело весь в движении. Он создает человека, отделяет твердь от воды, свет от тьмы, изгоняет из рая Адама и Еву... Все эти легенды обретают поражающую ум убедительность свершившегося. В каждом штрихе, в каждом мазке кисти Микеланджело вложена его огромная любовь и вера в величие Человека. Мастер славит личность человеческую, побеждающую, покоряющую зло и тьму.

Тридцатитрехлетний Буонарроти уединился в четырех стенах Сикстинской капеллы и вступил один на один в битву с единственным в мире искусства замыслом. Но гулкая тишина капеллы не спасала мастера от грохота времени, проникавшего сквозь толстые стены в душу живописца.

Ведро с известкой, большой деревянный утюг для разглаживания поверхности штукатурки. Краски, кисти — вот все немудреное оружие, с которым победил Микеланджело. Но едва ли росписи Сикстины получили бы такой титанический размах, такой пафос в решении, если бы на вооружении мастера не было строк Данте, речей Савонаролы, а главное — любви к родине. Одиночество художника было лишь кажущимся. В тишину капеллы врывались известия о войнах, о разгуле жестокости, о нищете, повальном море, вандализме, голоде. Микеланджело как никто остро чувствовал атмосферу предательства, лести, коварства, цинизма, царившую при папском дворе, он ежедневно ощущал на себе все непостоянство, всю зыбкость папского благоволения. Никто так, как великий Буонарроти, не чувствовал приближения сил зла и тьмы. И он создает бессмертный «Страшный суд».

Я гляжу на лица людей, воздетые к «Страшному суду», и явственно чувствую, как звучит у них в ушах яростный рев труб, эхом разносящийся по пустынным скалам, по глухим водам Стикса. Я вижу в глазах зрителей отблески зловещего света того страшного, последнего дня... Не участники великолепного спектакля, не статисты из роскошного исторического маскарада, облаченные в сверкающие шлемы и латы, в величественные тоги. Нет, обнаженные души людские мечутся перед нами, терзаемые ужасом, страхом, смятенные ощущением осознанности своей вины и неотвратимости ответа и расплаты. Какую бездну чувств показал Микеланджело в «Страшном суде» — покорность, унижение, ужас, леденящий душу страх, смирение, ярость... Все эти состояния отражены в движениях, взорах несчастных, ждущих своей участи. И над всей этой пучиной людского горя и страдания — грозный судия, осиянный святым гневом. Грозный и карающий. Подъята его мощная длань. Еще минута, и случится нечто ужасное, нежданное. Но мгновение, одно мгновение все же осталось до этого еще не прозвучавшего грома господнего, и вот смертные, окружающие всевышнего, застыли в трепете.

Орут, орут неистовые трубы. Клубится голубое марево, окружающее бога. Звучат струны лютни, славящие творца. Плещутся волны Стикса у бортов лодки Харона, перевозящего грешников... Сверкают блицы, застыли в их мертвящем ослепительном блеске лица юношей и девушек, пожилых и старых людей, взирающих неотступно на судьбу своих братьев и сестер. Со всех концов земли привела их сюда, в капеллу, любовь к прекрасному, и все они знали, что их ожидает нечто необыкновенное, прославленное в веках, но в силу природного скепсиса, заложенного в душу человеческую, каждый где-то в глубине сознания не верил в это чудо или почти не верил. И вот они увидели этот никогда доселе не виданный огромный мир обнаженных человеческих страстей, и они у з н а л и с е б я.

Золотой свет щедро лился из окон. Он озарил вдруг «Страшный суд», и будто ожила мертвая стена. Завихрились зловещие клубы дыма, заметались складки драпировок, засверкали влажные от холодного пота людские тела... Микеланджело создал мир, который вдохновляет по сей день тысячи, тысячи художников, поэтов, композиторов. Вглядитесь во фреску «Страшного суда», и вы увидите Гойю, Жерико, Делакруа, Домье, услышите музыку Бетховена, Берлиоза, Чайковского, Скрябина. Вся сила, вся мощь Гёте, Байрона поет в мазках кисти Буонарроти.

Мимо меня проехала маленькая коляска, в которой полулежала старая индианка в розовом сари, ее везла молодая огнеокая соотечественница. Их взоры были устремлены на фрески плафона. В их взглядах я увидел восторг, признательность и какую-то чудесную озаренность, которая приходит к людям в момент особого душевного подъема.

И вдруг я будто услышал... неистовый стук в маленькую дверь капеллы и в какое-то мгновение перенесся в тот далекий век, когда мастер писал плафон. Я вдруг представил себе искаженное от негодования лицо Микеланджело, бросившего в гневе кисть. Папа, сам папа римский пожаловал в капеллу. Мастер спускается с лесов, сдерживая отчаяние. Еще минута — и тишину взрывает крик Юлия II. Он негодует, он грозит, он, наконец, просит быстрее кончить роспись. Юлий спрашивает художника, когда же наконец будет финал этой работе. «Когда окончу!» — твердо отвечает Буонарроти. Никто в мире не мог в ту пору сказать подобное.

Ведь Италия того времени совсем не была Эдемом, созданным для великих художников, и напрасно представлять себе Ренессанс лишь как некий рай, в котором свободно расцветали искусства ваяния, живописи и зодчества.

Никколо Макиавелли в своих сочинениях остро характеризует полный интриг, заговоров, кровавых предательств мир папского двора: «Так папы то из ревности к религии, то из личного честолюбия беспрерывно призывали в Италию чужеземцев и затевали новые войны. Не успевали они возвысить какого-нибудь государя, как тотчас же раскаивались в этом и искали его погибели, так невыносимо было для них, чтобы в этой стране, для владычества над которой у них самих не хватало сил, властвовал кто-либо другой».

Нередко восшествие на престол очередного святого отца сопровождалось мрачными и кровавыми злодеяниями. Яд, кинжал, кровь сопутствовали правлению властителей Ватикана. Жизнь каждого подданного была во всевластных руках римского папы. И, однако, Микеланджело прямо глядел в лицо грозных владык.

Вот как Вазари описывает одну из сцен столкновения художника с папой Юлием II.

«Все же приходилось Микеланджело иногда и жаловаться на то, как торопил его папа назойливыми запросами, когда же он кончит, не давая ему закончить по-своему, как ему хотелось. И на один из многочисленных запросов он однажды ответил, что конец будет тогда, когда он сам будет удовлетворен своим искусством. «А мы желаем,— возразил папа,— чтобы было удовлетворено наше желание, которое состоит в том, чтобы сделать это быстро». И в заключение прибавил, что если он не сделает это быстро, он прикажет столкнуть его с лесов вниз».

Я представил себе, как хлопнула дверь, как замерли звуки шагов взбешенного Юлия. Гулкая тишина воцарилась в огромном зале. Все затихло, будто умерло. Только веселые золотые пылинки плясали в лучах летнего солнца. Жизнь продолжалась. Микеланджело нагнулся. Поднял кисть с мраморного пола и устало полез на леса. Надо было писать. Работа не ждала. Штукатурка быстро сохла. Ведь стояло жаркое лето.

Поразительные стихи сочинены самим Микеланджело о невыносимом его, страшном труде в Сикстинской капелле:

От напряженья вылез зоб на шее
Моей, как у ломбардских кошек от воды,
А может быть, не только у ломбардских.
Живот подполз вплотную к подбородку,
Задралась к небу борода. Затылок
Прилип к спине, а на лицо от кисти
За каплей капля краски сверху льются
И в пеструю его палитру превращают.
В живот воткнулись бедра, зад свисает
Между ногами, глаз шагов не видит.
Натянута вся спереди, а сзади
Собралась в складки кожа. От сгибания
Я в лук кривой сирийский обратился.
Мутится, судит криво
Рассудок мой. Еще бы! Можно ль верно
Попасть по цели из ружья кривого?
Так защити, Джованни,
И честь мою и роспись неживую.
Не место здесь мне. Я — не живописец.

Нечеловеческие перегрузки, неописуемые муки испытывал Микеланджело, создавая свои титанические фрески. Никто никогда во всей истории мирового искусства не дерзал принять такие невыносимые

по тяжести испытания всех духовных и физических сил. Меру подвига Буонарроти не измерить. За все тысячелетия, пролетевшие с тех пор, как человек на заре своей культуры начертал на стене пещеры первый рисунок, по сей день, в котором мы живем, нет ни одного творения, равного фрескам Сикстинской капеллы. Нет художника, равного по величию отдачи своего «я» человечеству... Ни Тинторетто, ни Рубенс со всей своей школой, ни Рафаэль с многочисленными помощниками не оставили ничего подобного по объему, мощи, пафосу, глубине, напряженной метафоричности. Но чего это стоило творцу? Лучше всех на этот вопрос отвечает сам Микеланджело, изобразив на фреске «Страшного суда» свой портрет на содранной живьем коже одного из святых...

Да, гений — это не светлокрылый ангел, являющийся людям раз в столетие в сиянии своего небесного дара и парящий над грешной землей.

Гений — это Голгофа каждый день. Самый тяжелый крест. Вериги, которые носят ежечасно, ежеминутно, всю жизнь. Напрасно ходят легенды о волшебстве, чуть ли не легкости творчества избранных. Никто, никогда, ни один историк искусств, литератор, музыковед не проникали в грудную клетку Рафаэля, Моцарта или Пушкина — этих, казалось, колдовски удачливых творцов. Они нашли бы там сердца, истерзанные сомнениями, неисполненными мечтами, а главное, обнаружили бы души, смятенные боязнью не высказать до конца людям то заветное, что ведомо лишь им одним. Великих художников окружал жестокий мир их неосуществленных замыслов, этот неумолимый и грозный хоровод ненаписанных, несозданных шедевров, не выполненных перед самим собой обязательств. И эта миссия вечного должника отравляла самые счастливые мгновения их жизни, ибо ни одно чувство, даже сама любовь, не могло пересилить, одолеть единственную страсть любого великого мастера — творить! Любовь могла убить самого творца. Убить, но не победить, но не вытеснить искусство... Среди этих мучеников своего призвания, своего гения первый и самый терзаемый своими страстями был Микеланджело Буонарроти.

Микеланджело. Человек, создавший Мир. Мир образов, без которых трудно прожить, как нельзя дышать без воздуха. Ведь стоит лишь однажды увидеть великие творения Буонарроти, и они пройдут с тобою всю жизнь, хочешь ты этого или нет, полюбились ли они или не полюбились. Такова магия истинного искусства... Эти образы, сотворенные рукою Микеланджело, будут всегда с тобою, как навсегда вошли в нашу жизнь музыка Бетховена и Мусоргского, слово Толстого и Шекспира, живопись Рембрандта и Рублева... Правда, можно не знать созданного ими грандиозного мира, но насколько беднее будешь ты сам, попытавшись обойтись без этих гениев, сделавших прекрасное доступным каждому смертному, принесших красоту в каждый дом...

Но всегда ли мы представляем, какою ценою эти люди достигли такой исполинской, всепроникающей силы, такой лучезарности света, которого хватает потом, после их кончины, на многие века, который доставляет сияние миллионам, миллионам людей? Ведь гении подобны звездам, свет от них продолжает идти к нам еще вереницу веков после их гибели. Можем ли мы представить, какой пламень бушует в груди смертного творца, сжигает его душу, исторгая из нее вечные слова, дивные звучания, вещие образы? Какие ежедневные муки одолевали Баха, Достоевского, Микеланджело? Трудно вообразить всю тяжесть их творческих родов, помочь которым не мог ни один даже самый искусный врач планеты. Потому что нет более могущественного и более беспомощного человека, чем творец. Изучите судьбы великих художников, композиторов, поэтов прошлого, и вас поразит жестокая бессмыслица окружающего их бытия, нелепость борьбы с глупостью, косностью, а иногда просто с холодным злодейством людей, не понимавших или слишком хорошо понявших силу нового слова, гармонии, красоты.

Сколько самых пестрых человеческих чувств всегда бушевало около гениальных художников — зависть, лесть, коварство, лицемерие,— и как мало порою бывало таких нужных им в этот тяжкий акт творения чувств, как любовь или дружба! И все-таки вопреки всему чистый лист бумаги начинал излучать свет слова, начертанного твердой и честной рукою мастера. Белый мрамор исторгал в муках нетленные образы под ударами вдохновенного резца скульптора. На холсте расцветали невиданные цветы новой красоты. Клавиши фортепиано, лишь тронутые десницей творца, приносили нам новые созвучия еще неведомых гармоний. Вопреки всему. Во имя света. Во имя прекрасного! Нет сомнения, что это состояние постоянного напряжения, собранности, нацеленности требовало титанических усилий, титанических характеров.

Ренессанс в Италии... Это была эпоха титанов. Характеры художников той поры будто в каком-то накаленном добела горниле обретали особую, свойственную лишь тому времени страстность в достижении цели, глубину желания постичь причинность явлений, понять законы вечной природы... Особую силу и яркость имеют сами темпераменты ренессансных мастеров, в них поражала их неутомимая жажда к совершенству, к постижению тайн изображения красоты Человека — венца создания.

Произведениям искусства эпохи Ренессанса свойствен особый, мятежный дух протеста. Он, этот неукротимый дух, отражал борьбу нового со старым, света с тьмою уходящего средневековья. В совершенных полотнах, фресках, скульптурах мастера утверждали победу свободного духа Человека, разорвавшего оковы схоластических догм. Мрачная пора феодализма канула в вечность. На руинах прошлого яростно цвели побеги новой красоты. Мы сегодня поражаемся порою наивной прелестью этих первых цветов, прорвавших мглу средневековья и с каждым десятилетием набиравших силу и расцветших позже в неповторимые по красоте шедевры. В ряду гигантов Ренессанса, определивших это новое движение в развитии пластических искусств, был Микеланджело. Он венчал эту великую эпоху. На его долю выпала тяжкая участь быть одним из последних великанов Ренессанса, и поэтому творчество Буонарроти носит следы особого драматизма. Ведь Микеланджело, прожив долгую жизнь, на склоне лет ощущал весь трагизм нового наступления тьмы... Снова пылали костры, вновь инквизиция обрела сотни и тысячи жертв... Мракобесие ликовало... «Страшный суд» Микеланджело носит следы наступления этой зловещей поры. Особый смысл приобретает сцена, разыгравшаяся в Сикстинской капелле во время посещения ее папой Павлом III. Сопровождавший папу церемониймейстер мессер Биаджо пришел в ярость от изображения наготы во фреске «Страшного суда», воскликнув, что подобное произведение было бы более уместно в кабаке, а не в папской капелле. Микеланджело смолчал. Но стоило высоким гостям покинуть капеллу, как мастер немедля изобразил достопочтенного мессера Биаджо в облике Миноса, коего тесно обвивают огромные змеи. Так Буонарроти навечно предал осмеянию одного из мракобесов, окружавших папу, фигура которого была столь характерна для этого «века позора, разврата и преступления».

Сикстинская капелла... Ведь казалось, что все ее фрески тысячу раз были мною виданны-перевиданны, изучены по книгам, монографиям, фильмам, но... как нельзя понять очарование шума прибоя, не посидев на берегу моря и не поглядев на мерный накат волн, бегущих из бескрайних просторов, так невозможно было ощутить всю мощь и очарование фресок Микеланджело в Сикстинской капелле, не увидев Рим, Италию, не проникшись ощущением масштаба того колоссального явления в истории человека, которое именуется ныне звучным словом Ренессанс.

По огромному пустому залу рядом с Сикстинской капеллой бродит стройный юноша, одетый в пестрый нарядный костюм той далекой эпохи. Швейцарский гвардеец. Оранжевые, красные полосы его одежды, черный берет. Белый воротничок. Тяжелая шпага. Все эти атрибуты старины — лишь пышная рама, из которой глядит на меня ироническое лицо молодого человека двадцатого века. Века, разоблачившего почти все чудеса, кроме одного — чуда человеческого гения. Юноша жует резинку. Я гляжу на великолепный пустынный интерьер, который так контрастирует с многолюдностью находящейся рядом Сикстинской капеллы, и мне в голову не приходит, что совсем близко, в каких-то десятках метров, находится второе диво Ватикана — капелла Паолина с фресками позднего Микеланджело. И что... Но прервем рассказ и вернемся в Сикстину.

За высокими окнами бушует май, и отблеск этого весеннего неистовства, этого золотоносного жара озарил плафон и стены капеллы, и в этом свете горячего рефлекса согласно запели все краски росписи. Теплый свет обобщил могучие колера, и вдруг все сдержанные цвета фресок Буонарроти слились в один многоголосый хор, славящий человека и его бытие... Известно, что, несмотря на нажим папы, Микеланджело отказался ввести золотую краску в роспись, мотивируя тем, что люди библейской поры были бедны. Но дело не в шутке, а в том, что мастер твердо знал силу и прелесть великолепного солнца Италии, которое придаст его фрескам этот золотой удивительный камертон... И он не ошибся. Звонче сусального золота звенит общий золотой тон прозрачной валерной живописи Микеланджело, по сравнению с которой живопись фресок Перуджино, Гирландайо, Боттичелли, находящихся рядом, кажется черноватой и тяжелой. Поистине Микеланджело был великий живописец, почему-то мало оцененный как изумительный колорист, сумевший решить с удивительной легкостью сложнейшие задачи гармонии цвета в огромных масштабах росписей Сикстинской капеллы. Правда, не все признавали его живопись.

Великий Эль Греко, прибыв в Рим в 1570 году и ознакомившись с фреской «Страшного суда», заявил о желании переписать ее. Он сказал: «Хороший человек был Микеланджело, но он не умел писать».

...Кстати, мудрейший Стендаль боготворил скульптора Канову и считал лишь одну скульптуру Буонарроти — «Моисея» — равной творениям его любимца.

Однако время само расставило все акценты... И сегодня ясно, что Микеланджело открыл новую красоту, правда, не сразу понятную всем. Художник в росписях плафона Сикстинской капеллы пропел гимн величию Человека. Он показал всем своим вельможным недругам, всему погрязшему в разврате и стяжательстве сиятельному окружению папы: «Вот какой он — Человек, и каким он может быть!»

Мастер словно глядел в одному ему ведомое грядущее Земли. И солнце его живописи, созданной в ту удивительную пору, освещает нам будущее развитие искусства нашей планеты, так много достигшей в области науки и техники и так немало утратившей в мире пластики, гармонии... Как ни горька эта правда, но только здесь, в Сикстинской капелле, в самом Риме, особенно ясно ощущаешь всю мощь изобразительного искусства прошлых веков в произведениях Леонардо, Тициана, Рафаэля, Веронезе, Микеланджело и в гениальных памятниках античности.

* * *

...Ударила пушка на Яникульском холме. Пробили где-то рядом куранты. Двенадцать часов... Прозвенел колокольчик. Открывается старинная дверь, и мы с Николаем Прожогиным, собственным корреспондентом «Правды» в Италии, поднимаемся по крутой лестнице. Нас встречает улыбающийся Ренато Гуттузо. Большая комната. Десятки рисунков, папок, рулоны бумаги. И книги, книги, книги... Огромное собрание ценнейших монографий об искусстве.

— Микеланджело,— говорит Гуттузо,— наша слава и гордость. И в этот год, когда весь мир празднует пятьсот лет со дня его рождения, мне особенно приятно сознавать, что и я внес посильную лепту в ознакомление вашей замечательной страны с искусством Буонарроти. Ведь я принял участие в поездке гениальной скульптуры Микеландже-

ло «Брут» в Москву. Я собираюсь позже приехать в Советский Союз и прочесть несколько лекций о творчестве этого великого мастера. Проблема творчества Микеланджело очень современна, и надо стараться в как можно более доступной форме раскрыть всю сложность и мощь искусства этого гения Ренессанса. Фрески, скульптуры Буонарроти несут в себе огромный пропагандистский заряд... Я прошу меня простить за столь современную формулировку, но Микеланджело был сын своего времени, и он боролся за свои идеалы своим могучим искусством. Этому надо у него учиться. «Страшный суд» — высокий пример показа борьбы света с тьмой, и, если хотите, это Пропаганда с большой буквы. Я последнее время с особым усердием, глубоко изучаю наследие Микеланджело, исследую архивы Сан-Пьетро. Исторические документы, как они прекрасно раскрывают жестокую борьбу, которую вел Браманте с Микеланджело. Чего стоит, например, история с постройкой Браманте лесов для Сикстинской капеллы, которые никуда не годились. Микеланджело пришлось их сломать и построить новые, по своим чертежам. Ведь этот художник все любил делать сам! Да, это был поистине м а с т е р. Я учусь сегодня у Микеланджело, учусь упорно, копирую его чудесные фрески.

Ренато Гуттузо раскрывает шкаф, достает огромную зеленую папку и показывает нам острые, колючие, превосходные рисунки, сделанные по мотивам Микеланджело. Это были замечательные творческие копии.

Мы долго беседуем с Гуттузо. Он с большим теплом вспоминает о своей крепкой дружбе с Александром Дейнекой, которого называет огромным художником. Ренато высоко оценивает творчество Юрия Пименова, «этого по-настоящему современного живописца». Он запомнил яркие работы Попкова и Жилинского.

Внезапно Гуттузо смотрит на часы.

— Пора ехать,— говорит он,— вас ждет сюрприз.

Машина подъезжает к Ватикану. У ворот нас встречают швейцарские гвардейцы. Они пропускают машину во двор.

— Вы теперь за границей,— шутит Ренато.

Огромный пустынный двор. Одинокие гвардейцы в желто-синих полосатых костюмах, тонкие, перетянутые, как осы. В черных беретах, вооруженные шпагами... Мы входим в апартаменты. Лифт везет нас вверх. Мы проходим лоджии Рафаэля. Но зрителей нет. Пусто. Ватикан сегодня закрыт для обозрения. В гулкой тишине только слышно, как щелкают каблуки гвардейцев.

Нас представляют Макки Паскуале — личному секретарю римского папы, который любезно пригласил нас осмотреть росписи Микеланджело.

Мы прошли очередную анфиладу зал. Остановились у огромной двери. Звякнули ключи. Перед нами открылась капелла Паолина. Личные апартаменты папы. Доступ в капеллу необычайно сложен, она закрыта для туристов, и мало кто видел ее изумительные фрески.

Льется сверху серебристый свет, озаряя две громадные росписи кисти Микеланджело Буонарроти — «Обращение Павла» и «Распятие Петра». Светлая, прозрачная живопись потрясает своей неожиданной свежестью ощущения мира.

Необычайное, странное чувство охватывает меня... Ведь эти росписи начаты Микеланджело в октябре 1542 года и окончены почти через восемь лет, в 1550 году. Художнику было тогда уже семьдесят пять лет.

Мне будто видится торжественная месса открытия капеллы. В толпе роскошно разодетой римской знати, лощеных придворных, кардиналов и епископов стоит старый мастер. Он бесконечно одинок. Стар. Он пережил почти всех своих друзей.

Тяжело далась ему эта работа. Семь лет он провел совсем один в этой капелле, никого не пуская, чтобы не мешали писать. И вот труд окончен, и пусть, пусть видит вся эта публика глаза распятого Петра... Буонарроти стоит, окруженный коварными лицедеями и зловещими мракобесами. Живой среди призраков надвигающегося снова мрака средневековья. Последний из рыцарей старой, доброй, вольной Флоренции тех давних времен, когда создавался «Давид» и дышалось так легко.

«Распятие Петра»... Пустынная, холмистая местность. Недоброе, светлое небо с рваными тучами. Толпа людей окружила тяжелый, массивный крест. У подножия креста землекоп. Зияет черная яма. На кресте — вниз головою — распят человек. Немолодой, седоголозый, он яростно, невзирая на боль, широко открытыми глазами смотрит на этот грешный мир, на римских центурионов. Народ в ужасе толпится вокруг.

Ужасен, невыносим гневный взор пророка. Надброзия сомкнулись. Две жесткие морщины прочертили крутой лоб. Ни капли страдания. Ненависть. Ярость в светлых, широко открытых глазах... Петр слышит лязг оружия, короткие, отрывистые слова команд. Скрытые вздохи и стоны простых людей. Вой ветра. Топот и ржание коней. Апостол могуч. Пусть гвозди пробили его живую плоть, но он еще жив и готов принять эту лютую казнь без содрогания. Дух Петра не покорен!

Я пристально гляжу на лица Петра. Его глаза рядом со мною, совсем близко, и меня до глубины души потрясает художественный расчет Микеланджело, поражающий сердце зрителя величием подвига. Какими мелкими, суетливыми выглядят жалкие, смятенные люди рядом с этим обреченным, почти мертвецом! Но он, Петр, живет! Еще бурлит горячая кровь по жилам. Еще ходят буграми могучие мышцы, напряженные до предела. Он молчит. Но взор его поражает сильнее крика. От этого взгляда не уйти никуда. Он словно пригвождает тебя самого к невидимому кресту, и ты ощущаешь всю мелочность и ничтожность своего бытия.

Иные художественные критики находили вялость и черты старческой немощи в исполнении фресок капеллы Паолина. Думается, это неверно. Возможно, время и многочисленные реставрации ослабили, а местами, может быть, разрушили мощь микеланджеловского письма. Но я почему-то не вижу этого. Меня потрясает современное видение мастера, его просветленная, тонкая валерная живопись. Его неподражаемое умение видеть общее, главное в решении композиции... Одиночество. С какою трагическою силой выражено это состояние в «Распятии Петра»! Какую гамму человеческих чувств удалось раскрыть художнику в десятках фигур людей, так по-разному реагирующих на это страшное действо...

Не знаю, видел ли эту фреску наш великий Суриков, но я не могу не вспомнить его «Боярыню Морозову». Холст, в котором с такою необычайной глубиной показан несломленный дух, раскрыта драматургия поведения толпы.

Я как будто сквозь сон слышу голос Ренато Гуттузо:

— Потрясающе!

И снова тишина. И снова беззвучно падают лучи майского солнца на грандиозные фрески Микеланджело. И с новой силой цветут бессмертные краски росписей капеллы Паолина.

Макки Паскуале преподносит мне на память прекрасный альбом с великолепными репродукциями фресок Паолина. Кстати, две репродукции на наших цветных вкладках, которые печатаются у нас в журнале, сделаны впервые.

Но это был не конец... Еще одно потрясение ждало меня.

Снова гремят ключи. Снова отворяются большие двери. Сикстинская капелла! Пустынный зал. Глухая тишина, ни шороха, ни вздоха, ни шепота. Тихо.

Я замер... Бывают звездные минуты в каждой жизни, у каждого человека. И великое счастье их пережить.

Впереди у меня была Флоренция, Сиена, Неаполь, Помпея, Венеция... Но все эти неохватные по своей красоте миры не могли ни на один миг заставить меня забыть великую симфонию Сикстины и Паолины...

В безмолвной пустоте Сикстины с чудовищной остротой ощущаешь всю мощь скрытого движения, весь пафос метафорического строя живописи Микеланджело: ведь искусство Буонарроти обладает единственно ему присущим магическим свойством неодолимо вовлекать нас в орбиту внутреннего движения пластических масс фресок и скульптур, и мы невольно подчиняемся могучему очарованию этих объемов, этих импульсов, созданных и аккумулированных невероятной, титанической мощью гения.

Так, сидя на берегу моря, мы невольно поддаемся ритму мерно катящихся на нас волн, мы любуемся непреодолимой силой возникающих и пропадающих гребней валов, пульсирующих с вечной, природой определенной мерой. И вот это размеренное дыхание гигантских толщ воды производит на нас ни с чем не сравнимое, поистине колдовское впечатление... Подобное чувство испытывает зритель, соприкоснувшись со стихией творчества Микеланджело.

Весь мир с его бездонным небом и плывущими по лазоревой выси громадами облаков. Все буйство бурь и гулкое безмолвие гор. Все разноцветие земли с ее шумными городами и зелеными просторами лугов. Весь, весь этот мир, наполненный до краев смехом и слезами. Взорванный криками отчаяния и радости. Весь мрак ночей и все сияние зорь. Все, все это воплотил Микеланджело в один образ — могучий, всеобъемлющий, прекрасный. Образ Человека — Господина Вселенной.

Пусть Время заставило его называть Человека именами пророков, сивилл, богов... Но ни сияние нимбов, ни величественные драпировки, ни весь торжественный антураж библейских легенд, ни сам рай и ад, снизошедший к нам по велению Буонарроти, не скроют от нас единственного героя его творений — Человека, грешного и мятежного, полного мук, сомнений и восторга борьбы, ликующего и побеждающего мрак.

Тишина и Сикстинская капелла. Тишина и Микеланджело. Мне удалось увидеть невероятное. Это фантастично — быть одному в огромной капелле, это невероятно, если представить себе постоянный многотысячный поток людей, заполняющих почти каждодневно Сикстину.

И снова щелкают каблуки гвардейцев, и снова гулко звучат наши шаги по пустынным анфиладам Ватикана.

Я не нахожу слов, чтобы отблагодарить Гуттузо.

— Понимаю вас,— говорит Ренато и кладет мне руку на плечо.— Я видел Паолину пятнадцать лет тому назад и тоже почти в одиночестве и, наверное, не забуду этого всю мою жизнь.

Мы выходим на улицу. Но я не вижу майского сверкания Рима. Передо мною огненные глаза Петра... Его взор нельзя забыть.

Так хотел Микеланджело.

*
* *

«Первым мастером мира» звали современники Микеланджело. И имена «божественный», «несравненный», «небесный» не могут превзойти суровую красоту этого звания. Мастер! Что может быть выше поистине народного титула? В нем весь пот, вся бессонница, вся ярость преодоления, все благородство привычки к труду... Труд, труд и еще раз труд звучит в этом слове. «Первый мастер мира»— это людская признательность художнику за вселенскую победу искусства, не знающего границ...

Века прошли. Промелькнула и угасла слава иных владык, этих пап, герцогов, князей, милостиво даривших свое внимание неуживчивому, странному, вечно недовольному собою, к чему-то неведомому рвущемуся человеку. Его торопили, ему давали высочайшие советы, как надо работать, ему угрожали, его однажды изволили побить святейшим посохом. Но он был упрям, этот мастер, и он твердил свое: «А я еще не кончил» — и... работал. Он оставил людям свои творения. И чем больше времени проходит, тем все выше и выше вздымается к звездам гордое и простое звание — «Первый мастер мира», данное ему при жизни народом и ставшее бессмертным!

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ТРЕТЬЯ КАРТА

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

«Вчера в Советском информационном бюро состоялась первая пресс-конференция, которую проводил заместитель начальника Советского информационного бюро тов. Лозовский С. А. Во вступительной речи тов. Лозовский заявил:

— СССР, как известно, стал жертвой неспровоцированной агрессии со стороны германского фашизма. В оправдание своего нападения последний прибегает к огромному количеству выдумок и изобретений. Декларация Гитлера по поводу объявления Германией войны СССР заключает в себе одну большую ложь и 99 видов лжи разного калибра, изготовленных на кухне Геббельса. Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов в своем выступлении по радио 22 июня текущего года опроверг декларацию Гитлера, который показал, что он смешивает политику с коричневым игорным домом, где играют краплеными картами. Было бы невозможным опровергать всю клевету, на которую пустились Гитлер и Риббентроп. Однако ложь отравляет воздух, и в целях общественной гигиены приходится время от времени заниматься опровержением мифотворчества этих господ.

Приведу три примера.

Первый факт. В декларации Гитлер утверждает, что советские летчики развлекались тем, что нарушали германскую границу с целью якобы показать, что они уже считают себя хозяевами германской территории. Факты говорят о другом. С 1 января 1941 года до 21 июня того же года германские самолеты 324 раза нарушали госграницу СССР, в то время как со стороны советских самолетов было лишь 8 случайных перелетов госграницы.

После ноты в январе, а затем следующей ноты в марте текущего года с указанием на ряд нарушений советской границы германскими самолетами, ввиду участившихся нарушений нашей границы, 21 апреля с. г. германскому послу в Москве была вручена нота с перечислением 80 случаев нарушения госграницы германскими летчиками за период с 27 марта по 18 апреля с. г. И этого оказалось недостаточно. В ноте Народного Комиссариата Иностранных Дел, врученной германскому послу в Москве 21 июня, указывалось, что с 19 апреля по 19 июня германские самолеты 180 раз нарушили советскую границу. Было много случаев, когда германские самолеты залетали в глубь советской территории на 100—150 клм., что, конечно, нельзя объяснить потерей летчиком ориентировки, а объясняется тем, что полеты производились с разведывательными целями. Таким образом, утверждение Гитлера извращает действительность.

Второй факт. Г-н Риббентроп в своем меморандуме 22 июня заявил, что гарантии, данные Турции Советским Союзом в марте месяце 1941 г., представляют из себя враждебный акт по отношению к Германии. Однако вы помните опубликованный во всеобщему сведению текст советского заявления. Почему оно, собственно, является враждебным актом против Германии? Немного нужно, чтобы понять, как мало здравого смысла и много жульничества в заявлении Риббентропа. Советский Союз заявил о том, что в случае, если Турция подвергнется нападению, он будет соблюдать нейтралитет. Сейчас, когда Германия начала войну против СССР, о нейтралитете заявили многие страны, в том числе Турция, Иран, Афганистан. Нейтральными являются и Соединенные Штаты Америки. Выходит, что всякая страна, заявляющая о своем нейтралитете, совершает тем самым враждебный акт против Германии!

Третий вопрос — это Проливы. Я не знаю, какие познания имеет г-н Гитлер в музыке, но в декларации этот вопрос он разыграл на очень высокой ноте. Он заявил, что во время посещения Берлина В. М. Молотов договаривался якобы с ним о том, что Советскому Союзу будут отданы Проливы. Советское правительство уже заявило, что в этом не было ничего похожего на истину. Это одно из клеветнических утверждений, предназначенных для людей, которые не отдают себе отчета в основных принципах советской политики, людей, которые хотят быть обманутыми. Это высосано из грязных пальцев г-на Геббельса и столь же похоже на правду, как сам Геббельс на Аполлона Бельведерского. Цель этой гнусной клеветы — натравить на СССР Турцию, вызвать неприятное чувство у турецкого народа, приобрести для себя новых сторонников, не останавливаясь ни перед чем.

Затем тов. Лозовский ответил на заданные иностранными корреспондентами вопросы.

Один из иностранных корреспондентов задал вопрос: почему ТАСС сообщил недавно, что Германия выполняет свои обязательства по договору с СССР, когда весь мир знал, что Германия готовится к войне.

На это последовал ответ:

— В свете последних событий политика Советского правительства ясна. Советское правительство делало все для того, чтобы сохранить и обеспечить договор между СССР и Германией. Заявление ТАСС являлось попыткой заставить Германию сказать, выполняет она договор или нет. Как известно, это сообщение ТАСС не было опубликовано ни в Германии, ни в ее вассальных государствах. Таким образом, само германское правительство, не опубликовав сообщения, в котором утверждалось, что оно выполняет договор, показало, что оно не желает этот договор выполнять. Этот шаг Советского правительства дал возможность выявить действительную позицию Германии. Своими вероломными действиями германское правительство показало, что оно вносит свои «поправки» в международное право и что оно заключает договоры о ненападении для того, чтобы, подготовившись, внезапно напасть на другую «высокую договаривающуюся сторону».

Иностранные корреспонденты обратились к т. Лозовскому с просьбой о расширении информации, связанной с военными операциями. Лозовский ответил:

— Вы, господа, заявляете, что Германия наводняет мир своей информацией. Вы знаете также, что эта информация является от начала до конца лживой. А мы выдумывать и измышлять не хотим. Мы сообщаем только то, что проверено. Информация иногда запаздывает потому, что приходится проверять факты.

Далее, отвечая на вопрос о судьбе членов советского посольства в Германии и германского посольства в СССР, т. Лозовский указал, что происходят переговоры об обмене персоналом посольств. Этим вопросом занимаются в Москве — миссия Болгарии, принявшей на себя представительство германских интересов в СССР, и миссия Швеции, представляющей интересы СССР в Германии.

После обмена мнениями относительно получения сообщений Советского информбюро о военных действиях и о порядке работы пресс-конференции т. Лозовский закрыл первую пресс-конференцию».

ИЗ ДИРЕКТИВЫ СОВНАРКОМА СССР И ЦК ВКП(б) ПАРТИЙНЫМ И СОВЕТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ПРИФРОНТОВЫХ ОБЛАСТЕЙ О МОБИЛИЗАЦИИ ВСЕХ СИЛ И СРЕДСТВ НА РАЗГРОМ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

29 июня 1941 г.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Вилейскую области Советской Белоруссии и несколько районов Западной Украины.

...Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значения этой угрозы, живут благодушно—мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас:

1) В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

2) Организовать всестороннюю помощь действующей Армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение Армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

3) Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на провокации.

4) При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—49.

разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

6) Немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, не взирая на лица.

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР, ЦК ВКП(б) И СОВНАРКОМА СССР ОБ ОБРАЗОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
30 июня 1941 г.

Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, признали необходимым создать Государственный Комитет Обороны под председательством т. Сталина И. В.

В руках Государственного Комитета Обороны сосредоточивается вся полнота власти в государстве. Все граждане и все партийные, советские, комсомольские и военные органы обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

* * *

Мир реагировал на агрессию Гитлера немедленно и однозначно; естественно, речь идет о том мире, который не был подвластен нацизму.

Уинстон Черчилль:

— Я вижу... серую вымуштрованную, послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающуюся, подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще не зажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу.

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий...

Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером,— наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем.

...Он (Гитлер) хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров...

Его вторжение в Россию — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова.

Франклин Делано Рузвельт:

— Американский народ питает отвращение к вооруженной агрессии. Он связан с русским народом крепкими узами исторической дружбы, поэтому вполне естественно, что он следит с сочувствием и восхищением за мужественной борьбой, которую ведет в настоящее время русский народ в целях самообороны.

Де Голль:

— Мы должны занять совершенно определенную позицию в отношении конфликта между Германией и Россией... Мы должны, как и Черчилль, заявить, что, поскольку русские ведут войну против немцев, мы безоговорочно вместе с ними. Не русские подавляют Францию, не они оккупируют Париж, Реймс, Бордо, Страсбург, грабят и деморализуют нашу страну... Немецкие самолеты и танки, немецкие солдаты, которых уничтожают и будут уничтожать русские, впредь уже не смогут помешать нам освободить Францию. Прошу сразу же придать именно такое направление нашей пропаганде.

Теодор Драйзер:

— Ничто в истории человечества — ни безумные авантюры в поисках преходящей славы и власти, ни страшные массовые истребления народов и порабощение их Киром, Дарием, Александром, Цезарем, Аттилой, Чингиз-ханом, Тамерланом, Наполеоном — не может сравниться по своему бессмысленному варварскому разрушению и смертоносности с ничем не оправданным нападением Гитлера на Советскую Россию...

Эти преступления надо пресечь, а их инициатора и исполнителя, победив, всенародно казнить за его злодеяния...

Хьюлетт Джонсон, настоятель Кентерберийского собора:

— Судьбы человечества поставлены на карту в этой великой битве... На одной стороне — свет и прогресс, на другой — мрак, реакция, рабство и смерть. Россия, отстаивая свою социалистическую свободу, борется в то же время за нашу свободу. Защищая Москву, она защищает Лондон».

Томас Ламонт, председатель компании Моргана:

— Некоторые считают союз Америки с Россией ненормальным. Но почему? Во время прошлой войны Россия была союзником Соединенных Штатов. За последние 150 лет Россия трижды выступала сообща с Англией против диктаторов, стремившихся покорить Европу: Наполеона, Вильгельма II и Гитлера. Эти союзы не были случайными. Мир в Европе сейчас так же, как и в 1814 и 1914 годах, зависит от стойкости России на востоке Европы.

Весь мир следил за исходом великой битвы на Востоке. Уже вошли в бессмертие герои Бреста и Перемышля. Рождалась могучая антигитлеровская коалиция — союз Москвы, Вашингтона и Лондона, объединенных единым желанием спасти человечество от коричневой саранчи.

И среди этих огромных по своему значению событий произошло одно, маленькое, иудино, оплаченное тридцатью сребрениками, только плата эта была не за жизнь Христа, но за судьбы многомиллионного народа Украины, ставшего как один человек на борьбу за Родину, против полчищ Гитлера...

МЕХАНИКА МЫШИНОЙ ВОЗНИ

Первым о вступлении «Нахтигаля» во Львов и о том, что там произошло тридцатого июня, сообщил в свою берлинскую газету военный корреспондент Трауб. Задумчиво глядя на черную мембрану телефона, он медленно диктовал в редакцию из своего номера, прислушиваясь к далеким выстрелам на улицах и к быстрым шагам патрулей, которые то и дело проходили под окнами гостиницы, занятой немецкими офицерами.

«Сегодня вечером,— диктовал Трауб,— во Львове состоялось собрание ста представителей украинцев западных земель. Собрание открыл Стецко. Передав собравшимся поздравления от Бандеры, он зачитал акт следующего содержания:

«Украинская националистическая армия» будет бороться за соборную Украинскую державу, за новый порядок в Европе и за великого фюрера Адольфа Гитлера.

Слава Степану Бандере!»

Следом за Стецко выступил отец Гриньох, являющийся духовником «Нахтигаля», и передал собравшимся пламенный привет от коменданта легиона Романа Шухевича. Был зачитан указ Бандеры о назначении Ярослава Стецко председателем краевой управы. Отец Слипый передал собравшимся благословение митрополита Андрея Шептицкого. Православный отец Поликарп заверил собравшихся, что и восточные украинцы, все как один, пойдут за великим фюрером Адольфом Гитлером.

В заключение собравшиеся приняли приветствие Бандере и Шептицкому».

Трудно предположить развитие дальнейших событий, если бы эта корреспонденция была единственной, попав в Берлин.

Однако Бандера, прислушавшись к советам мил-друга Шухевича, решил опередить события. Именно поэтому легионеры «Нахтигаля», ворвавшись на радиостанцию, провели к микрофону диктора, и он под пистолетом после торжественных позывных «всем, всем, всем!» за три часа перед тем, как Трауб передал свою корреспонденцию в Берлин, зачитал декларацию Бандеры.

Естественно, ни в Москве, ни в Киеве, ни в Берлине, ни в Лондоне, ни в Берне не обратили внимания на истеричное заявление незадомого «украинского освободителя», гитлеровского «карманного квислинга».

Однако Европа того периода, помимо сил реальных, включала в себя силы иллюзорные. К числу таких «государств» относилась Словакия Тиссо и Хорватия Анте Павелича.

В фарватере нацистской политики следовали фашистские режимы в Венгрии, Румынии и Болгарии.

Когда чиновники венгерского МИДа услыхали о провозглашении «независимой Украины», они срочно приготовили доклад заместителю министра иностранных дел.

— Как ты оцениваешь этот факт? — спросил чиновника заместитель министра, расхаживая по громадному кабинету, отделанному тяжелым мореным дубом.

— Трудно утверждать, ваше превосходительство, что-либо определенное. Увы, Берлин ставит нас в известность далеко не по всем своим запланированным мероприятиям.

— Я думаю, с Бандерой легко будет договориться о пересмотре границы в нашу пользу, учитывая нашу преемственность по отношению к Австро-Венгерской монархии. Я изучил карту: примерно три тысячи квадратных километров нынешней украинской земли должны отойти к нам. Я пока не ставлю в жесткой форме вопрос о других землях, но Буковина и прилегающие районы явно венгерские.

— Думаю, что Берлин на это не пойдет.

— Думать надо после того, как сделан первый шаг.

— В таком случае, первым шагом должно быть признание «самостийной и соборной Украины».

— Мы пойдем на это после того, как ты проведешь первые консультации с властями во Львове.

— Да, но они пойдут на консультации только после того, как мы признаем их.

— Разве среди всех дипломатических хитростей нет такой, которая бы позволила совместить два эти мероприятия? Словом, действуй. Возьми эту карту.— Заместитель министра тронул мизинцем большую старую карту с районами Украины, закрашенными в яркосиний цвет — видимо, он это сделал только что.— Не откладывай на завтра то, что можешь начать сегодня.

Румынский МИД прореагировал на сообщение из Львова почти так же, как венгерский. Заведующий восточным отделом тоже достал из ящика письменного стола карту, тоже очертил районы Буковины, которые, по его мнению, должны войти в состав великой Румынии, с той только разницей, что карандаш для этой цели он использовал ярко-оранжевого цвета.

Заведующий восточным отделом понимал, что Венгрия, «заклятый союзник» по Тройственному пакту, наверняка созвала сейчас совещание. Поэтому Бухарест решил действовать быстрее: был приглашен немецкий посланник, и (о постоянная повторяемость ситуаций!) перед ним была разложена карта с территориальными претензиями «Великой Румынии к «Соборной Украине».

— Нами движет чувство исторической справедливости,— заметил дипломат, вхожий к Антонеску,— только лишь.

— Не слишком ли все это рано? — усмехнулся немецкий посланник.

— Почему? В дипломатии,— ответил шеф восточного отдела,— опасно оказаться последним.

Дипломат явно пережимал, и германский посланник понял это. Однако «жать» не стал — незачем. Следовало щадить самолюбие румынского дипломата; он считает себя римлянином, представляет не что-нибудь, а великий мир латинян в Тройственном союзе. Муссолини выродился в политикана, им не владеет великая государственная идея, и лишь Антонеску думает о возрождении могучего государства румын, которое будет доминировать на Черном море и контролировать проливы, ключ к Средиземноморью. Пусть себе думает. Рано или поздно румыны будут оттеснены с побережья Черного моря, которое станет внутренним великогерманским.

— Я снесусь с Берлином, ваше превосходительство,— пообещал посланник.

На этом аудиенция окончилась. Шеф восточного отдела считал ее важной: он «застолбил» Буковину первым.

...В Загребе и Братиславе сообщение из Львова изучалось еще более пристально, но уже в силу причин открыто амбициозных, маленьких. Марионеточные государства Хорватии и Словакии переживали особую пору «самоосознания». Это «самоосознание», естественно, не могло быть приложимо к народам, которые отдавали себе отчет в том, что живут они под германской оккупацией. Такого рода «государственное осознание» следует определять, как бюрократическое, или, скорее, плутократическое. Маленькие бездарности, болезненно честолюбивые политиканы, клянясь национальной идеей, служили чужеземцам, подчинялись беспрекословно их приказам, старательно организовывали «народно-национальные волеизъявления» дружбы к «Великой Германии» и старались при этом побыстрее и поухватистей устроить свою жизнь — в расчете на неизвестное будущее: квислинг, приведенный к власти оккупантами, а не пришедший к власти по закону, живет в постоянном ощущении неуверенности в завтрашнем дне.

Поэтому иллюзорная «независимость» бандеровской Украины рассматривалась здесь на еще более низком уровне теми в первую очередь, кто рассчитывал на посольский чин, на получение соответствующего отдела в «министерствах» иностранных дел, государственной безопасности, обороны, торговли, транспорта, культуры и связи.

Поэтому реакция режимов Павелича и Тиссо была несколько более медленной: следовало отладить «цепь интересов» — тот, кто мечтал о погонах «чрезвычайного министра и полномочного посла», должен был найти союзников, пояснить им выгоду своего назначения; союзник этот, в свою очередь, призван был заинтересовать тех, кто «метил» на новый департамент, и среди трех-четырех десятков плутократов обязательно должен был отыскаться такой, который бы мог обсудить эту идею непосредственно с Тиссо или Павеличем.

Однако на соответствующе низком уровне — с секретарями германских посольств — этот вопрос предварительно обсуждался, а секретарь в отличие от посла не о политике думает, а о себе, о своей продукции, о том, насколько оперативно он отправит в Берлин запись беседы с ответственным чиновником той страны, где он аккредитован. Причем в этом сообщении он, опять-таки радея о своей карьере, а никак не о государственной политике, будет многое выдумывать, приписывать себе лавры узнавания и обращения и без того преданного замухрышки, и в силу этого его сообщение может оказаться в центре внимания руководства восточного департамента МИДа, а там повторится та же история: чиновник, к которому попала эта запись, проявит максимальную оперативность, ибо думать будет об обращении этой безделицы в свою выгоду: маленькие чиновники Риббентропа любили дипломатические интриги и часто повторяли, что «политика начинается с пустяков, которые вовремя замечены, верно оценены и запущены в нужном направлении».

Так и случилось: пока посланники в Будапеште и Бухаресте составляли свои пространные меморандумы, рапорты быстрых секретарей из Братиславы и Загреба уже легли на столы чиновников МИДа.

Люди Риббентропа поняли: пришел час их торжества. Их удар по аппарату Розенберга — новому министерству (как-никак конкурент) будет сокрушающим.

В это же время сотрудники Гиммлера — особенно Риче, адъютант Гейдриха,— напряженно ждали, когда все документы придут в МИД, к Риббентропу: секретарь германского посольства в Загребе был агентом VI управления РСХА и заранее оповестил Шелленберга, что беседа о «самостийной Украине» состоялась с директором восточноевропейского отдела МИДа «Независимой державы хорватской» и подробная запись ее отправлена в Берлин с нарочным. (Против того, чтобы секретарь расписал эту беседу своему формальному начальству в МИДе, ведомство

Гиммлера не возражало; даже наоборот — всякого рода липогонство поощрялось, ибо способствовало росту своего агента в чужом ведомстве.)

...Узнав, что все документы о «независимой Украине» пришли в МИД, адъютант Риче доложил об этом Гейдриху. Тот предупредил о случившемся Гиммлера, который собирался на просмотр нового пропагандистского фильма о «кровавых злодеяниях большевиков», подготовленного Геббельсом. Гиммлер попросил секретаря вызвать его к аппарату, если позвонят с Вильгельмштрассе.

Риббентроп позвонил через сорок минут.

Через час он был у Гиммлера.

Через два часа они отправились к фюреру.

(Маленькая интрига, затеянная в середине июня Риче, дала результаты: после радиообращения Стецко о такой незаметной пешке, как Бандера, узнали высшие чины рейха, раньше и слыхом о нем не слыхавшие.

Риче точно учел механику гитлеровского аппарата — он был повышен в звании, ибо Гейдрих не мог не оценить его ловкости, поскольку тот оказал помощь бонзам в постоянной борьбе амбиций.)

Гитлер бушевал. Он метался по своему громадному кабинету, выложенному серыми мраморными плитами, и выкрикивал:

— Я начинаю ощущать свое бессилие! Меня хотят поссорить с армией! Меня хотят поссорить с нацией! Где, когда, кому и при каких обстоятельствах я обещал независимость Украины, скажите мне?! Я всегда утверждал, что земли, восточнее Одера, вплоть до Урала, подлежат колонизации! Эти земли будут отданы немецким солдатам и колонистам!

Гиммлер посмотрел на Риббентропа. Тот соболезнующе вздохнул:

— Мой фюрер, я возмущен не меньше, чем вы. Когда я обменивался мнениями по этому вопросу с рейхсфюрером, он понял мое негодование, но, право, армия в этом деле играет вторичную роль. Идея, как мне представляется, исходила из нового министерства восточных территорий. Я понимаю рейхсминистра Розенберга... Его могли подвести сотрудники...

Гиммлер заметил:

— Я согласен с Риббентропом во всем, мой фюрер, кроме одного — абвер в этой гнусности сыграл роль далеко не вторичную. Особая линия Канариса, который рвется в политику, вместо того, чтобы заниматься своим прямым делом, давно беспокоит меня...

— Не трогайте армию,— резко бросил Гитлер.— Сейчас не время!

— Да, но...

Фюрер обернулся к Шмундту, своему адъютанту, белый от ярости, с глазами, запавшими после бессонных ночей:

— Розенберга ко мне!

Он проводил стройную, прямую и недвижную спину Шмундта воспаленными глазами, казавшимися сейчас круглыми из-за резких теней, их окружавших, и обернулся к Гиммлеру и Риббентропу:

— Гиммлер, по-моему, вам следует вылететь к гауляйтеру Коху. Он представляет интересы партии, а не мрачные утопии Розенберга. Украинцы стреляют в наших солдат, они воюют с нами, они защищают Советы, а Розенберг говорил, что они будут подносить нам цветы! Словом, наведите там порядок. И вызвать в Берлин всех чиновников, которые допустили это славянское свинство! Виновных растоптать!

Бормана не устраивал блок Гиммлера с Риббентропом: слишком сильные ведомства, представляемые столь ловкими политиками, могли оттеснить его на третий план.

Поэтому Борман нашел возможность проинформировать Геринга и Розенберга о негодовании фюрера в связи с львовским «свинством».

Геринг и Розенберг встретились с Кейтелем: надо было выработать общую позицию, конечная цель которой заключалась в том, чтобы не дать возможности Гиммлеру сделаться первым...

Продолжение следует.

Главный учебный корпус.

ИНСТИТУТ-ЮБИЛЯР

Один из ведущих вузов страны, Московский энергетический институт, отмечает семидесятилетие. Его питомцы руководят монтажом атомных электростанций, устанавливают гигантские турбины, участвуют в создании сложнейших вычислительных машин и фотоэлектронных приборов. Девять факультетов, 66 кафедр, 1 900 преподавателей, 200 аудиторий, более 20 проблемных и отраслевых лабораторий поставлены сегодня на службу подготовки специалистов высшего класса. Среди выпускников института — академики, лауреаты Ленинской премии В. А. Кириллин, В. А. Котельников, академики С. А. Лебедев, Б. Н. Петров, В. А. Трапезников. Ректором института является лауреат Государственной премии СССР, профессор, доктор технических наук М. Г. Чиликин.

Только за тридцать послевоенных лет институт дал стране 60 тысяч инженеров-энергетиков, работающих у нас в стране и за рубежом.

Накануне юбилея корреспондент «Огонька» беседовал с начальником учебно-методического управления института В. В. Шевченко.

— Мы стремимся к тому,— говорит он,— чтобы все новое в методике учебного процесса находило дорогу в МЭИ. Здесь и специально оборудованные лаборатории, аудитории, учебный телецентр, где на специальной аппаратуре студенты могут работать и за оператора и за инженера. Здесь и день самостоятельных занятий студентов, и всевозможные конкурсы рефератов, и недели науки, и наши «КАКТУСы», «РЕПКи»... Что это такое? «КАКТУС» — это кабинет автоматического контроля текущей успеваемости студентов, а «РЕПКа» — репетиционный кабинет... На радиотехническом факультете, которым руководит Г. Д. Лобов, студентам последнего курса предоставлено право самостоятельно выбрать для изучения два предмета, которыми они собираются заниматься в будущем. Среди этих предметов: «Взаимодействие плазмы с электромагнитным полем», «Системы передачи цифровой информации», «Проектирование оптимальных телевизионных систем». Тематика практических работ очень разнообразна, она включает и паяльники для завода, и аппаратуру для геофизических ракет, и разработки ГОСТов для промышленности.

В нашем институте впервые в стране двадцать лет назад введено обязательное участие студентов в учебно-исследовательской работе, и теперь каждый наш воспитанник участвует в научно-исследовательских инженерных работах.

Есть у нас свое студенческое конструкторское бюро — СКБ. Оно занимается проектированием и созданием современного оборудования для исследовательских лабораторий института и ведущих предприятий страны. Если вы придете к нам во время зимней сессии, то увидите, как строго и точно проверяет знания студентов автоматическое устройство «Экзаменатор» — оно изготовлено и запущено в серийное производство в СКБ МЭИ.

Свои научные исследования студенты ведут под руководством ученых института. Среди них много талантливых изобретателей. Доцент кафедры автоматизации и релейной защиты энергосистем В. Казанский имеет пятьдесят авторских свидетельств. Внедрение его изобретений в промышленность обеспечило годовой экономический эффект на сумму около миллиона рублей.

Мы готовим кадры для народного хозяйства и социалистических стран. Правительство ГДР высоко оценило эту нашу деятельность, наградив институт орденом «Знамя труда». В МЭИ сейчас учатся свыше тысячи студентов, аспирантов и стажеров из 67 стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Наши студенты усердно учатся и весело отдыхают. Может быть, вам доводилось слышать наш вокально-инструментальный ансамбль «Искатели» — он лауреат премии Московского комсомола. В Доме культуры МЭИ — двадцать самых разных творческих коллективов.

Близится зимняя сессия. В этом году она особенная — предсъездовская и юбилейная. Значит, сдавать экзамены нужно лучше, чем прежде. И наши студенты готовы к этому...

В лаборатории электрофизики. Фото В. МОРОЗОВА.

Наталья БЕРНАДСКАЯ

КОГДА РОЖДАЕТСЯ СПЕКТАКЛЬ

РАССКАЗЫ О ТЕАТРЕ

I

Сцена была тускло освещена, и зрительный зал тонул в полумраке. Слышалось слабое постукивание молотка. Посреди сцены, у декорации, стояла стремянка, и рабочий прибивал к стене изогнутый карниз с заранее уложенными складками драпировки. Из-за кулис вносили мебель — диванчики и кресла со стеганой обивкой. Рабочие вполголоса переговаривались, советуясь, что куда ставить. Озабоченно проходили художники и помощники режиссера, придирчиво присматривались ко всему и исчезали.

В тот день должен был состояться первый прогон «Дядюшкиного сна» Достоевского. И декорации и костюмы большей частью еще не были готовы.

Но когда на сцене появилась Мария Ивановна Бабанова, мы увидели ее в костюме, парике и гриме. Вполголоса здороваясь со всеми, она прошлась вдоль декораций: еще раз примерилась к ним. Осведомилась о Наташе — молодом режиссере.

Когда Наташа пришла, Мария Ивановна спросила ее, не может ли она, Бабанова, на одну из реплик делать резкий поворот немного ближе к авансцене, чем это было ранее условлено. Они вместе попробовали несколько поворотов, установили расстояние.

Затем Мария Ивановна села в отдалении, наполовину скрывшись за декорацией. В ее позе явно ощущалась сосредоточенность. Она, видимо, повторяла текст, а может быть, думала о глубинном содержании своей роли.

Сцена поворачивалась, декорации обогащались вновь принесенными деталями, уже пробовали свет, но Мария Ивановна ничего не замечала. Только когда мимо прошла Мария Осиповна Кнебель, актриса встрепенулась и о чем-то спросила ее. Потом внимательно выслушала ответ режиссера.

Роль Марии Александровны Москалевой, которую исполняла в этом спектакле М. И. Бабанова,— центральная, она приводит в действие всю многосложную интригу пьесы. Во взаимоотношениях с мужем, дочерью, женихами, с дамами-соперницами первая дама городка меняется, как хамелеон, целеустремленно осуществляя свою злую волю.

Начался прогон. Сразу стало ясно, что перед нами опять та Бабанова, которая, блестяще начав в 20-е годы, прошла большой путь и которую всегда восхищенно принимали самые разные зрители. Я вспоминала ее Джульетту — мы смотрели на нее глазами Ромео,— вспоминала «Зыковых» и твердила сегодня, как и на тех спектаклях: «Драгоценность! Драгоценность!»

Тут, конечно, дело не только во внешности. Одаренность, талант — это они свершали волшебство. И еще этот необыкновенный тембр голоса, а ведь он необыкновенный у Бабановой, не правда ли?

Да, Бабанова осталась той же, хотя мы знали, что у нее был большой перерыв в сценической деятельности. Волновалась ли она, выходя в тот день на сцену? Даже проработав всю жизнь в театре, переиграв несметное количество ролей, все равно невозможно не волноваться, выходя из-за кулис к зрителям.

В очередном монологе Москалева, «героиня» Бабановой, плела свои сети. От ее воздействия на Мозглякова зависел дальнейший ход событий, и можно было проследить, как ярость Мозглякова стала сменяться выражением неуверенной надежды. Тут я заметила, что у М. И. Бабановой из-под края платья показалась белоснежная оборка нижней юбки. С полным самообладанием актриса спокойно шагнула за дверь декорации, около которой стояла, и оттуда, из-за двери, из коридора, не меняя интонации, продолжала уговаривать Мозглякова. И так быстро вернулась обратно, что было непонятно, каким образом она смогла избавиться от оборки. Прогон продолжался.

В сцене романса пригасли огни. Зина обольщала князя пением. Чтобы напомнить ей старый французский романс, Бабанова незабываемым жестом подняла руку и пропела (нет, не то слово, не так грубо), пролила первые слова французского текста с такой легкостью, музыкальностью, с таким чистым произношением, что сразу перенесла нас в мир высокого искусства, оттенив и подчеркнув всю затхлость этого провинциального дома с его провинциальными кознями...

II

Молодой актер уже много снимался в комических ролях в кино и был популярен у зрителя. Из фильма в фильм переходил созданный им образ, ставший когда-то его находкой, маленьким открытием,— этакий парень с придурью. Видимо, комикование вошло в плоть и кровь актера, он не хотел, а может быть, уже и не мог отъединиться от излюбленного персонажа. Тот продолжал жить в актере.

Сейчас, на репетиции драмы, нужно было совсем другое. Этому молодому актеру, вернее, его герою, придется в мирной обстановке стрелять в живого человека. Он, правда, промахнется, но ведь актеру надо показать, как этот человек приходит к мысли убить, пусть даже в состоянии аффекта.

Шла репетиция. У самой оркестровой ямы режиссер-постановщик спектакля, пожилая, седая женщина, стоя, ожидала реплики. Но она ждала также инициативы артистов, игры их воображения, которая, обогащая общий замысел спектакля, может захватить зрительный зал, овладеть чувствами людей, сделать действие живым. Должен был происходить сложнейший процесс создания актером образа, умело направляемый опытной рукой режиссера.

А что же было на сцене?

Молодой актер не репетировал со своим партнером. Они оживленно болтали, вели себя, как школьники на перемене, не обращая на режиссера ни малейшего внимания.

Это было невиданное нарушение дисциплины. Режиссер, в свое время сама молодая актриса, репетировала тогда под руководством Станиславского, а он учил уважению к труду актера, говорил, что театр — это храм. Сейчас она просто ждала, когда кончится пароксизм веселья.

Остальных присутствующих явно смущала создавшаяся ситуация.

Но вот накал веселья уменьшился: кладезь юмора понемногу иссяк. И актеры нехотя вернулись к работе. Репетиция продолжалась.

Конечно, спектакль в должное время состоялся. Но и такие грустные эпизоды остаются в памяти.

III

Как увлекательна работа художника театрального костюма!

В его руках сценическая правда. Мало того, что одежда должна соответствовать эпохе и социальной среде — это обязательно. Надо еще внешним видом обрисовать характер персонажа, передать его настроение. В костюме можно выразить и многое другое, вроде времени года, в котором происходит действие. Надо знать разницу между ведьмой и бабой-ягой — это тоже важно. А коты или, допустим, морозы — они тоже бывают олицетворены на сцене! Тут все примечательно, все требует изобретательности, фантазии. И еще: костюмы должны быть частью общего цветового замысла декорации — что-то вроде дополняющего аккомпанемента.

...Узкая, длинная примерочная была завалена лоскутами тканей, эскизами костюмов для готовящихся спектаклей. На столе стояли черные и серые цилиндры, лежали алые перчатки. На плечиках висели платья, приготовленные к примерке. В зеркалах отражались усталые лица портных и костюмеров, напряженные и заинтересованные — артистов.

Ставилась милая русская пьеса. Когда понадобилось одеть приживалку в богатом, но скупом доме, художница сделала эскиз скромного коричневого платья; материал соответственно тоже предполагался скромный.

Сейчас художница проводила примерку подвенечного платья героини. Вдруг она заметила, что ее ждут двое: актриса, играющая приживалку, и актер, не занятый в пьесе.

— Вы ко мне? — спросила художница, освободившись.

— Да,— сказал пожилой актер.— Я хотел поговорить с вами относительно костюма моей жены.

Он просительно и робко смотрел в глаза художницы.

— Хотелось бы, естественно, как лучше... Я узнал, что на складе есть коричневая тафта очень хорошего качества. И если с аграмантом...

— Давайте рассудим,— сказала огорченно художница,— не противоречит ли такое решение костюма всей роли в целом? Ведь Агафья Харитоновна — человек безденежный, об этом говорит ее подневольное положение. А хозяйка дома скупа, разве будет она переводить тафту на Агафью Харитоновну?

— Да, вы правы,— вздохнул пожилой человек. Они с женой печально посмотрели друг на друга.— Простите, мы вас зря побеспокоили.

И, гордо поклонившись, оба вышли из примерочной.

Бывает и другое.

...Ждали солистку. Она пришла вовремя. Это была женщина средних лет, со сцены она умела выглядеть красивой. Портнихи сняли приготовленный костюм с манекена и сразу приступили к примерке.

Артистка стояла перед зеркалом и внимательно вглядывалась в свое отражение.

— Рукава такими и будут? — обратилась она к художнице.

— Прибавится только нарядность: сейчас еще нет вышивки и плиссировки.

— Да, но форма? Такой пузырь? Боюсь, что это будет меня толстить. Нельзя ли сделать, как у нас в «Воеводе»? Там очень хорошо получилось.

— Но ведь время совсем другое, разрыв в целое столетие. К тому же страна другая.

— А в «Фаусте»? Почему же те художники могли сделать так, чтобы внешность моя выигрывала? Хотя, дорогуша,— она приторно улыбнулась,— я знаю, что вы прекрасно работаете... Но как же я все это не люблю, просто не выношу примерки, всю эту возню. А можно, я сяду? — вдруг спросила певица. И, не дожидаясь ответа, села в кресло.

— Устала безумно, вчера спектакль, сегодня репетиция, сейчас примерка. В шесть прием в посольстве. Надо успеть еще привести себя в порядок...

IV

В «Норе» Ибсена есть место, где Нора, проводив посетителя до двери, возвращается в комнату. Ее ждет муж. Зритель знает, что сейчас должно произойти интимное объяснение. На репетиции в этот момент я остро почувствовала неловкость: ведь я собиралась, пусть ненароком, подслушать разговор супругов, разговор, не предназначенный для моих ушей, причем они-то и предполагать не могли, что я слушаю их.

Не припомню ни одного другого случая, когда бы я так поверила в истинность происходящего,— до такой степени стерлась грань между сценой и зрительным залом. Я не замечала никакой театральной условности, не ощущала разницы между персонажами и собой, зрителем.

Это С. В. Гиацинтова и И. Н. Берсенев так заворожили меня.

V

Огромное место в жизни театра занимают особые репетиции,— они называются монтировочными. Когда эскизы и макет будущей декорации приняты художественным руководством, разные цехи (столярный, бутафорский, живописный) приступают к изготовлению ее отдельных частей. Наконец все готово, и теперь эти части надо собрать воедино, смонтировать.

Необыкновенное чувство охватывает начинающего художника, когда он впервые видит реализованными на сцене свои мысли о среде, окружающей действующих лиц пьесы. Пожалуй, это сродни чувству архитектора при виде растущего здания, в котором он узнает свой выстраданный замысел.

Но художник должен еще создать атмосферу, настроение спектакля. И тут в его распоряжение поступает целый арсенал чисто театральных средств, среди которых решающая роль принадлежит свету.

Во время таких репетиций в зрительном зале вокруг художника много людей: машинист сцены, заведующий постановочной частью, режиссер, осветители, главный художник театра. На сцене рабочие, на колосниках — так называемые верховые. Все полны внимания. Именно сейчас должно произойти волшебное превращение пока еще разрозненных, подчас грубоватых предметов в новый, придуманный мир.

Позже этот мир будет населен учеными, воинами или колхозниками, влюбленными, принцессами или призраками, домовыми, говорящими деревьями... Зазвучат музыка, стихи, речь героев, произойдут самые разные волнующие нас события.

Пока ничего этого нет, стучат молотки, откуда-то сильно дует, плохо движется подвешенная часть декорации. С боков, из «карманов» сцены, вносят мебель, части чего-то, отдельно тащат дверь и точеную балюстраду. Наконец, все соединяется, многого еще нет, но ждать некогда, недостающее прибудет позднее.

И вот вступают в дело осветители. Они согласуют с художником сложную партитуру включений и выключений софитов. Помощник режиссера еле успевает записывать.

Свет все преображает. Вот сумерки, весеннее пение птиц, тебе тревожно, сердце щемит, и радость заливает тебя от праздничных потоков света...

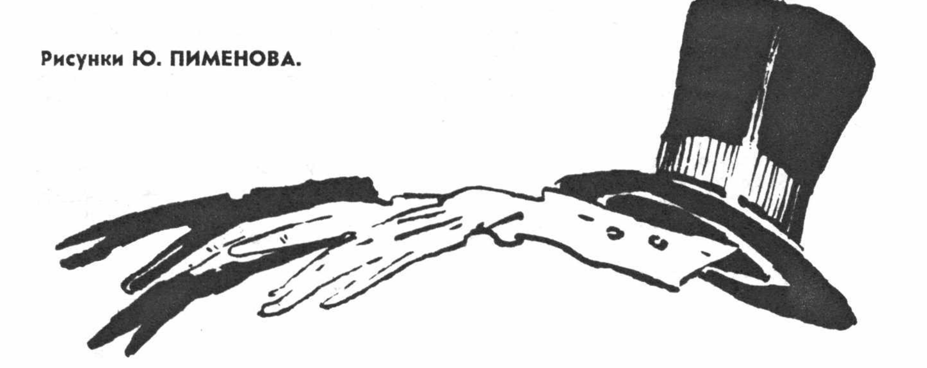
* * *

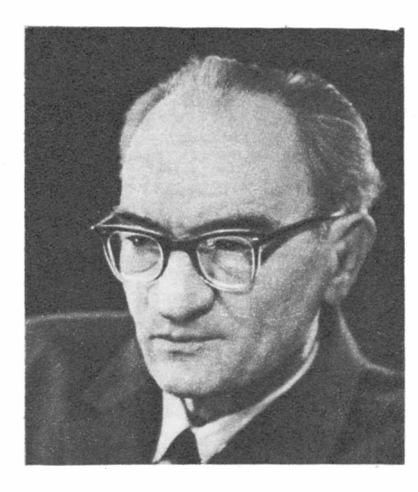
В течение многих лет работы в разных театрах накопились наблюдения невидимой зрителям внутренней жизни сложного творческого организма.

Запомнились разнообразные случаи, забавные и смешные, трогательные и грустные, стала очевидной крайняя ранимость актеров.

Но за всей пестротой этой особой жизни неизменно вставал огромный, тонкий и проникновенный труд Театра, вызывающий чувство уважения и благодарности.

Рисунки Ю. ПИМЕНОВА.





ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

«Первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная,— является чувство п у т и»,— говорил когда-то А. Блок.

В творчестве Гавриила Николаевича Троепольского, чье семидесятилетие счастливо совпало с присуждением Государственной премии СССР за повесть «Белый Бим Черное ухо», это чувство пути, движения гуманистической мысли особенно ощутимо. У него нет созерцательности, хотя он часто пишет о природе, его проза неизменно социально активна.

Деревенский проселок... Пастух Хрисан Андреевич ведет на поводке домой занятную собачку... Как ненавязчиво и вместе с тем весомо выступают на первый план подробности, важные для истинного патриота, заступника родных полей:

«Потом потянулись озимые, ковром укрывшие землю, мягкие и веселые. Стало Биму тут немного легче: простор, неимоверно много неба, веселое посвистывание человека рядом — это всегда было хорошо при Иване Иваныче. Но когда дорога пошла по зяби — опять веселого мало: земля черновато-серая с крапинками мела, а комков на ней никаких; казалась она мертвой, местами полумертвой — распыленная, изношенная земля.

Человек сошел с дороги, потоптал каблуком зябь и вздохнул.

— Плохо, брат,— сказал он Биму.— Еще одна-две черных бури, и конец землице...»

Г. Н. Троепольский родился в воронежском селе Новоспасовка, долгие годы проработал агрономом здесь же, на этой, много потрудившейся на своем веку земле. И в рассказе «Митрич» (1955 г.), и в романе «Чернозем» (1958—1961 гг.), и в «Записках агронома», появившихся вслед за «Районными буднями» В. В. Овечкина, читатель встречает все ту же деловую, полную истинной заботы интонацию повествования. Судьбы бескрайней русской пашни, судьбы людей, преобразующих ее своим трудом,— основа проблематики его книг.

Герой рассказа «Митрич», упрямый старый крестьянин с неизменным словцом «сумлеваюсь», то и дело твердит: «Не постой за краюху — всего ломтя не станет». Сам писатель в очерке «О реках, почвах и прочем», в сатирических портретах разного рода пустомель — «Болтушков», «Прохоров — королей жестянщиков», гордящихся искусством жить по принципу: «Вперед не забегай, сзади не отставай и в середине не толпись!» — постоянно, с высоким чувством гражданской активности выступает не просто за бережливость, разумное хозяйствование на земле. Воронежская земля, это черноземное, опаляемое жгучими азиатскими суховеями междуречье Дона и Хопра, предстает в его произведениях чаще всего как край героической борьбы за урожай, за хлеб.

В последней повести, «Белый Бим Черное ухо», получившей широкий отклик, писатель не просто утверждает высокий гуманистический и социальный смысл усилий современного человека по защите лесов, рек, той здоровой среды обитания, которую он застал при рождении и которую должен оставить потомкам. Трогательно-простодушное жизнеописание судьбы сеттера Бима, побывавшего в различных семьях и вселившего во многие души начала светлого изумления перед природой, доносит глубоко выстраданную художником идею:

Земля, как мать, как солнца дар
бесценный,
она тебя и носит и живит...

Г. Н. Троепольский встретил свой юбилей в расцвете творческих сил. И удивительным образом, как оправдание плодотворности избранного много лет назад творческого принципа, как обещание новых успехов, звучат строки его раннего рассказа о подвижниках-агрономах: «Благо тому... кто и с седыми волосами умеет радоваться каждому восходу солнца, кто сам волнуется, когда волнуется буйная пшеница! Благо тому, кто каждый день живет под этим небом! Хорошо!»

В. ЧАЛМАЕВ

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ДВОЙНЫЕ

НЕ ХОТЯТ БЫТЬ «ДВОЙНЫМИ»

Несколько дней кряду не выходил у меня из головы антверпенский стоматолог, растерянный и встревоженный, особенно его полные страха и недоверия глаза, когда он, испытующе глядя на меня, умолял не упоминать в печати ни его имени, ни адреса.

Незадолго до моего отъезда из Бельгии стоматолог неожиданно разыскал меня. Неужели так и не поверил, подумалось мне. Неужели опасается, что я решусь назвать его в своих очерках?

— Я не сплю уже несколько ночей,— сказал он.— Мне стыдно за свою трусость. Но еще больше меня мучает другое: а вдруг вы уедете от нас с убеждением, что все бельгийские евреи боятся поднять свой голос против сионистских отвратительных проделок? Это было бы ужасно. К счастью, это не так. Таких, как Гориели, среди нас уже немало. Их много, но могло быть гораздо больше. И теми, кто вместе с Гориели, я горжусь. Может быть, скоро смогу гордиться и собой...

— О каком Гориели вы говорите?

— О профессоре Свободного Брюссельского университета.

— Я слышал о профессоре этого университета Марселе Либмане. О его непрерывной борьбе с сионистами мне даже пришлось напомнить вашему земляку — коммерсанту Марселю Брахфельду. Тот не очень-то доволен, что его «беспокойного» тезку так и не удалось припугнуть.

— Очень хорошо, что вы знаете о Либмане. Принципиальный человек, открыто высказывает свои антисионистские взгляды. Но вам надо знать и о профессоре Гориели. Сионисты в него стреляли. И еще несколько раз пытались физически расправиться с ним. К счастью, его сумели защитить люди из прогрессивной молодежной еврейской организации.

Да, Либман и Гориели последовательно поддерживают активную деятельность Союза молодых евреев-прогрессистов Бельгии, резко осуждающего агрессивную политику израильских буржуазных националистов. А бельгийские сионисты просто бесятся, видя, как не на словах, а на деле крепнет дружба прогрессивной еврейской молодежи с молодыми арабами, работающими и обучающимися в Бельгии. Об этом мне с помощью скудного набора русских и еврейских слов и обильного арсенала выразительных жестов рассказал молодой сириец Хайраддин, водитель такси в Брюсселе. Дважды мы с ним проскакивали мимо нужного мне здания библиотеки общественного центра высшего еврейского образования — до того захватила сирийского юношу эта тема.

Либман и Гориели далеко не одиноки в Бельгии. Немало наиболее активных их единомышленников можно было увидеть, например, на митинге протеста против «закона» израильских сионистов о пресловутом «двойном гражданстве». Митинг организовали прогрессивные организации студентов-евреев Свободного Брюссельского университета. Ораторы подчеркивали абсолютную противозаконность этого израильского акта, по которому живущий даже на другом континенте еврей получает официальное гражданство государства Израиль с того момента, как у себя на родине выражает желание туда переехать. В этом можно и должно усмотреть вмешательство во внутренние дела других государств. Впрочем, позвольте мне некоторые подробности того митинга привести в изложении «Пепль» — брюссельской социалистической газеты, большей частью осуждающей сионистские акции.

Юрист еврейской национальности (как видите, и «Пепль» не всегда считает нужным разглашать подлинные имена антисионистов) огласил там манифест, под которым стояло более ста подписей евреев—профессоров, аспирантов, социологов, юристов. Они категорически отвергают любые «претензии Израиля выступать в качестве защитника и рупора всех евреев мира». Лица, подписавшие манифест, не хотят оказывать Израилю никакой поддержки — ни политической, ни экономической. Не желают числиться в «двойных»!

Среди подписавших манифест был и Барбер, ученый-библиотекарь упомянутого общественного центра высшего еврейского образования. Но когда Хайраддин доставил-таки меня в библиотеку, Барбера среди ее работников уже не оказалось.

— Оставил библиотеку,— холодно объяснила мне девушка-библиотекарь и посмотрела на меня так, словно я посмел осведомиться по крайней мере об Адольфе Эйхмане.

— На другой день после митинга Барбера вышвырнули из библиотеки,— рассказали мне в Объединении прогрессивных евреев Бельгии, созданном и значительно расширившемся на базе «Соллидаритэ» — первой послевоенной антисионистской организации в Бельгии.— Убрать Барбера из библиотеки приказали руководители филиала «Джойнта», открывающего список тех, кто субсидирует библиотеку. Кстати, Барбер тогда не был членом нашего объединения. Возможно, скоро станет...

Лучшее свидетельство плодотворности работы Объединения прогрессивных евреев Бельгии — это растущая ненависть к нему сионистов. Вначале они пытались соблазнить прогрессистов своими денежными возможностями и «присоединить» их к себе. Маневр не удался. И теперь сионисты в злобе пишут на дверях Объединения оскорбительные слова.

Ну, могут ли в самом деле сионисты примириться с призывом Объединения не замыкаться в проблемах Израиля, не высасывать из пальца «еврейский вопрос», а жить тем, чем живет все человечество? К ужасу националистов, евреи-прогрессисты вовсе не считают, что чем жестче Израиль будет попирать палестинское население, тем больше будут уважать евреев во всем мире как нацию, способную повелевать. Наоборот, Объединение и его печатное издание «Флеш» последовательно выступают за создание палестинского государства.

Популярности Объединения способствует и его внимание к бельгийским трудящимся-евреям, особенно к их детям,— внимание не с филантропических высот, не унижающее достоинство человека, а поистине дружеское. Из поля зрения Объединения не выпадают и семьи людей, погибших на войне и в тяжкие дни гитлеровской оккупации. Вся деятельность Объединения пронизана подлинно интернациональным духом. Это приводит в ярость сионистов. И не случайно молодчики из «Гашомер гацаир» пытались насильственно сорвать участие членов Объединения в демонстрации солидарности с угнетенным фашистской хунтой народом Чили. Ведь гашомергацаировцы пропагандируют версию израильской прессы: кровавые события в Чили — это обычная «смена режима».

Как и подобает молодым, очень эмоционально и пылко выступают против еврейского буржуазного национализма организации прогрессивной еврейской молодежи. Авангардное место среди них занимает Союз молодых евреев-прогрессистов. Неспроста журнал «Регард» — орган так называемого культурного центра свободных от религии сионистов, маскирующегося под социалистическое объединение, систематически «обличает» молодых антисионистов. Недавно на страницах этого издания была высказана такая мысль: израильский комсомол все больше докучает тельавивскому руководству, а молодежь из Объединения прогрессистов все больше начинает мешать сионистам Бельгии.

Первое время сионисты пытались прямиком подкупить молодых прогрессистов. А затем перешли к кнуту: исключили их из молодежной еврейской федерации Бельгии, как изменников Сиону.

Сионизм липнет к реакции, контактирует с любой антикоммунистической организацией. Он отчетливо понимает свою роль отряда глобального империализма и не строит никаких иллюзий насчет танцев, каких ждут от него хозяева, заплатившие за музыку. И сионисты покорно танцуют под хозяйскую дудку.

В противовес этому антисионисты сближаются с прогрессивной общественностью Бенилюкса, с действительно демократическими организациями. И Объединение прогрессивных евреев вместе со своими молодежными организациями включилось в общебельгийский «Фронт — за независимость, против фашизма и неонацизма». Многие члены прогрессивных еврейских организаций входят в ряды Бельгийской коммунистической партии — и такие, за чьей спиной огненные годы движения Сопротивления, и молодежь, лишь вступающая в жизнь.

Только ли деятельностью прогрессивных еврейских организаций ограничивается антисионизм в Бенилюксе? Конечно, нет.

Я уже упоминал Союз бывших участников бельгийского Сопротивления еврейской национальности. Недаром против него так ополчилась реакционнейшая сионистская организация «Бнай Брит», запугивающая людей таинственной изощренностью порядков своего построения. Бывшим участникам Сопротивления свойственны давние интернациональные традиции, они идут еще от поры антифашистских боев в Испании. Союз бывших участников Сопротивления всеми силами разоблачает истинный смысл сионистской агитации за переезд евреев в Израиль. В одном из своих вы-

Начало см. «Огонек» №№ 39, 43, 46, 47, 48, 49.

ступлений президент Союза Зиффер, человек не только большого мужества, но и редкого обаяния, сказал:

— Зачем Израилю нужны новые переселенцы, если для них не находится ни жилья, ни работы в обжитых городах, если старожилы встречают их недоброжелательно? Они нужны для заселения районов, захваченных у арабов. Если нет мебели, квартира пуста. Вот и идет покупка «живой мебели» для квартир, которые вот-вот рухнут.

«НАДОЕЛИ!»

Мне приходилось слышать в Бельгии и Голландии от многих лиц еврейской национальности:

— Я не могу назвать себя антисионистом, я не борюсь с ним. Но я не сионист.

— Почему?

Ответы на такой вопрос содержат самые разнообразные мотивы и аргументы:

— Сионисты надоели бесконечными поборами под видом «пожертвований». Недавно они начали выкачивать из нас деньги при помощи разных лотерей. Все это пробивает большую брешь в бюджете людей, не имеющих акций и дивидендов. И с какой стати я, нидерландский гражданин, должен урывать у своих детей и давать деньги на вооружение Израиля?

— По языку, по культурным стремлениям, по ближайшему окружению, моим друзьям и близким, я давно ощущаю себя бельгийцем. Какой из меня еврейский националист? Мне дороже земля, на которой я живу, чем страна, которой я никогда не видел и, наверное, не увижу. Нет недели, чтобы я не получил какой-нибудь сионистской брошюры или листовки. Наскучило не только читать, а даже наскоро просматривать. И незачем: двойным гражданином я не стану, я не из тех, кто любит двойную игру.

— Не знаю ни иврита, ни идиш. Мы с женой окончили голландскую школу. Дочка тоже учится с голландскими детьми. А сионисты мутят воду и лезут из кожи вон, чтобы доказать мне, что я израильтянин. Надоело!

— Я мать двух сыновей. Можете представить, как я дорожу миром. А сионисты убеждают моих сыновей: вы обязаны укреплять армию Израиля. Сегодня — укреплять деньгами и митингами, а завтра они могут сказать: вступайте в армию Израиля. Лучше мне умереть, чем дождаться такого несчастья. Как же после этого я могу симпатизировать сионистам? Боже мой, как опротивела их пропаганда!

— Хочу спокойно жить. Надоедает сионистская нервозность. Если прислушаться к их призывам, то каждый божий день полон напряжения. А нет повода к напряжению, так они вам его тут же придумают. Ведь твердят они уже, что еврейской молодежи нужны боевые отряды обороны. От кого обороняться? Меир Кахане тоже кричал в Америке об обороне, о защите евреев, а чем кончил? Нападениями на иностранные представительства. Боже меня сохрани якшаться с такими защитниками!

— Двадцать четыре года я женат на голландке. Мои дети обращаются ко мне по-голландски. Чуждаются ли они еврейской культуры? Нет. Дочь очень любит еврейскую музыку, как и русскую и французскую. Жаль, что мало переводят на голландский знаменитых еврейских писателей. Но то, что переведено, например, томик Шолома Аша, мои дети с интересом прочитали. Видели спектакль Варшавского еврейского театра. Но попробуйте им сказать, что они должны ощущать себя гражданами Израиля, они посмотрят на вас, как на, извините, сумасшедшего. Нельзя же учиться и работать в одном государстве, а заботиться о другом. По-моему, это нечестно, неблагородно. И напрасно сионисты пристают к каждому еврею со своими требованиями — это уже, честное слово, начинает надоедать.

Читателей могут удивить перепевы глагола «надоедать» во всех приведенных высказываниях. Что поделаешь, из песни слова не выкинешь. Действительно, многим бельгийским и голландским евреям хуже горькой редьки надоели сионисты со своими беспрерывными поборами, требованиями, угрозами, игрой на нервах, трагическими заклинаниями, нагнетанием напряженности — словом, со всем, что мешает спокойной жизни.

Некоторые из этих высказываний я слышал в антракте на концерте советского скрипача Игоря Ойстраха в многозальном гаагском Дворце искусств. Не думайте, что в такой малоподходящей обстановке я вздумал интервьюировать слушателей об их отношении к сионизму. Разговоры на эту тему стихийно возникли совершенно по иному поводу.

Очарованные мастерством Игоря Ойстраха, некоторые слушатели с волнением вспомнили концерт его отца, выдающегося скрипача Давида Федоровича Ойстраха, в этом же зале осенью 1974 года. Тот запомнившийся слушателям концерт стал последним в творческой биографии замечательного музыканта. А сионисты, как потом выяснилось, задумали сорвать выступление Давида Ойстраха в знак протеста против его... антисемитского поступка. Их обидело интервью Давида Федоровича американским журналистам с резким осуждением преступного нападения сионистских выучеников на бюро старейшего американского импресарио Сола Юрока, устроителя многих выступлений выдающихся советских исполнителей и музыкальных коллективов в США. Зажигательная бомба, брошенная израильским военнослужащим Джерри Зелером, не только вызвала пожар и разрушения, но и смертельно ранила сотрудницу бюро Ирис Кунс. Но разве, считают сионисты, имел право Давид Ойстрах возмутиться убийством ни в чем не повинной девушки?

Молодчики из амстердамского «Гашомер гацаир», чтобы проучить «антисемита», разработали детальный план срыва концерта в Гааге. Но в последние минуты они с огорчением узнали, что среди слушателей будут видные голландские государственные деятели со своими семьями, с нетерпением ожидавшие несколько раз откладывавшееся выступление знаменитого скрипача. И молодые гашомергацаировцы вынуждены были отказаться от задуманной ими провокации.

Грустные воспоминания об этом недостойном замысле и привели к тому, что в фойе гаагского Дворца искусств некоторые слушатели стали объяснять, почему они не сионисты и как им до смерти надоел сионизм.

Не сионисты. Они зачастую становятся антисионистами. Об этом можно судить хотя бы по изданной в Бельгии на французском языке книге «Евреи и государство Израиль», написанной большой группой авторов. Сионисты Бенилюкса с особенной яростью клеймили эту книгу — ведь издание было приурочено к 25-летию государства Израиль. Нетрудно догадаться, что все участники авторского коллектива — люди разных профессий и возрастов — были причислены к антисемитам.

Я бы погрешил против истины, сказав об упадке в странах Бенилюкса сионистского движения, чьи приметы весьма характерны для сегодняшней Западной Европы. Под нажимом заокеанских режиссеров не утихает там шовинистическая свистопляска еврейского буржуазного национализма. Слишком много сильных мира капитала ощущают жгучую потребность в разгуле сионизма, слишком много у них крупных и мелких пособников, шкурно заинтересованных в пропаганде сионистской идеологии. Отсюда и лихорадочная организационная деятельность, отсюда и мимикрия под социализм, отсюда и появление сионистских группировок всех, как пишет израильская печать, возможных оттенков.

Обо всем этом я и стараюсь рассказать читателю.

Но мне довелось увидеть в странах Бенилюкса и подлинную — далеко, конечно, не всю — борьбу с сионизмом. Борьбу самих евреев. Согласитесь, в буржуазных странах не очень легкое это дело.

Не претендуя на обобщения и далеко идущие выводы, обязан сказать: очень много евреев там сознательно и активно противодействуют сионизму, а еще больше не принимают его теории и отметают его практику. Они начинают сознавать, что в государстве Израиль, гражданами-совместителями которого их хотят сделать, есть не только опьяненные милитаристским угаром сионисты, но есть и трезвые, честные общественные деятели, есть и убежденные противники захватнической политики, есть забастовочное движение, есть верная интернациональному долгу коммунистическая партия, есть боевой и видящий ясные цели комсомол.

Острее всех чувствует это встревоженный сионизм. И пыжится, и тщится на новые антикоммунистические деяния, и рожает новые лиги, регионы и фонды, и ожесточенней злобится на всех, кому не по нутру его реакционная сущность, кто от всего сердца готов повторить гневные слова замечательного писателя-демократа Ицхок Лейбуша Переца:

«Мы не хотим выпускать из рук общечеловеческое знамя и не хотим сеять ни шовинистическую дикую полынь, ни фанатический терновник тунеядской философии. Мы хотим, чтобы еврей чувствовал себя человеком, чтобы он участвовал во всем человеческом, имел человеческие стремления...»

— Если мне удастся написать книгу о сионизме,— признался я в Брюсселе подлинному интернационалисту Зифферу,— то поставлю эпиграфом эти правдивые, бьющие по сионистской идеологии слова Переца.

Совсем не намереваясь острить, Зиффер сказал:

— Сионистская пресса скажет, что эпиграф к вашей книге принадлежит завзятому антисемиту.

Сейчас эти слова напомнили мне, что я забыл объяснить читателю, зачем же все-таки меня разыскал запуганный сионистами стоматолог из Антверпена.

— Я посоветовался со своим самым верным, самым закадычным другом,— рассказал он.— Спросил, как он отнесется ко мне, если я опубликую правду о моем отце и люди узнают, что сионисты сделали его, освобожденного гитлеровского узника, дважды перемещенным, испортили ему несколько лет жизни. И друг ответил мне: «Лучше подумай, как отнесутся к тебе бнайбритовцы. Объявят тебя антисемитом, и придется тебе, мой друг, несладко. Подумай о семье...» — Стоматолог помолчал несколько секунд, а затем, взвешивая каждое слово, сказал мне: — Оставьте мне ваш адрес в Советском Союзе. Может быть, я еще вам напишу, что перестал бояться сионистов, и вы можете назвать мое настоящее имя.

КРУЖКУ ПО КРУГУ — ДЕНЕЖНУЮ

— Он сионист из самых правых, это верно, но никогда не был веспасианцем.

Веспасианцем. Читателей, вероятно, тоже удивил этот термин. Придется прибегнуть к небольшому историческому экскурсу.

Во времена римского императора Веспасиана ввели налог на уборные. Малейшие попытки критики в адрес этого мероприятия были предотвращены выразительно и лаконично: «Деньги не пахнут».

А ныне, много веков спустя, в еврейских кругах Запада веспасианцами со злой насмешкой именуют сионистов, берущих для своих организаций деньги у кого угодно, даже у своих врагов, если те считают это для себя выгодным.

В Чикаго, скажем, веспасианцами прозвали сионистов, принимавших пожертвования от неофашистского общества Джона Берча. Берчисты, как известно, в своей программе декларируют ненависть к неграм, пуэрториканцам и евреям. Но если сионисты выступают против коммунизма, то берчисты охотно закрывают глаза на их еврейскую национальность. И подбрасывают им доллары. И довольно объемистыми пачками. А веспасианцы не менее охотно берут: деньги-то, оказывается, не пахнут. Есть веспасианцы и среди сионистов Бенилюкса.

Чудовищно! Однако ни сионисты, ни неофашисты так не считают. Дело прежде всего. Ведь с изречением о непахнущих деньгах достойно соседствует иезуитское: «Цель оправдывает средства».

Классический пример непахнущих денег — это 1 800 тысяч лир, пожертвованных израильскому обществу «Хадасса» королем правой прессы Акселем Шпрингером, владельцем концерна самых реакционных западногерманских издательств. Израильская «Трибуна» — своего рода газетка в газете — сообщила об этом под кричащим заголовком: «Ак-

сель Шпрингер преподнес «Хадассе» 1,8 миллиона лир». Шпрингер немедленно, не отходя от кассы, получил наглядное доказательство горячей сионистской благодарности. Только лишь он вручил президенту «Хадассы» госпоже Розе Мацкин чек, как директор тель-авивского издательства преподнес этому «филантропу» первый экземпляр изданной на иврите его книги «Русская опасность, увиденная из Берлина». Как говорится, баш на баш! Не удивительно, ведь израильские друзья Акселя Шпрингера видят из Тель-Авива ту же самую «русскую опасность», которую тот увидел из Западного Берлина.

Еще один эпизод подобного жанра. Когда в Греции при режиме черных полковников на стенах афинской синагоги хулиганы еженощно малевали фашистские свастики, местные сионисты и не подумали отказаться от субсидий из фондов неофашистов.

Пожертвования, пожертвования...

Недаром многие сионистские заправилы чуть ли не хвалебные оды слагают в их честь. Если говорить о бюджете международного сионизма, то пожертвования составляют его львиную долю. Правда, вернее было бы назвать иные пожертвования плановыми ассигнованиями, субсидиями, взносами. Но, согласитесь, «пожертвование» звучит гуманистичней, безобидней, трогательней. Очень по нутру сионистам и солидное слово «вспомоществование».

Сразу надо уточнить: значительнейшая часть пожертвований и вспомоществований, особенно заокеанских, идет не в сионистскую кассу, а прямо государству Израиль. Чтобы покончить с этим вопросом, приведем несколько фактов, взятых исключительно из сообщений самой израильской печати.

1972/73 год был годом «рекорда рекордов» по пожертвованиям американских богачей еврейской национальности в пользу Израиля. Сумма каждого последующего чека превышала сумму предыдущего: богачи побивали рекорды.

После осенней ближневосточной войны 1973 года торжественный обед в Нью-Йорке в честь президента сионистского «Магбита» Пауля Цуккермана завершился сбором пожертвований на укрепление военной мощи Израиля. Подписной лист пестрел головокружительными цифрами — участники обеда лезли из кожи вон, только бы перещеголять один другого. Итог составил 1 800 тысяч долларов.

Пожертвования бельгийских и голландских сионистов тоже в основном предназначаются Израилю. Когда же заходит речь о помощи «своим», самый богатый сионист, подобно скупому рыцарю, кряхтит и жмется, жмется и кряхтит.

В очень смешном и популярном рассказе Шолом-Алейхема «За советом», талантливо переведенном на русский язык Михаилом Зощенко, повествуется о еврейском богаче, щедром на крупные пожертвования. Но только на сторону. «Что касается нашего города, то своим землякам он почти ничего не дает. Он не дурак,— отзывается о богаче его зять.— Он хорошо знает, что в своем городе его и без того уважают. Зачем же ему и тут еще давать и неизвестно перед кем выхваляться? Вот по этой причине он дает своим только фигу с маслом».

Современные сионистские филантропы тоже, видимо, считают, что у себя в городе их и без пожертвований уважают. По крайней мере в Бельгии они своим неимущим землякам тоже дают большей частью «фигу с маслом». Особенно если речь заходит о помощи людям, потерявшим работу. Финансовые тузы сионизма предпочитают благотворительность в международном масштабе. На развитие, скажем, «Общества друзей Гистадрута» они охотно выписывают чеки. И в то же время высмеивают заботы антисионистского объединения прогрессивных евреев Бельгии о летнем отдыхе детей безработных.

В таком же направлении растет и филантропия еврейских националистов в Голландии. Это они затеяли всеевропейскую акцию «Сто дней в пользу Израиля». Сто дней подряд вытягивали из еврейского населения Голландии хотя бы по центу. Израильским «ястребам» перепала от них порядочная сумма гульденов. Не пожалели денежек голландские сионисты и на издание красочных листовок для всучивания морякам социалистических стран с кораблей, пришвартовывающихся в Роттердамском порту. Но решительно отказались помочь неимущим еврейским ремесленникам в Амстердаме, вынужденным из-за безденежья оставить насиженные жилища и переехать в «вельботы» — превращенные в дома старые баржи на каналах.

И в Бельгии и в Голландии мне так много рассказывали о беспрерывных сионистских поборах «на скаутов», что я припомнил жалобы на такие же «добровольные» пожертвования, услышанные несколько лет тому назад в Америке.

На берегу озера Мичиган я увидел предпасхальный парадный марш чикагских дружин еврейских скаутов. Совсем не запомнил, прямо говорю, ритуал и детали парада — настолько тогда поразили меня лозунги на тщательно оформленных транспарантах. Махрово антиарабские, они изобиловали словами «смерть», «расплата», «кровь» и восклицательными знаками по обе стороны слов.

А на следующий день владелец небольшого галстучного магазина неподалеку от Чикагского института востоковедения грустно сказал мне:

— Я сегодня продаю только четвертый галстук. Но если продам даже сорок четыре, все равно не окуплю мои расходы на вчерашний скаутский парад.

— Дороговато, видать, обходятся вам,— заметил я,— ваши сионистские убеждения.

— Убеждения?! — Торговец взглянул на меня так, словно я нанес ему оскорбление.— Чтоб мои дочки были так здоровы, как я далек от сионизма. Хотя меня нарекли, как и самого Герцля, Теодором, я не состоял, не состою и не буду состоять ни в одной сионистской организации. Но если чикагские сионисты вежливо-вежливо говорят вам, что с вас по самой справедливой раскладке полагается столько и столько-то на скаутский парад, и по-хорошему советуют не скупиться, то попробуйте не уплатить. Я боялся попробовать. Не понимаете почему?

Убедившись, что юный приказчик его не слышит, торговец выразительно пояснил:

— Если мне придется закрыть этот магазин, мои дочки будут голодать. Я умею только продавать галстуки, другой профессии у меня нет. А если бы и была, то...— Оборвав фразу, мой собеседник многозначительно вздохнул: — Чикагские скауты, дорогой мой покупатель, находятся под опекой «Национального еврейского совета скаутов»! — Заметив, что это название не произвело на меня должного впечатления, галстучник почтительно добавил: — Президент совета, представьте, из Лазаров. Тех самых...

«Тех самых» означало семейство миллиардеров Лазаров, одно из богатейших в США, владеющее также многими фирмами и банками в Англии и Франции и пользующееся неограниченным влиянием среди финансовых тузов международного сионизма. Отпрыск почтенной династии Джефри Лазар на посту главного попечителя еврейских скаутов сумел туго набить банкнотами кассу «Национального совета». И для него не составляет никакой трудности финансировать периодическое проведение международных слетов с обязательным участием израильских скаутов. Такие слеты сейчас проводятся не только в США, но и в Израиле.

Кстати, тамошняя сионистская пресса призывает своих скаутов поднабраться ума-разума у американских собратьев. В Роттердаме мне показали тель-авивскую газету, где черным по белому было напечатано: «Если надо, они (сионистские скауты в США.— **Ц. С.**) и плакаты ночью расклеят, где только захотят, и напишут нужные слова на стенах посольств, и бросят куда надо слезоточивую бомбу».

Не уверен, готовы ли уже к подобным операциям сионистские скауты Бельгии и Нидерландов. Но, видимо, сионистские заправилы верят, что их юные воспитанники не отстанут от американских стандартов, если пожертвования в скаутский фонд собираются беспрерывно, а попечительствует над ним сам Сидней ван ден-Берг — конечно, не Джефри Лазар, но достаточно влиятельный в Бенилюксе финансовый туз.

футбольное обозрение

Лев ФИЛАТОВ

Мне приходилось встречать немало людей, которые выражали удивление преображением киевского «Динамо» и так прямо и называли его «чудом». В их сознании не умещалось, как могла команда, пусть крепкая, солидная, в один прекрасный день обернуться, как в сказке, командой высокого класса, играющей победоносно и красиво на протяжении долгого сезона и настолько убедительно, что благодаря ей вновь взмыла вверх международная репутация нашего футбола. А чуда нет. Есть итог, с одной стороны, пятнадцатилетнего пребывания этой команды «у власти» в наших чемпионатах, когда она обрела волевой характер, усвоила свое предназначение быть первой, и, с другой стороны, работы на протяжении двух последних сезонов тренеров В. Лобановского и О. Базилевича, сумевших создать, точнее, замыслить, рассчитать, внедрить по всем правилам хорошей инженерии обоснованную, аргументированную, едва ли не беспроигрышную игру, в которой все тонко и просто. Игроки основного состава и прежде были в команде (кроме переведенного из «Шахтера» Конькова), но никогда мы не видели их до этого года такими уверенными в себе, свободно владеющими мячом, непринужденно варьирующими темп матча, что и придало им лоск высокого класса. Все это им дали тренировки, построенные на научных принципах, и неукоснительное следование во всех деталях своему тактическому замыслу.

Вспомним другое. Когда стало известно, что ЦСКА возглавит легендарный хоккейный тренер А. Тарасов, только и звучали вопросы: «Чудо будет? Ведь этот человек, что ни говорите, все может, он никаких мест, кроме первого, не признает...» Сужу по ложе прессы: на весенних матчах с участием ЦСКА в ней появлялись журналисты, обычно не жалующие футбол — они боялись пропустить сенсацию. Потом их и след простыл.

Между тем дела армейского клуба шли, как и должны были идти, если оценивать его возможности реалистически. Команда эта не один год страдает от текучести со-

става, который выглядит подобранным с бору по сосенке, в нем недостаточно людей, которым, если судить по их самоотдаче в игре, дороже всего на свете честь клуба. Ничего не дали и не могли дать команде временные гастроли известных мастеров из других клубов (Звагинцев, Янец, Папаев, Хисамутдинов, Смирнов, Козловских и др.), скорее, они тормозили формирование постоянного состава. ЦСКА перед этим сезоном занимал в чемпионате при разных тренерах 10-е и 13-е места, ничего не изменилось и при новом тренере. Да и не могло измениться в течение одного года, коль скоро по-прежнему состав игроков был пестрым, тактическая линия не вырисовывалась и на волевые дружные усилия команды не хватало. Обязаны мы учесть и то, что футбол в последние годы далеко шагнул вперед, и тренеру, пришедшему на газон со льда, мгновенно уловить суть перемен было невозможно, несмотря на все его педагогическое мастерство.

Ожидание чуда украшает верного болельщика. Когда же понятие «чудо» фигурирует в качестве составной части футбольного дела, то мы вправе зафиксировать в этом случае косность и примитив.

В одной из своих книг Тарасов провозгласил: «Тренер может все!» Кстати, заявил он это в ответ на мой вопрос: «Что может и чего не может тренер?» Нет, я вовсе не намерен ловить его на слове, воспользовавшись неудачным годом ЦСКА. Тарасов делал свое гордое заявление с позиции силы, руководя хоккейным клубом, который на протяжении многих сезонов верховодил в наших чемпионатах и в сборной был представлен почти так же, как сейчас в футбольной сборной киевское «Динамо». И Тарасова можно было понять, можно было порадоваться, что он так высоко ставит свою профессию.

Но практика показывает, что нам нет никакого смысла производить тренера в идола, делать его всемогущим существом. Сколько уже разочарований было на этой почве, а предрассудок живет! Тренер квалифицированный, с характером в самом деле может сделать много. Очень много. Сейчас выяснилось, что нам позарез нужны такие специалисты, их дефицит форменным образом держит наш футбол за рубашку. Но если даже этот человек найден, все равно нельзя считать проблему исчерпанной. Команда для своего совершенствования должна иметь целый ряд условий, которые один тренер создать не в силах, он лишь обязан их наилучшим образом использовать.

Давным-давно замечательный тренер Б. Аркадьев ушел из «Металлурга», который он вывел в призеры, по той причине, что из этой команды забирали в другие клубы лучших игроков, и перспектив он не видел. Работая после этого в сильных клубах, где никого в обиду не давали, Б. Аркадьев во всем размахе проявил свое тренерское дарование.

Это старый, классический пример. Аналогичных достаточно и в наши дни. Г. Зонин, работая в ворошиловградской «Заре», где он располагал удачно подобранными игроками, сумел показать себя неплохим футбольным режиссером, создал интересный рисунок игры. Три года он трудится в ленинградском «Зените», но команда главным образом обеспокоена тем, чтобы уцелеть в высшей лиге. Знаний у Зонина не убыло, но условия другие, ставить спектакль он бы рад, да не с кем, никак не соберутся нужные «одиннадцать». Городские команды Ленинграда пока никого выдвинуть не способны, а по окрестностям «Зенит» шарит, будучи в аварийном состоянии, и потому без должной взыскательности.

Вряд ли кто-нибудь предполагает, что, если бы тренеры киевского «Динамо» пришли, скажем, в «Зенит», он спустя год уже стал бы чемпионом страны и разжился Суперкубком. Да и самим этим тренерам подобные сказочные репутации ни к чему. Будучи людьми здравомыслящими, практической складки, они с самого начала обусловили рождение команды высокого класса и ее победы целым рядом разнообразных обстоятельств. Они не совершили чуда, они сделали больше — дали понять, какой труд, какое организационное обеспечение, какие интеллектуальные затраты лежат в наши дни в основании большого футбольного успеха.

Иллюзией становится и вера в то, что занятое в чемпионате место наивернейшим образом и надолго аттестует команду. Прошлогодние призеры «Спартак» и «Черноморец» в этом году пережили страх перед лицом вполне ощутимой перспективы оказаться за бортом высшей лиги. «Спартак» спасся благодаря импульсивному рывку, подсказанному инстинктом самосохранения, обнаружив, кстати, что он способен играть сносно, а «Черноморец» маялся в неизвестности до самого конца. А ведь всего год назад справляли торжества по поводу занятия призовых мест, гремели в прессе очерковые оды... Никто тогда не решился намекнуть (прежде всего это обязаны были сделать на правах наиболее компетентных лиц руководители команд), что в успехах этих есть весомая доля удачно сложившихся обстоятельств, что команды далеки от того, чтобы считаться второй и третьей в стране. Иллюзия сделала свое коварное дело: ни «Спартак», ни «Черноморец» не предприняли серьезных шагов для того, чтобы освоить занятые позиции. «Спартак» ныне не был объединен игровой идеей, играл то спустя рукава, то есть духу, ему явно недоставало футболистов, умеющих и любящих забивать голы. «Черноморца», пожалуй, не упрекнешь в отсутствии старания, но его возможности были сведены почти на нет отсутствием форвардов, во многих матчах было трудно представить, как он вообще способен забить гол. Именно это подвело «Черноморца» в его дебюте в Кубке УЕФА, когда в самом своем ответственном в сезоне матче с итальянским «Лацио» одесситы, имея дома подавляющее преимущество, сумели забить всего один гол.

По заведенному обычаю мы ежегодно выделяем группу команд, которые лучше остальных проявили себя. Они рассматриваются как своеобразный «задел» на будущее. Нынче это «Шахтер», московское «Динамо», «Арарат» и «Торпедо». Мне думается, что эти команды окажутся прочнее и долговечнее, чем прошлогодние призеры.

За некоторыми нашими командами ходит слава «команд настроения». Звучит вроде бы недурно, даже лестно: артистический характер! Смысл тут в том, что команда эта при случае, когда она в настроении, способна гору своротить, переиграть хоть чемпионов мира, а может и раздавать очки налево и направо беднякам-аутсайдерам.

Игра по настроению в наше время выдает неважную тренированность, тактическую расхлябанность и слабые места в составе, которые удается замаскировать иногда в удачных матчах, когда команда оказывается во власти из ряда вон выходящего воодушевления. Когда-то так называемая неровная, со срывами и озарениями, игра команды могла нам даже импонировать, а сейчас ее раскусили, и уже нет ей извинения: скрывается за ней плохая работа.

Иллюзией приходится считать и утверждение о том, что футбол наш могуч и выдюжит перед лицом любых невзгод, устоит при любых неправедных наскоках. Утверждение это исходит обычно от людей, знающих футбол вдоль и поперек, отдавших ему, как говорится, весь пыл души. В принципе я разделяю этот взгляд, потому что каких только пертурбаций футбол не терпел, реформировали его и так и этак, а он, если повторить строку Маяковского, существует — и ни в зуб ногой. И все-таки если бы, предположим, вдруг возникла идея создать общественную организацию «по охране футбола», то я не посчитал бы это блажью и немедленно в нее вступил.

Много, но, видимо, недостаточно убедительно говорится о прискорбном разделении футбола на «домашний» и «гостевой». Полностью признаны и отражены все триумфы и заслуги киевского «Динамо» в этом году. Однако если представить, что живет такой москвич-болельщик, который не пользуется телевизором, а только ходит на стадион, то он мог бы и усомниться в правоте всех высоких слов. Он видел киевское «Динамо» в пяти матчах с разными клубами столицы и ни в одном не получил яркого впечатления от игры лидера. Каждый раз динамовцы, чувствуя себя гостями, ничего не имели против ничьей, охотно на нее соглашались, играя с «Локомотивом», «Торпедо», ЦСКА, не настаивали на победе и во встрече со «Спартаком». Должен признаться, что как журналист я запасся необходимыми впечатлениями об игре киевского «Динамо», несколько раз съездив в командировку в Киев, а глядя на него в Москве, добавить к своему запасу ничего не смог.

Но это киевское «Динамо», которому высокий класс позволяет проявлять себя в эпизодах, в манере держаться, в искусном владении мячом. Большинство же других команд откровенно «отмахивается», «отсиживается», «отпихивается» и т. д. А стоит этим же командам месяц спустя переехать на другой стадион, как они, словно по сценарию, меняются ролями. И это входит в привычку, уже есть люди, считающие, что так и полагается, что выигрывать надо дома, а на чужой каравай неприлично рот разевать.

Такое негласное установление делает футбол в глазах части болельщиков однообразным, если не скучным зрелищем.

Предвижу, что некоторые футбольные практики иронически улыбнутся при слове «зрелище». Многие из них, увлеченные своими специальными занятиями, вообще не слишком интересуются зрителем. А зритель ведь вовсе не безмолвствует, он голосует либо своим присутствием на стадионе, либо своим отсутствием. Пожалуй, и меня могут упрекнуть, что я тоже строю иллюзии, пытаясь настоять на внимании к футболу как зрелищу, тогда как все кругом заняты ходом турнира, очками, борьбой. Но, скажите, разве это не иллюзия, что футбол способен существовать, не сверяясь с интересами и запросами зрителей?

Будучи игрой, вечно томящей нас неизвестностью, своими крутыми поворотами кого-то радующей, а кого-то в то же самое время огорчающей игрой, может быть, даже не столько в мяч, сколько игрой наших чувств, футбол не просто оскудеет, а того и гляди выродится, если все в нем можно будет расписать заранее, как по нотам.

Спору нет, футбольный мир существует таким, какой он есть. Но в глазах миллионов людей, принимающих близко к сердцу все, что происходит в этом мире, он волей их воображения разукрашивается и лишними красотами, и тайнами, и непознаваемостью, которая как раз и гарантирует течение человеческих рек в сторону глубокой чаши стадионов. В минуты игры, конечно же, нам не до теоретиков, которые взялись бы на свой лад объяснять происходящее, пусть и сверхубедительно. Мы их тут же приструним: «Потом, потом свое докажете...» Нет уж, пусть это и расходится со здравыми доводами, но здесь, на стадионе, мы тешим душу терпкой надеждой, что и в последние минуты счет 0 : 2 может измениться на 2 : 2. Разве не бывало?! Так что теперь, надеюсь, читатель не подумает, что все футбольные чудеса берутся под сомнение, ибо это выглядело бы как посягательство на футбол как таковой.

Мне кажется, что наше реорганизованное, обновленное, деловое Управление футбола должно было бы первым пунктом своей программы считать заботу о том, чтобы число зрителей на наших стадионах не убывало (за 5 лет на 3,5 тысячи в среднем на один матч высшей лиги), а росло, что зависит, разумеется, в первую голову от интриги чемпионата, которую создать может лишь наличие нескольких равноценных сильных команд. Нынешняя ситуация, когда в разгаре сезона остальных отделяла от лидера, киевского «Динамо», пропасть примерно в десять турнирных очков, никаких бодрых иллюзий зрителям не оставляла.

Игра и зрелище. Может быть, сегодня это еще не животрепещущая проблема. Но она не за горами и непременно заявит о себе просто потому, что люди имеют вполне определенное и стойкое представление о необходимых им красотах и достоинствах футбола. Футболу же нельзя и опасно не соответствовать этим представлениям.

З ЧУДЕС

ВСЕ ВМЕСТЕ

Снимок на обложке «Огонька» в определенном смысле символичен. Вот они все вместе, тесной группой,— футболисты киевского «Динамо» и тренеры. И этим словом «вместе» можно охарактеризовать обстановку в команде, ставшей лидером советского футбола.

Что же объединяет всех этих людей? Прежде всего взгляды на современный футбол, которые принесли с собой в команду тренеры В. Лобановский и О. Базилевич. Теперь динамовцы с некоторым удивлением оглядываются назад: какой трудный сезон позади и как успешно он пройден, этот сезон, увенчанный весомыми призами. События опровергли тех, кто скептически пожимал плечами: «Планирование игры, управление спортивной формой... Можно ли алгеброй гармонию поверить?» Да, можно! Вслед за уверенной, показавшейся даже легкой победой киевлян в финале Кубка кубков пришел впечатляющий и, на мой взгляд, более зрелый, как и положено к осени, успех в розыгрыше приза повышенной цены — Суперкубка.

Здесь следует остановиться на примечательном факте. До матчей киевлян с мюнхенской «Баварией» на Суперкубок в числе главных претендентов, ведущих заочный спор за звание лучшего футболиста Европы, называли О. Блохина и Ф. Беккенбауэра. После матчей, за которыми следили во многих странах, мнение оказалось единым: очный раунд Блохин выиграл. Да, Блохин — лучший нападающий киевского «Динамо», советской сборной, всей футбольной Европы, но можно ли расценивать его успехи, не ставя рядом с ним В. Онищенко, В. Колотова, А. Конькова, В. Веремеева?

Да, не только Блохин, но вся сборная СССР сейчас претендует на высокое место в европейской табели о рангах. И львиная доля успехов принадлежит киевским динамовцам и их тренерам, возглавившим одновременно главную команду страны. Так после нескольких лет обидных неудач был восстановлен престиж советского футбола, а уверенность в своих силах передается и другим нашим клубам. Пример лидера много значит!

Итак, сезон принес киевским динамовцам высокие достижения. Но таков уж футбол, что всякий новый выход на поле требует от каждого игрока чуть большего, чем предыдущий. Тем более требует этого год грядущий. Для наших лучших футболистов это год Олимпийских игр, год финала европейского первенства, год решающих матчей за Кубок чемпионов. Но и этим напряженный международный календарь 1976-го не исчерпывается... Случилось так, что, когда из Гватемалы пришло сообщение о результатах жеребьевки отборочных групп мирового чемпионата, сборная СССР находилась на пути в Турцию. И едва советские журналисты, прибывшие на матч в Измир, вышли на связь с Москвой, как тут же по просьбе Лобановского и Базилевича они принялись выяснять, что принесла жеребьевка, с какими соперниками придется начинать советским футболистам спор за путевку в финальную стадию первенства мира...

Так уже сейчас лидеры советского футбола берут на прицел мировой чемпионат.

Л. ЛЕБЕДЕВ

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В Московском Доме журналиста состоялась традиционная встреча редакции с читателями «Огонька».

Главный редактор журнала А. В. Софронов рассказал о планах журнала на 1976 год.

Поэты Людмила Шаменкова и Владимир Цыбин познакомили слушателей с новыми стихами. Писатель Юлиан Семенов рассказал об истории написания романа «Третья карта», который печатается в настоящее время на страницах «Огонька».

Редактор еженедельника «Футбол — хоккей» Лев Филатов рассказал о сложной работе спортивных телекомментаторов.

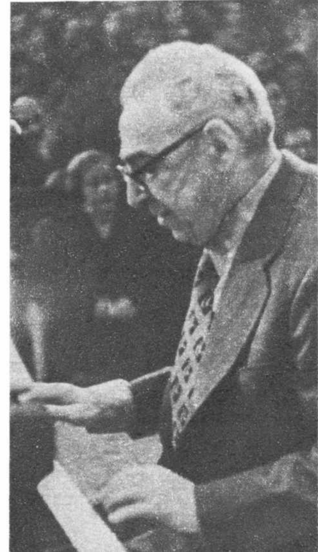
Горячо встретили собравшиеся выступление народного артиста СССР композитора М. Блантера, исполнившего песни разных лет.

Главный художник журнала И. Долгополов поделился впечатлениями о поездке в Италию и встречах с известными итальянскими художниками.

Редактор фотоотдела Дм. Бальтерманц продемонстрировал фотоснимки, сделанные во время путешествия в ДРВ и Южный Вьетнам.

Во встрече приняли участие зам. главного редактора С. Высоцкий, член редколлегии Л. Леров, редактор отдела поэзии Е. Антошкин, зав. отделом спорта В. Злочевский, зав. отделом писем Л. Мурашова, сотрудник журнала Ю. Чернявский.

Фото М. ЦЕБОЕВА



«ОСА» УЧИТСЯ

Б. СМИРНОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

— А мне можно с тобой под воду?

Миша Львов, командир «Осы», смущен и озадачен. С одной стороны, наше давнишнее знакомство плюс уважение к прессе, с другой — строгая инструкция.

— Понимаешь, нас целый год гоняли по специальной программе, прежде чем допустить к аппарату. Медицина, технические экзамены, плавание с аквалангом, лоция, навигация... Узлы учились вязать, флажками семафорить. Дело новое, кто его знает, что может случиться!

— Да, конечно, я понимаю...

— Ты не обижайся! Вот если как-нибудь позже, а сейчас для нас каждая минута погружения на вес золота. В экипаже три человека, а все равно рук и глаз не хватает: приборы, системы, показания... Одним словом, испытания. И аппарат учим плавать, и сами в нем учимся. Мы ведь не водолазы, не подводники, мы гидронавты, а чем эта профессия пахнет — никто, наверное, по-настоящему пока не представляет. Гидронавтов во всей стране единицы.

— Как же тебе удалось попасть в эту компанию?— задал я наконец давно вертевшийся на языке вопрос. Мы с Мишей учились в одной школе, потом я узнал, что он поступил в автодорожный институт. И вот неожиданная встреча...

— А ты не помнишь, что я в школу в тельняшке ходил?— смеется Львов.— У меня отец океанолог был. После института работал я инженером-испытателем на ЗИЛе, про постройку аппарата узнал случайно. Вот и проснулась мечта о море...

Холодный ноябрьский ветер с Балтики гонит мелкие волны, разбивая у берега тонкий ледяной припай. Испытатели расположились у Финского залива, под Выборгом. Мы идем по пирсу туда, где под защитой каменистой насыпи, распятая тросами, на воде лежит «Оса». Вот он какой, новый глубоководный аппарат! Невольно начинаешь подбирать сравнения: детский волчок, «летающая тарелка», модель планеты Сатурн... Львов объясняет: аппарат по виду близок к сплюснутому эллипсоиду.

— В основу аппарата положен шар, мы его еще «арбузом» называем,— продолжает Львов.— Шар окружает обтекаемый «пояс» из балластных цистерн, четырех движителей, аккумуляторных контейнеров... Хорошая получилась игрушка!— Львов смотрит на аппарат так, что ни секунды не сомневаешься: эта красно-белая «игрушка» для него сейчас важнее всего на свете.— Время у нас есть, давай, если хочешь, залезем внутрь...

Аппарат почти не покачнулся, когда мы перебрались с трапа на «арбуз». Львов откинул крышку люка, нырнул внутрь — примерно так же забираются в свою машину танкисты. Я тоже свесил ноги в люк, повис на руках, с непривычки больно стукнулся обо что-то коленкой и очутился в удобном, мягком кресле.

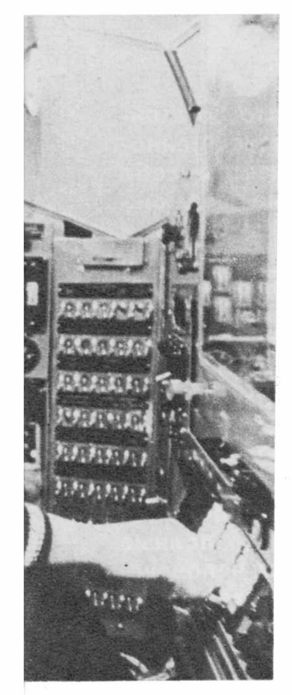
— Сейчас здесь прохладно, а когда люк закрыт — постоянная температура, очищенный воздух,— говорил командир, сидя в соседнем кресле.— Специфика... Знаешь, все журналисты, как заглянут сюда, начинают нас с космонавтами сравнивать...

В самом деле, похоже. Мы сидим внутри шара, буквально начиненного аппаратурой. Всюду ручки, рукоятки, кнопки, глазки сигнальных ламп — всех этих атрибутов современной техники хватило бы, кажется, для самолетной кабины. Только вот нет штурвала — ручки управления укреплены прямо на подлокотниках командирского кресла. За креслами — аварийные акваланги. А перед глазами командира — только экраны и стрелки приборов.

— Почему иллюминатор почти над головой? Как же ты под водой вперед смотришь?

— Мы решили полагаться на показания приборов. Там, за бортом, объективы телекамеры, передо мной — экран. Сейчас телесистема налаживается, а вообще мы ее уже испробовали — видно здорово. Есть еще гидролокатор — он позволяет наблюдать подводную обстановку не только впереди, но и вокруг всего аппарата. В надводном положении — перископ. Если вода прозрачная, можно через второй иллюминатор посмотреть...

Осторожно протиснувшись между креслами, устраиваюсь на лежаке наблюдателя. Пожалуй, са-



Гидронавты В. Нечепоренко и М. Львов.

ПЛАВАТЬ

мое удобное место в аппарате! Лежишь на мягких подушках, смотришь через иллюминатор. Скоро на аппарате будет установлен гидравлический манипулятор, и железная рука «Осы» сможет работать за бортом так же, как работала бы человеческая, только энергичнее.

— Пора выходить, «саушники» стучатся,— прервал мою экскурсию по кабине командир.— А, ты еще не привык к нашей терминологии! САУ — система автоматического управления, в конструкции аппарата эта система, можно сказать, основная изюминка...

С этой минуты начался мой технический «ликбез». Сначала об «Осе» рассказывал Миша Львов, потом конструкторы аппарата. Больше всего меня удивило то, что среди испытателей нового судна я не встретил ни одного профессионального моряка! Михаил Львов — автоконструктор, Владимир Нечепоренко был горным инженером, Олег Моргунов авиаинженер, Александр Дахно — судостроитель, Анатолий Киселев — гироскопист, Николай Краснов — энергетик, Валентин Сымон — специалист по электронной аппаратуре... Даже этот краткий перечень профессий убеждал в необычности «Осы». Вообще-то «Оса» — это аббревиатура слов «обитаемый стабилизированный аппарат». Его создали в Московском отделении института «Гипрорыбфлот».

— Аппарат исследовательский, и это во многом определяет его сущность,— объяснял Виктор Петрович Шматок, директор Московского отделения института и главный конструктор «Осы».— Что главное для подводных кораблей? Глубина и скорость. А исследовательскому аппарату скорость не обязательна, ему важно уметь стоять на месте, над одной точкой, чтобы исследователь мог спокойно наблюдать за тем, как, например, идет икрометание рыбы. Висеть над дном не так-то просто: под водой есть течения. Вот мы и создавали такой подводный аппарат, который с помощью автоматического управления мог бы стабилизироваться на заданной глубине, легко маневрировать, возвращаться точно в искомую точку. «Оса» отличается от других подводных аппаратов, как вертолет от самолета.

— И кто же будет «летать» на ней под водой?

— Ученые-ихтиологи, специалисты по тралам, промысловики. Мы выполняем заказ Министерства рыбного хозяйства СССР. Но такой аппарат необходим сейчас и морским геологам, и нефтяникам, и археологам.

— В нашей стране и за рубежом уже создано немало глубинных аппаратов...

— Да, «Оса» не будет пионером Мирового океана. Но и не станет конструктивным повторением других подводных судов. Отдельные системы и приборы взяты из авиации, многое в процессе работы изобрели мы сами. Например, крыльчатые движители — таких нет ни на одном подводном аппарате. Они позволяют... Впрочем, сейчас вы увидите их в работе!

Это был уже пятый за месяц выход аппарата в плавание, но для испытателей торжественность момента все еще сохранилась. Вот экипаж «Осы» — трое гидронавтов в синих костюмах с буквами СССР — спускается с трапа к люку. Щелкают затворы фотоаппаратов, зычно разносятся усиленные мегафоном команды. Но праздника в тот день не получилось. Когда главный конструктор по рации приказал «Включить движители!», аппарат продолжал спокойно и неподвижно лежать на воде. Гидронавты уныло вылезали из люка, и только Миша Львов был полон оптимизма. «Ничего, это мелочи! — говорил он мне, когда аппарат закатывали в стапельный корпус.— Мы сейчас обязательно во всем разберемся. Вот недавно тоже случилось — аппарат вдруг стал закручиваться на ходу. А у нас все по науке, приборы регистрируют каждый шаг «Осы». Автор системы управления Валерий Ярунин и Андрей Луковенко разобрались в осциллограмме и говорят: надо снимать левый двигатель, искать утечку. Я, сознаюсь, не поверил «саушникам», возражал. Такая морока, а у нас сроки горят! Но делать нечего, сняли. Представляешь, оказалось, один проводок перетерся... Так что опыт уже есть. Завтра, вот увидишь, все будет отлично!»

Свет на стапеле горел допоздна. Гидравлики, энергетики и монтажники облепили аппарат, как муравьи,— снимали аккумуляторы, копались в аппаратуре, что-то меняли, перепаивали. Уже за полночь Миша постучал в дверь нашей комнаты.

— Не спишь? Вот погляди, в чем причина.— И он разжал кулак. Белый цилиндрик величиной с треть спички лежал в складке замасленной ладони. — Перегорел предохранитель. Это Вадим Черданцев нашел, молодец! Завтра, как намечено, спуск. Спешим... Скоро должны состояться госиспытания. А в следующем году по программе у «Осы» уже практические работы. Запланировано погружение на максимальную глубину — шестьсот метров. Сейчас проектируется следующая «Оса», которая пойдет еще глубже. Так что испытания необходимо закончить до холодов...

Утром «Оса» снова была на воде. Мы плыли на катере рядом и, затаив дыхание, следили, как аппарат по команде движется то правым, то левым бортом, разворачивается на месте, под заданным углом накреняется — в общем, выделывает в воде разные «коленца», демонстрируя возможности движителей. Потом «Оса» медленно погружается — так, что над водой остается лишь кончик антенны — и повторяет все маневры на четырехметровой глубине. Главный конструктор вслушивается в радиодоклады, идущие с борта аппарата. Наконец, принимает решение.

— Пусть идут на дно!

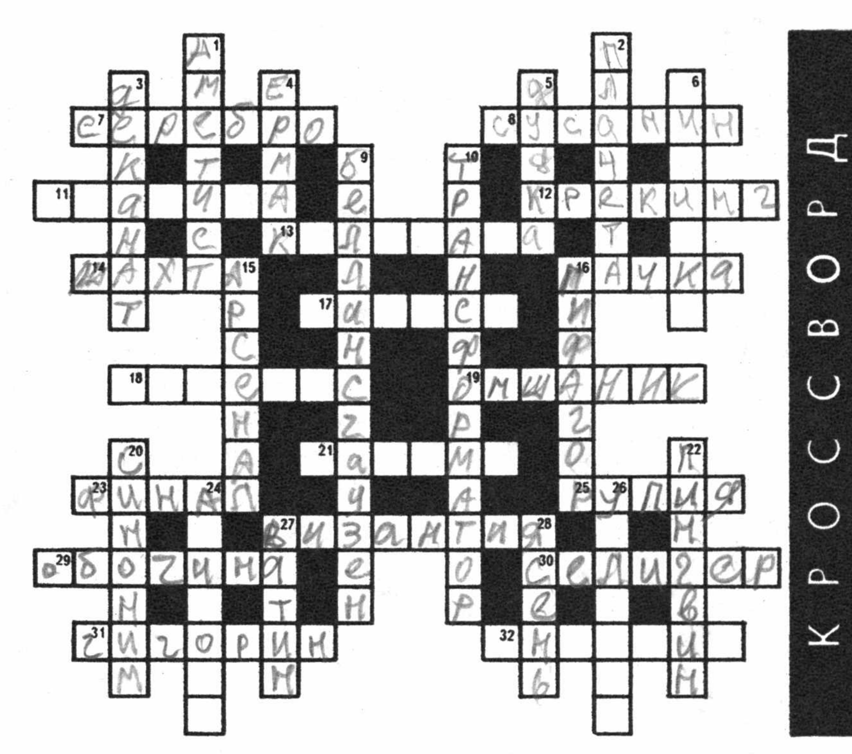
На связи с «Осой» сегодня дежурит Вадим Черданцев. Глаза его покраснели от бессонницы, но в голосе радость: не зря полночи возились с аппаратом!

— «Оса»! Провентилировать балластные цистерны! Готовьтесь к погружению...

Уже ничего не видно на поверхности залива. «Оса» исчезла под водой. Где-то глубоко внизу пульсирует свет маячка аппарата. «Они на грунте!» — кричит Черданцев. И все на катере поздравляют друг друга: впервые без страховочного троса, в открытом заливе «Оса» достигла дна.

Теперь всплытие. Томительно проходят минуты, прежде чем красно-белая рубка выныривает из воды, и вот уже весь аппарат, глянцевито блестя на солнце, покачивается на волнах. Кто-то из гидронавтов пытается выглянуть через верхний иллюминатор и делает нам радостные знаки...

— На сегодня все,— с облегчением выдыхает Виктор Петрович Шматок,— теперь домой, к пирсу. Зарядим аккумуляторы, и через денек — новое погружение!



По горизонтали:

7. Металл. 8. Герой оперы М. И. Глинки. 11. Млекопитающее отряда китообразных. 12. Способ переработки нефти. 13. Индийский поэт и драматург IV—V веков. 14. Горное предприятие. 16. Часть костюма балерины. 17. Река в Иркутской области и Красноярском крае. 18. Советский скульптор. 19. Помещение для зимовки пчел. 21. Поэма К. Хетагурова. 23. Заключительная встреча участников соревнования. 25. Денежная единица Индии. 27. Государство, возникшее в конце IV века в Римской империи. 29. Край дороги. 30. Озеро на Валдайской возвышенности. 31. Русский шахматист. 32. Роман Ф. В. Гладкова.

По вертикали:

1. Полудрагоценный камень. 2. Небесное тело. 3. Руководство факультета в высшем учебном заведении. 4. Ледокол Арктического флота. 5. Народный музыкальный инструмент. 6. Рассказ М. Горького. 9. Русский мореплаватель. 10. Аппарат для повышения или понижения напряжения электрического тока. 15. Склад оружия и военного снаряжения. 16. Древнегреческий философ и математик. 20. Слово, отличающееся от другого по звучанию, но совпадающее с ним по значению. 22. Полярная птица. 24. Штат США. 26. Химический элемент. 27. Трикотажная ткань с начесом. 28. Лиственное дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

1. Москвин. 4. Оркестр. 8. Айвазовский. 9. «Юность». 10. Капрон. 11. Саванна. 16. Ондатра. 17. Адмирал. 18. Симферополь. 21. Фартинг. 22. Селигер. 23. Америка. 26. Тоника. 28. Качели. 30. «Коробейники». 31. Арагуая. 32. Антонов.

По вертикали:

1. Мандолина. 2. Старт. 3. Игарка. 5. Ростан. 6. Сойка. 7. Репертуар. 11. Стремянка. 12. Амперметр. 13. Андромеда. 14. Кассета. 15. «Сильвия». 19. «Задонщина». 20. Менделеев. 24. Мимоза. 25. Ксенон. 27. «Кукла». 29. Анион.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Киевское «Динамо» — чемпион страны 1975 года.

Слева направо: 1-й ряд — В. Трошкин, В. Онищенко, В. Мунтян, 2-й ряд — тренеры команды О. Базилевич и В. Лобановский, 3-й ряд — В. Веремеев, В. Колотов, О. Блохин, Е. Рудаков, В. Зуев, тренер команды А. Петрашевский, 4-й ряд — В. Матвиенко, Л. Буряк, М. Фоменко, С. Решко, С. Кузнецов, А. Коньков.

Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Новый глубоководный аппарат «Оса» готовится к испытательному погружению (см. в номере материал Б. Смирнова «Оса» учится плавать»).

Фото Э. Эттингера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 24/XI — 1975 г. А 00689 Подп. к печ. 9/XII — 1975 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2942. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 1435.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

О. САХАРОВА
Фото А. БОЧИНИНА

КЛАССИЧЕСК

В жизни этой балетной труппы есть нечто от старинного театрального уклада. Что ни месяц, новый город, новая сцена — сегодня в многоярусном зале на тысячи мест, а завтра в поселковом клубе. За пять лет — сто семьдесят городов.

Но вот смотришь спектакли, сидишь на репетициях, беседуешь с Юрием Тимофеевичем Ждановым, руководителем государственного концертного ансамбля СССР «Классический балет», и романтический флер старинности развеивается, уступая место самой что ни на есть современной реальности. Жданов говорит:

— Мы не имеем права отнимать у человека «живой» балет. Это настолько прекрасно, что нужно одинаково всем: и эстетам и ученикам профтехучилищ. В небольших городах ход наших гастролей почти всегда одинаков: на первый концерт продано бывает лишь три четверти билетов, а через несколько дней дирекцию засыпают просьбами о продлении гастролей.

В труппе не только разные характеры, но и разные возможности, школы. Оказывается, и здесь причина самая современная.

Хорошо учат балету теперь не только в Москве и Ленинграде, это уже ни для кого не секрет. Значит, есть возможность точнее подобрать танцовщика, индивидуальность которого близка лицу ансамбля.

Здесь начинаются для всех общие «университеты». Педагоги-репетиторы, пришедшие в основном из Большого театра, организуют единый стиль танца, дают эталон классики. Идет работа — обычная, тяжелая, изматывающая балетная работа. Чтобы потом танцовщик, упорно и трудно поднимаясь к мастерству, ярко раскрылся в партии, умело и чутко избранной Ждановым именно для него.

Коллектив ансамбля — это разные интересы, дарования, натуры, вкусы. Не только исполнителей, но и балетмейстеров, работающих с ансамблем, и, кроме того, тысяч людей, приходящих смотреть каждую программу. Что же находят все они в классическом балете! Наверное, то же, что их предшественники на сцене и в зале сто лет назад: возможность танцем выразить и в танце понять самое главное, сокровенное в душе человека. И современное. Не просто по времени, а по духу восприятия.

«Я глубоко убежден, что богатейшие традиции нашего отечественного балета до сих пор таят в себе поистине неисчерпаемые возможности для развития всех форм и жанров современного балетного творчества» — это кредо Жданова-балетмейстера и Жданова—руководителя труппы. С этим пришел он сюда пять лет назад, с этим строит он планы на будущее. Поэтому-то в репертуаре ансамбля стоит одноактный балет А. Петрова «Поэма», воссоздающий образы «солдат, с кровавых не вернувшихся полей», и «Контрасты» Р. Щедрина, полные острых и противоречивых человеческих переживаний. Их автор — ленинградский балетмейстер В. Елизарьев — ищет в классике основу для новых пластических сочетаний. Номера, созданные киевлянином Г. Майоровым, озарены открытой и лукавой улыбкой молодости, пронизаны современными ритмами. Хореографической балладой о матери можно назвать миниатюру «Старая фотография», поставленную Ж. Байдаралиным на музыку Д. Д. Шостаковича.

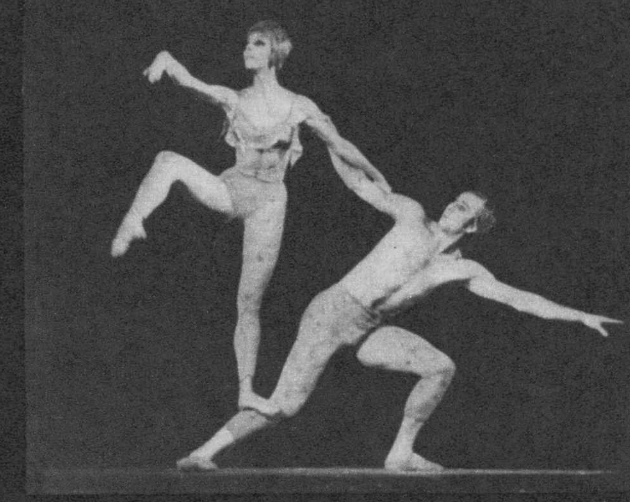
Поэтому творчество самого Жданова представлено сочинениями, где классика оживает и в привычных и в неожиданных формах, в многоликости своих стилей и жанров. В дивертисментной «Весенней фантазии» танец живет не ради танца, а ради воплощения красоты. Наверное, в видении общей картины своего ба-

Па-де-де из балета «Дон-Кихот» танцуют Н. Ставро и В. Емец.

летмейстерского замысла Жданову помогает незаурядное дарование живописца. Особенно это сказывается в массовых сценах, где орнамент кордебалета создает законченный пластический рисунок. В романтической «Хореографической сюите», миниатюрах на музыку Рахманинова, Листа наиболее полно дает себя знать яркое артистическое прошлое Юрия Жданова, народного артиста РСФСР, премьера Большого театра, партнера Улановой, Лепешинской.

Выразительность, эмоциональность, глубина мысли — это черты, которые Жданов принес со сцены Большого театра в ансамбль. С самой первой репетиции номера он не просто объясняет исполнителю порядок движений, а стремится вдохнуть настроение будущего образа, идею. Движения будто рождаются тут же. Балетмейстер и танцовщик объясняются какими-то полусловами, полужестами, выверяя каждый оттенок позы. Кульминация будущей миниатюры становится кульминацией репетиции, когда в Жданове вновь просыпается танцовщик и он опять и опять сам проверяет текст постановки, напевая вполголоса мелодию, отбивая и отсчитывая такт.

Жданов любит ставить балетные номера на музыку Рахманинова, Листа, Скрябина. В них та сила, то вечное обновление, которыми живет истинное искусство.



Миниатюра «Лунный свет». Исполняют Н. Данилова и М. Ратевосян.

Ю. Т. Жданов на репетиции.

ИЙ БАЛЕТ

«Весенняя фантазия»...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663